

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Н. С. Астанина

Верстка: О. Н. Вялкова

5/2023

Содержание

ПРОЗА

Владимир ЧОЛОКЯН. Оценка для учителя. Роман. Окончание.	3
Владимир РЮТИН. Когда я стану большой? Рассказ.	73
Светлана ТРЕМАСОВА. Как действует Бог. Рассказ.	84
Александр ОЛЕКСЮК. О вещах и людях. Рассказы.	101
Наталья ДЕНИСОВА. Басни северной деревни. Миниатюры.	111
Феруза ИБРАЕВА. Повестка. Рассказ.	123

ПОЭЗИЯ

Александр ДЕНИСЕНКО. «Белым-бело сегодня в НСО...». Стихи.	60
Яков МАРКОВИЧ. «Средь полуденных болот...». Стихи.	97

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Елена БАСАЛАЕВА. У детей своя война.	127
<i>Литературная премия «Иду на грозу»</i>	
Леонид ТЕРУШКИН. «...И на их примере воспитывать медицинскую молодежь». И. Б. Фридлянд — врач, фронтовик, ученый.	142
Евгения АКИМОВА. Зазубринская «Щепка» Сергея Афанасьева. <i>К 128-летию В. Я. Зазубрина.</i>	157

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена САФРОНОВА. Возможно ли детективное «импортозамещение»?	166
Кристина АНДРИАНОВА-КНИГА. Киногерой нашего времени.	180

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Издано в Сибири.	186
-----------------------	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Михаил ЩУКИН. Окопная правда лейтенанта Чебанова.	189
---	-----

Авторы номера	190
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Владимир ЧОЛОКЯН

ОЦЕНКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Р о м а н

* * *

Крепкий сон Сергея никто не нарушил. В нем не было больше ни охранника во фраке, ни заискивающей Анны Константиновны. Только тихая, безмолвная тьма. Надрывного звонка телефона, оставленного на кухне, Сергей слышать не мог: дверь в его комнату была предусмотрительно закрыта...

И когда он наконец проснулся, впервые за долгие месяцы с ощущением бодрости, первая же посетившая его мысль испортила все удовольствие от пробуждения. Он вскочил с дивана и ринулся на кухню, чувствуя саднящую боль и ломоту во всем теле. Голова за резкие движения тоже не сказала спасибо и опять стала такой тяжелой, как будто весила килограммов сорок.

Три пропущенных вызова от Катерины!

Часы на холодильнике показывали восемь. Сергей задумался, перезвонить ей сейчас или дождаться обеда. Понимая, что с каждым часом о нем думают все хуже, перезвонил.

— Доброе утро, Катерина. Я...

— Здравствуйте, Сергей! Что-то случилось? У нас вчера по расписанию должно было быть занятие.

Голос ее звучал, как обычно, приветливо, в нем не слышалось и намека на упрек.

— Я приболел и не смог позвонить. Извините.

— Что-то серьезное?

Сергей нащупал на левой щеке пластырь и аккуратно отклеил.

— Нет, ничего особенного. Завтра урок обязательно состоится.

— Хорошо. Будем ждать!

Положив трубку, Сергей выдохнул. Как-то сразу отлегло. Он боялся, что Катерина посчитает его халтурщиком и ненадежным человеком. Разве профессионал отменяет урок без причины?

— Как голова? — спросила мать, когда Сергей вышел из душа, мокрый и посвежевший.

— Хороший сон все лечит.

— С перепоею-то не тошнит?

— Я, по-твоему, еще и алкаш? Вино из моего стакана, между прочим, ты выпила!

— Ладно-ладно, я пошутила. Подойди сюда.

Сергей прошел в зал и сел на диван рядом с креслом, где сидела мать. Она отложила книжку, сняла очки и посмотрела на сына.

— Эти твои друзья действительно хотят помочь?

— Хотят. У них с Бокаровым свои счета, так что в этом смысле мы на одной стороне.

— Хорошо, когда есть на кого положиться...

— Это да. Они, конечно, на своей волне, но у них большой опыт.

Журналистика — дело такое.

— Я не про них.

Глаза на осунувшемся лице матери блеснули, как от слез. Но в этом, решил Сергей, виноваты очки. Она явно хотела разговора по душам. В последнее время у нее никак не получалось пробить брешь в стене, которой сын отгородился после того, что случилось в гимназии. Мать была женщина прямолинейная и достаточно косноязычная. Временами Сергею даже бывало за нее неудобно. Раньше он куда охотнее делился с ней своими переживаниями... До встречи с Леной? Непонятно почему, мать связывала отчужденность сына с появлением рядом с ним этой девушки, хотя не это было причиной. Или это?

— Ой, да хватит!

— Лена твоя даже не объявилась. Вот тебе и подруга, а?

Сергею вдруг захотелось рассказать правду о Лене и ее отце, о том, каким вдвойне неприятным было открытие, сделанное им на заводе. Но он сразу же передумал: повествование грозило затянуться надолго, а вязнуть в длинных беседах не было настроения.

— Забудь о ней. — Сергей встал и удалился в свою комнату.

Полноценного разговора не вышло, но матери и этой информации будет достаточно. Забыть о Лене — это она с радостью.

Во входящих сообщениях уже была ссылка на сюжет от Вали.

«Интересно, что они там наворотили?» — подумал Сергей.

Видео длилось пять минут двадцать три секунды. Закадровый голос Ани бодро вещал:

— На территории бывшего завода «Электромеханика» найден подпольный цех фасовки медицинских препаратов. В грязном, плохо отапливаемом помещении руками мигрантов из Средней Азии закатываются в блистеры и помещаются в упаковки знакомые каждому лекарственные средства, которые можно купить в любой аптеке. На кадрах, снятых нашим специальным корреспондентом, видны отвратительные, антисанитарные условия, в которых готовится к продаже контрафактный товар. Есть все основания полагать, что одним из организаторов этого нелегального

производства является известный бизнесмен, почетный гражданин нашего города и кандидат в губернаторы Анатолий Бокаров...

Сергей не стал досматривать. Он увидел, что ссылка ведет на основной канал «Нашей Правды» и видео было залито ночью. Тысяча просмотров, двадцать один комментарий.

«Вот и скинули на проверку!» — с досадой подумал «специальный корреспондент».

С другой стороны, дело сделано, назад ничего не воротишь. Может, и лучше, что сюжет выложили, пока он спал: меньше сомнений и переживаний. Фраза Бокарова о втором предупреждении дополнительных разъяснений не требовала.

Держать все случившееся в себе было тяжело, поэтому звонок Олега и предложение сходить в бар Сергей воспринял с воодушевлением, несмотря на протесты матери. Глянув с грустью на порванный карман своего пальто, он влез в старую зимнюю куртку, которую не носил уже года четыре, неуклюжую, зато теплую. О том, чтобы выглядеть стильно, пока можно было не думать.

У Олега выходные часто выпадали на будние дни. В данном случае это было хорошо: затхлое помещение «Экстренного торможения» оказалось почти пустым. Бармен смотрел новый сезон какого-то корейского сериала; одинокий посетитель, сидевший за столиком в углу зала, скоро свалил, и друзья остались одни. Можно было поговорить, не опасаясь чужих ушей.

— Та-ак... Что на этот раз?

Рожа Сергея хоть и стала выглядеть лучше, явно вызывала вопросы.

— Проще показать.

Интернет в подвале не работал. Что говорить — даже обычная GSM-сеть пробивалась сквозь толстые вековые стены с трудом.

— Вот, смотри.

Сергей открыл вместо видеосюжета собственную запись. А в роли комментатора выступил сам, не слишком охотно и спотыкаясь на каждом слове.

— Почему ты мне об этом не сказал? — спросил Олег.

— И что бы ты ответил? «Не вздумай туда лезть, дурак»?

— Я и сейчас это скажу. Мало того, что ты узнал про эту лабораторию, так еще и забрался туда!

Сергей заблокировал телефон и убрал в карман джинсов. Друзья решили обойтись без пива и взяли по чашке один кофе, другой — чая. Сергей все еще чувствовал некоторую слабость и спиртного не хотел. Олег на днях обмывал повышение коллеги до должности начальника отдела и пить не мог.

— А что я должен был делать?

— Позвонил бы мне. Мы бы туда группу снарядили. Самоуправством в таких делах заниматься нельзя, это не тетрадки в школе проверять. Тут замешаны серьезные деньги, — Олег отпил чаю, — и политика.

— Ага, можно подумать, ваше ведомство дало бы этому делу ход!

Олег хотел возразить, однако не нашел аргументов.

На единственном экране бара группа корейских подростков бежала по болоту, светила перед собой фонариками и спорила о чем-то на родном языке. Снизу, запаздывая на доли секунды, появлялись субтитры.

— Во всяком случае, это задача не для учителя.

— Когда я понял, что нашел лабораторию, — сразу побежал снимать. Сам не знаю, что за волна меня подхватила... азарт, что ли? Надеялся собрать материал, который окажется хорошей такой палкой в колесах бокаровской предвыборной машины!

— Ясно. А отрихтовала тебя его охрана?

Сергей пригубил кофе, сморщился и тут же чуть не выплюнул его обратно.

— Черт их разберет, кто они... Трое за мной погнались от лаборатории, но я успел спрятаться, и они меня потеряли на время. Потом, уже на выезде, мы чуть не врезались в машину Бокарова, и тут эти, сзади, догнали. Ну завязалась потасовка...

Не сдержавшись, Олег засмеялся.

— С таким везением, братан, я бы поостерегся бросаться в авантюры. Там что, с завода только один выезд?

Сергей не ответил. Иногда проще промолчать, чем объяснять детали. Он и без того понимал, что ситуация странная. Может, их новая встреча с Бокаровым действительно совпадение, но, если разобраться, все равно ничего хорошего.

— Он сказал, что это мне второе предупреждение. Вали, мол, из города.

— А ты вместо этого со своими журналистами сюжет выпустил?

Сергей кивнул и через силу сделал еще пару глотков из чашки. Странно было бы получить в пивном баре нормальный кофе, но этот оказался просто рекордно плохим: невыносимо горький, оставляющий черный налет на чашке, словно вместо молотых зерен варили угольную крошку. Сергей сильно пожалел, что не взял чай.

— Знаешь, я бы на твоём месте последовал совету папика, — сказал Олег. — Уезжай куда-нибудь, пока еще можно.

— Издеваешься? Куда я уеду? В деревню?

— Да хоть бы и в деревню. Посидишь там тихо, пока все не устаканится. После выборов вернешься.

Решив себя больше не мучить, Сергей отодвинул кофе.

— Разве это не наоборот работает? Перед выборами он будет больше печься о своей репутации и вести себя осторожнее...

— Серега! Этому человеку репутация без разницы. Он в своей победе уверен. Тем более там, наверху, всё уже решили. А для тебя отъезд — мера безопасности. Не только твоей. Подумай о матери, о Лене...

— К черту Лену.

— Что это вдруг?

Сергей тяжело вздохнул.

— Ее отец служит водителем у Бокарова.
— Погоди... Чё?! — Олега обычно было сложно удивить, но тут даже он не ожидал подобного.

— И он видел, как меня били охранники. И... просто стоял и смотрел.

— А ты раньше не знал, где он работает?

— Нет. Больно мне это надо было. Ну возит кого-то, и ладно...

Олег взял свою чашку двумя руками и сделал глоток.

— Хорошенький поворот, конечно! А Лена что?

Только теперь Сергей начал понимать, что их отношения с Леной были еще более поверхностными, чем ему казалось. Их общение в основном сводилось к бессмысленной болтовне, и он не знал ничего не только о ее родителях, но и, в сущности, о ней самой. Похоже, мать была права.

— Лена... Ей отец по мозгам неплохо проехался.

— Вот ведь бывают совпадения... В любом случае, братан, поверь моему опыту: ты влип в крайне опасное дело. Ходишь по краю. Тем более... — Олег посмотрел прямо в поцарапанное лицо друга. — Тобой ведь уже давно не педагогические амбиции движут. Ты попросту мстишь. Бокаров тебя унизил, да. Но не лучше ли остановиться и перетерпеть? Весовые категории-то разные...

— Это ты мне как сотрудник полиции говоришь? — зло выпалил Сергей.

— Как друг я тебе говорю. Чего ты хочешь добиться? Какой именно победы? Как ты ее себе представляешь?

— Я теперь не могу ни в одну обычную школу города устроиться, не то что в гимназию! Эта министерская блокировка не оставляет мне выбора. Я должен использовать любые доступные мне методы. Если понадобится — идти ва-банк. А иначе что остается? Сидеть тихо и перебиваться репетиторством?

— Разве это плохой вариант? По-моему, наоборот, хорошая альтернатива. График свободный, еще и денег наверняка больше заработаешь.

Сергей закрыл лицо руками.

— Есть в мире справедливость, в конце-то концов?

Допив чай большим глотком, Олег посмотрел на друга:

— Нет.

Позицию Олега Сергей и так знал. Когда человек связан с государственными структурами, сложно ждать от него поддержки авантюры без ясного исхода. Однако в главном друг был прав: о безопасности стоило подумать всерьез. Бокаров смог сделать так, чтобы документы Сергея заблокировали в министерстве, чтобы его мать-пенсионерку уволили из библиотеки. Кто знает, на какие еще пакости способен этот «папик»?

Олег вызвался подбросить Сергея до дома, и это было очень кстати: на улице ощутимо похолодало, а при долгом хождении все еще ломило ноги и тянуло поясницу. Еще не наступил час пик, и по полупустым дорогам друзья добрались к подъезду Сергея за считанные минуты. Серая Audi 100 в попытке развернуться в узком дворе преградила им путь,

но быстро ретировалась, оставив после себя черную завесу едкого выхлопа, которая в морозном воздухе долго не рассеивалась.

— Смотри, как арки проржавели. Ну и гнилуха! А ведь ездит еще, — заметил Олег.

Поблагодарив друга, Сергей вошел в подъезд и ткнул кнопку вызова лифта. Судя по звуку, тот ехал с самого верха. Пованивало алкашами, но, видимо, запах не выветрился с прошлого раза: лестничная площадка была пустой. Может, подействовала отправка в «обезьянник»? Хотя пьяницы — люди предприимчивые, всегда найдут лазейку, если приспичит...

— Сереж, тут твои друзья из гимназии приходили. Ты их не встретил по пути?

— Кто?

Мать вытерла о фартук мокрые руки, проследовала в зал и вышла оттуда с конвертом. Сергей снял тяжелую куртку, от которой болели плечи, разулся и пнул ботинки в сторону.

«Какие еще, к черту, друзья?» — подумал он.

— Передали какие-то документы. Сказали, ты их в бухгалтерии забыл.

Схватив конверт, Сергей заперся в своей комнате. Он сел за письменный стол, включил лампу и разглядывал конверт на свет, пытаясь понять, что внутри. Бумага оказалась плотной, ничего не различить. Сергей разрезал конверт и вытряхнул содержимое — по столу разлетелось несколько цветных фотоснимков.

— Ах вы, суки...

На кадрах были зафиксированы все его недавние перемещения: квартира бабки оператора на окраине города, дом Катерины в коттеджном поселке, затаскивание дивана в подъезд к Олегу. Даже мать, выходящая из магазина «Ландыш». Все это время за ним вели круглосуточную слежку, а он, наивный дурак, этого даже не заметил. Хотя как заметишь то, к чему не готов? Мало ли машин ездит вокруг, мало ли людей болтаются без дела по улицам.

Сергей вдруг дернулся на стуле, словно его ударило током. Нет, страхом это назвать было никак нельзя. После съемки подпольного цеха и беготни по заводским подворотням какие-то фотографии вряд ли могли всерьез его испугать. Но если за ним следили, это кардинально меняло ситуацию. Бокаров знал о нем все, а Сергей о Бокарове — ничего. Он почувствовал, что загнан в ловушку. Что родной дом, четыре стены комнаты, где он вырос, больше не являются безопасным местом.

«А если они еще и читают переписку?» — мелькнуло в голове.

Вспомнив, что в мессенджере есть функция защищенного звонка, Сергей набрал Валин номер. Трубку долго не поднимали, но потом отвели. Там, где Валя сейчас была, что-то назойливо шумело, и слышно было отвратительно.

— За мной следят.

— Чё?

— И за вами, наверное, тоже.

— Я не слыш...

Сбросив вызов, Сергей отложил телефон в сторону. Он аккуратно, в ряд, разложил фотографии из конверта и сделал общий снимок. Сразу же отправил в личные сообщения Вале. Не прошло и тридцати секунд, как она перезвонила по обычному номеру.

— Это очень хреновая новость.

Связь теперь работала прекрасно, без посторонних шумов. Наверняка тем, для кого этот разговор не предназначался, было слышно каждое слово.

— Что делать?

— Не знаю. Пока из дома не высовывайся.

Он и не собирался. Куда идти? Тем более все его маршруты были как на ладони.

Следующим Сергей проинформировал Олега.

— Скажи Нине Андреевне, чтобы собирала вещи, — тут же отреагировал тот.

— В деревню? Да она меня не послушает.

— Меня послушает. Скоро буду.

Все пренеприятнейшим образом ускорилося. Каждое действие теперь было ходом в шахматной партии. Необходимо было заранее продумывать шаги, чтобы тебе внезапно не поставили мат. Ведь это письмо почему-то прислали именно сейчас. Значит, у Бокарова и его подручных заготовлен какой-то козырь в рукаве, ответный удар. Интересно, дело только в публикации видеозаписи из подвала? Или случилось что-то еще, о чем Сергей пока не знает?

Беда в том, что он умел играть только в шашки. А шахматную партию по правилам шашек не выиграть.

— Ма, тут такое дело... Тебе надо в деревню на время уехать.

— В смысле?

Мать готовила к отправке в духовку яблочный пирог. Она посмотрела на сына непонимающе, словно он требовал от нее какой-то ерунды.

— Это не друзья из гимназии приходили.

— То есть как это? — Она отошла от плиты и села на стул. — Такие ребята милые...

Сергей почесал лоб.

— Собирайся. Это для твоей же безопасности. За нами следят.

— Это тебе журналисты твои сказали? Что за бред!

Несерьезность, с которой мать восприняла новость, разозлила Сергея.

Что бы он ни сказал, любая самая важная информация в ее глазах всегда выглядит как шутка. Сыночек просто фантазер и преувеличивает. Ах, если бы!

Пирог скрылся в духовке. Сергей с радостью отправился бы следом, потому что убеждать мать не было никаких сил. Для нее неочевидна даже прямая связь между его избением на заводе и сегодняшним письмом. Тогда Сергей сходил в комнату, собрал в охапку фотографии, вернулся

и разложил их веером на кухонном столе, прямо поверх разводов муки, яблочных ошметков и прочего мусора.

— Тут что, я? — спросила мать, показав на собственное изображение возле супермаркета.

Это немного ее отрезвило.

Через некоторое время приехал Олег.

— Нина Андреевна, это не шутка. Вам лучше какое-то время пожить в деревне.

— А работа как же? Я только устроилась. Меня второй раз не возьмут!

— Скажите, что заболели. Дольше недели это не продлится.

— Ох, хорошо... Поговорю потом с Машкой. Выпишет больничный.

Машкой звали соседку, которая работала в городской поликлинике.

Именно она когда-то делала Сергею справки для военкомата.

Слова Олега были для матери куда более веским аргументом, чем любые объяснения родного сына. Конечно, ведь это человек из полиции. Он точно знает, как правильно.

Впопыхах собрав две сумки вещей, мать потянулась за телефоном, чтобы позвонить тете Оле.

— Не надо. Пусть это будет сюрприз, — остановил ее Сергей.

— Звоните, — махнул рукой Олег. — Если вас прослушивают, то давно. Это ничего не изменит.

В итоге родственники в деревне Кучмазово были предупреждены.

Стоило открыть дверцу духовки, как комнату заполнил мощный аромат печеных яблок. Противень мигом очутился на столе. Мать быстро нарезала большой пирог на равные части.

— Я только из дома, поел, — попробовал отбиться Олег.

— Ну вот что! Работа у тебя нервная, есть надо много.

Ради приличия он взял кусок пирога и положил на тарелку.

— А ты чего сидишь? — Мать повернулась к Сергею. — Пока не съедим, я не поеду!

— Заверни деревенским. Вадик будет рад. Мы целый противень сейчас точно не осилим.

После конверта с фотографиями у Сергея не было никакого желания прикасаться к еде, но с матерью на эту тему спорить было бесполезно. Пришлось через силу затолкать в себя кусок, горячий и влажный, обжигающий небо. Яблок в пироге было очень много, еще и порезанных толстыми ломтями, а боковины получились мощными, как крепостные стены. Чтобы точно ничего не вытекло.

Несмотря на простенький, домашний вид, у пирога было одно неоспоримое достоинство: он был по-настоящему вкусный. Стряпня Катерины, хоть и выглядела как на глянцевой картинке в кулинарном журнале, по вкусу тоже напоминала скорее бумагу.

Уже в коридоре, с сумками, мать велела «присесть на дорожку». Сергея эта примета раздражала до крайности, он в ней не видел ничего, кроме малодушия и какого-то языческого преклонения перед слепым

случаем. До деревни было шестьдесят километров, и при хорошем раскладе ехать туда предстояло не дольше полутора часов. В каком-нибудь ином мегаполисе она считалась бы пригородом. Но Сергей, естественно, ничего не сказал, молча сел на обувную полку и уставился в стену.

Тут мать заплакала.

— Ты чего? — спросил Сергей.

— Не нравится мне все это!

Он обнял ее и принялся успокаивать. Олег, почувствовав себя лишним, вышел на лестницу. Сергею вдруг тоже стало некомфортно, словно он вновь очутился в детстве. К горлу подкатил ком. Для него, совершенно домашнего ребенка, любые отъезды сопровождались невероятным стрессом. Если другие дети зачеркивали на календаре дни в ожидании летней лагерной смены и вспоминали потом о ней как о лучших моментах жизни, то Сергей воспринимал такие поездки как каторгу, принудительную ссылку за несуществующую провинность.

Мать это прекрасно понимала и специально отправляла сына в летние лагеря, чтобы он учился быть сильным и этот страх переборол. «Тяжело же тебе будет в жизни», — говорила она всякий раз, когда Сергей накануне отъезда впадал в ступор.

Причем в самом лагере он прекрасно уживался с окружающими. В компании сверстников, вдали от родительского контроля и при естественном попустительстве вожатых, всегда случалось что-нибудь интересное. Но мысль о необходимости перешагнуть наружу порог родного дома, услышать за спиной стук закрывшейся двери приводила юного Сергея в ужас. Мать не провожала его до автобуса. Она обнимала сына на прощание в прихожей, и он быстро убегал по лестнице, отчаянно борясь с желанием вернуться.

Теперь все было наоборот. Те же люди, тот же коридор, только они с матерью поменялись ролями. И приключения впереди могли ждать отнюдь не веселые.

* * *

Железная дверь в квартиру громко захлопнулась. Зазвенели ключи. Сергей спрятал их во внутренний карман куртки. Олег все это время стоял у окна на лестнице и глядел во двор.

— Все спокойно? — спросил Сергей.

— Вроде бы.

Сумки были довольно легкими. Второпях мать наверняка что-то забыла, но это не важно. Главное — ей быть отсюда подальше. Погрузив все в багажник «калины», Сергей сел на переднее сиденье, оставив в распоряжении матери весь задний «диван». Олег осмотрелся, словно ожидал подметить что-то подозрительное в соседских машинах, завел двигатель и медленно покатил по двору.

Время для выезда из города оказалось самым неудачным: движение на главных улицах увязло в заторах, автовладельцы, возвращавшиеся с

работы, валили безумным потоком из центра по своим углам, в районы растущих на глазах многоэтажек, унылых, несмотря на цветные фасады. Мост, соединяющий левый и правый берега, был до отказа забит машинами и походил скорее на парковку, чем на оживленную транспортную артерию. «Калина» Олега направлялась в сторону, противоположную основному потоку, но до кольцевой дороги отдельного, свободного от трафика пути просто не существовало.

Словно глядя кошку против шерсти, «калина» прорывалась через плотный затор из десятков машин, где почти в каждом окне рисовалась кислая, усталая рожа. Озлобленные водители сигналили, подрезали, моргали фарами — словом, всеми доступными способами проявляли свое крайнее недовольство жизнью. Сергею стало неудобно, что Олегу пришлось в выходной заниматься их с матерью делами и везти их в деревню. Пускай это и была его собственная инициатива.

Вырвавшись из городской толчи на кольцевую, «калина» ускорила и уверенно понеслась вперед. Небо затянули тучи, и вечерние окрестности исчезли, превратившись в редкие размытые огни вдоль обочин ярко освещенной многополосной дороги. До съезда на региональную трассу было еще далеко, поэтому можно было прибавить ходу и немного отыграть упущенное в пробках время.

— Не нравится мне эта машина, — вдруг произнес Олег.

— Какая?

Сергей посмотрел в зеркало и увидел, что на расстоянии в несколько корпусов за ними следует серая Audi 100.

— Мы ее около подъезда сегодня видели.

— Кажется, не только, — ответил Сергей, вспоминая улицу коттеджного поселка.

— За нами что, погоня? — спросила мать, оглянувшись на чуть подернутое инеем заднее стекло.

— Они даже не скрываются. Сейчас я приторможу, а вы попробуйте номер увидеть.

«Калина» начала плавно замедляться. Audi тоже сбавила скорость. По левой полосе прогремел огромный четырехосный самосвал, раскидывая из-под колес в разные стороны песок и грязь, и запачкал лобовое стекло «калины». Олег включил дворники. Он хотел проверить маневр с притормаживанием ненавязчиво, но препятствий на пути не наблюдалось, поэтому любому было понятно, что «калина» тормозит нарочно. Она ехала куда медленнее, чем остальной поток.

— Вэ, — начал диктовать номер Сергей, взглядываясь в зеркало, — шесть, восемь...

Audi перестроилась на первую полосу и стала ускоряться.

— Нет — шесть, три... Ма, запоминай!

— Вэ, шесть, три, — повторила мать.

Она тоже стала рассматривать преследующую их машину.

Олег придавил педаль тормоза. «Калина» сблизилась с целью. Сергей, повернув голову, смотрел на номерной знак. Фары Audi светили

желтым, причем левая — ярко, а правая — тускло и не на дорогу, а на обочину. Машина была вся в грязи, и ничего толком разглядеть не получалось. Кроме того, что ехали в ней как минимум двое.

— Пять, о...

— Вэ, шесть, три, пять, о...

Фонарные столбы ритмично освещали дорогу: раз... раз... раз... Сергей всматривался в лобовое стекло Audi, при каждой вспышке света пытаясь разглядеть лицо водителя. Но ничего не получалось. Сзади нервно посигналили и моргнули дальним. Олег метнулся в правую полосу и оказался буквально в нескольких метрах перед Audi, едва ее не подрезав. Слева пролетела белая иномарка — и скоро стала еле различимым красным огоньком далеко впереди.

— Вэ, шесть, три, пять, о, хэ, пять, восемь, — отчеканила мать.

— Точно? — переспросил Сергей.

— Да.

«Калина» вернулась на свою полосу и рванула вперед. Олег раскручивал двигатель до упора. Рычаг коробки передач противно задребезжал. Машина нагнала идущий впереди кроссовер и обошла его, стараясь оторваться от Audi.

— Пятьдесят восемь — это чей такой регион? — поинтересовалась мать.

— Не знаю, — пожал плечами Олег.

Первое время Audi старалась держать темп, но преклонный возраст автомобиля давал о себе знать, и «калина», шныряя из ряда в ряд, ушла вперед на солидную дистанцию. Справа промелькнул знак, указывающий место поворота. Из навигатора послышалось: «Через триста метров поверните налево». «Калина» плавно последовала указаниям.

— Цас я своим маякну. — Олег достал телефон и позвонил.

Он продиктовал номер Audi и попросил пробить его по базе госавтоинспекции.

— Хотя бы будем знать, с кем имеем дело.

За пределами кольца дорога превратилась в двухполосную и неосвещенную. Редкие встречные машины светили дальним светом, и приходилось им моргать, чтобы перестали слепить. Это не очень помогало. Фары «калины» позволяли видеть вперед метров на тридцать. Что было вокруг, оставалось загадкой. Качество асфальта тоже ухудшалось по мере удаления от города. Передняя панель машины начала противно скрипеть, из багажника донеслись глухие удары.

— Задняя стойка потекла. Все никак не поменяю, — объяснил Олег.

По пути встречалось много населенных пунктов. Дорога была проложена прямо через них. Знаки недвусмысленно требовали, чтобы водитель сбавил скорость. Но зимой и так не разгонишься — только полный кретин станет лихачить на таких переметах.

В салоне образовалась нервная тишина. Каждый ехал, погруженный в свои мысли. По радио играла музыка. Она то и дело прерывалась, и начинались помехи, поэтому Олег убавил громкость почти до минимума.

Зазвонил телефон.

— Да? Хм, этого стоило ожидать.

— Что? — спросил друга Сергей.

— Номер от давно утилизированной машины.

Информация эта хорошему настроению не способствовала.

Сергей прекрасно помнил дорогу до Кучмазова, но в темноте все выглядело совсем незнакомо. Даже когда «калина» наконец пересекла границу деревни и справа по ходу движения нарисовалась местная архитектурная доминанта — старый заброшенный храм, — внезапно проступивший из тьмы неоготический силуэт удивил Сергея. Это здание с детства пугало его и завораживало. Было в этом нетипичном для региона католическом здании что-то фантастическое, словно сошедшее со страниц средневековых европейских саг божество поселилось в этом краю полей и обмельчавшей речки Буринки, рядом с разрушенными стенами совхозных свинарников.

Единственная улица деревни Кучмазово соединяла две другие местные достопримечательности: памятник Ленину и стелу героям войны. На километровом участке между ними уместились все важные для жизни объекты: почтамт, продуктовый магазин «Эльмира», возле которого только и горел фонарь, двухэтажное, еще дореволюционное здание школы и остов больницы, разобранной предприимчивыми жителями буквально по кирпичу.

Олег пару раз тут бывал, но, естественно, не мог помнить, какой именно неосвещенный и заваленный снегом поворот им нужен. Несмотря на то, что время еще было не позднее, деревня словно вымерла. Как и сотни лет назад, ритм жизни ее обитателей зависел от светового дня, поэтому под сумерки все забивались в свои дома и куковали в них до рассвета.

— Там, за трансформатором сразу, — махнула рукой мать.

Родовое гнездо семьи Сергея и новый дом, в котором жила тетя Оля с мужем и сыном Вадиком, находились друг против друга в тупиковом ответвлении под названием Садовый проезд. Проездом оно, видимо, было на заре строительства деревни, потому что, сколько Сергей себя помнил, короткую улочку в конце перегораживало широкое болото. Со словом «садовый» было проще: до сих пор вдоль участков росли одичавшие яблони, остатки когда-то огромного сада, принадлежавшего дореволюционным владельцам деревни — помещикам Баришевым. Массивный фундамент их усадьбы можно было найти на холме за полем.

«Калина» осветила синий деревянный забор и остановилась. В доме, принадлежавшем матери и Сергею, горел свет. Тетя Оля, конечно, уже хозяйничала внутри, поскольку ключи всегда оставляли ей.

— О-ой, привет, сестричка! — Мать бросилась обниматься.

Олег с Сергеем стояли с сумками в сенях.

Одноэтажный деревянный дом с двумя комнатами, кухней и длинными застекленными сенями выглядел крепким и внутри за последние лет сорок особо не поменялся. Из благ цивилизации в нем были электричество

и газовое отопление. При этом старую печь никто разбирать и не пытался. Она так и стояла в первой, проходной комнате, занимая пятую часть ее площади. Аргументировали это тем, что печь была чуть ли не несущим элементом всего дома и демонтаж чреват катастрофическими последствиями. Да и, честно говоря, заниматься этим оказалось некому. Когда разговоры о демонтаже шли всерьез, Сергей был еще ребенком, а его дед идею не поддержал и стоял за печь горой. Теперь же у выросшего внука не было на реконструкции ни времени, ни желания.

— Что у вас случилось?

Тетя Оля, будучи родной сестрой матери, выглядела совсем непохоже: низенькая, толстая, с большой вытянутой головой, вечно удивленным лицом и пухлыми щеками. Ее подбородок плавно перетекал в шею, как у жабы, что в детстве пугало Сергея. Годы не сделали тетю Олю краше, но она сохраняла невероятную для своих габаритов подвижность и живость.

— Сложно объяснить... — начал Сергей.

Мать его перебила:

— Он в гимназии повздорил с каким-то бизнесменом, который в выборах участвует, и тот теперь не дает нам жить спокойно!

— Это с кем, с Бочаровым, что ли? — спросил дядя Петя, муж тети Оли.

Он вышел из дальней комнаты, держа в руках гаечный ключ. Худощавый, но крепкий мужик ростом под метр девяносто, почти как Олег, и с совершенно бесстрастным, как у манекена, лицом. Разве что у манекена нет седых волос и морщин. Все в нем было ладным и правильным, как по лекалу. Сергея всегда удивляло, как такой человек выбрал себе в спутницы тетю Олю и как она умудрилась его удержать.

— С Бокаровым, — поправил его Сергей.

— Как же так? Мужик он вроде хороший, толковые вещи говорит...

Сергей невольно поморщился. Царапины от побоев снова заципало.

— Кто это тебя разрисовал? — спросила тетя Оля.

Сергей проигнорировал вопрос и тут же постарался сменить тему:

— А Вадик где?

— Дома сидит, у телевизора. Передача там про инопланетян. За уши его не оттащишь.

Не сказать, чтобы Сергей расстроился. Язык у Вадика был без костей, а слушать его подростковую чушь не было ни времени, ни сил.

— Так кто?.. — повторила вопрос тетя Оля.

— На льду поскользнулся и упал.

Дядя Петя недоверчиво покосился на Сергея, явно восприняв его слова скептически. Но допрашивать не стал. Не хочет говорить — значит, так надо.

— Короче, в той комнате, Нин, батарея еле греет, — сказал он, повернувшись к матери. — Я покрутил, но без толку. Дом за зиму выстыл. За пару дней бы сказала, что приедешь, я бы, может, покумекал...

— Ой, Петь, ладно тебе! Не замерзну уж, — ответила мать.

— Давайте печь затопим, — предложила тетя Оля. — Ребята, оставайтесь до утра! Места всем хватит.

- Мне на работу завтра, — открестился Олег.
- У нас, кстати, Сереж, в школу учитель требуется. Хочешь?
- Ага, щас, — буркнул Сергей.
- Все равно без работы сидишь. А тут природа, да и не достанет никто.

«Кому надо, тот из-под земли достанет», — подумал Сергей, а вслух сказал:

- Нам бы к ночи до города добраться, так что мы поехали.

На улице поднялся ветер, и с темного неба повалила мелкая белая пыль. Необходимо было выбраться на трассу до того, как разойдется пурга и деревенские дороги превратятся в направления.

«Калину» уже успело присыпать. Олег достал щетку и принялся смахивать со стекол снег.

В сенях мать взяла сына за руку:

- Мне тоже кажется, что тебе лучше тут остаться.

Сергей покачал головой:

- Сидя здесь, я журналистам не помогу.

— Себе помоги! Тут тебя никто не тронет. У Пети вон ружье есть охотничье...

Глухо засмеявшись, Сергей обнял мать.

- И что, он по людям будет стрелять?

— Зачем по людям? По депутатам, — выдал шутку стоявший поодаль дядя Петя.

Мать перешла на шепот:

- Пообещай мне, что ничего плохого не случится!

— Не случится. Я же не один.

- Нет, ты пообещай! — прошипела она.

Как будто это зависело от одного Сергея.

- Обещаю. — Ответ прозвучал неуверенно.

Свет фар «калины» скользнул в открытую дверь и озарил стену желтым. Деревянная рама в сенях отбросила на лицо матери крестообразную тень.

— Если что-то поменяется — сразу звони. Готовь еду, не ленись. И тепло одевайся, а то знаю я тебя!

- Ма, ну я маленький, что ли! — фыркнул Сергей.

- Для меня ты всегда будешь маленьким.

Она поцеловала сына в подбородок, потому что выше дотянуться не смогла, а он нагнуться не додумался. Сергей растерялся. Мать давно его не целовала: не было причины. Обычно эта ласка сопровождала какое-нибудь важное событие — вроде устройства на работу в гимназию.

— Нина, не стой на сквозняке! — окликнула тетя Оля. — Простудишься.

Сергей вышел на крыльцо. Дверь вырвало из рук ветром, и она громко хлопнула. Уже посвистывала вьюга. Олег грелся в машине. Стекла неплохо было бы снова почистить.

- Дай щетку.

— Садись, хватит. Пора ехать.

В окне кухни виднелись три силуэта: матери, тети Оли и дяди Пети. Из кирпичной трубы еле заметно струился дым. «Калина» вырвалась из тупика и поехала в сторону памятника Ленину.

Обратный путь занял, как показалось Сергею, гораздо больше времени. Друзья то и дело упирались в хвост очередного тихохода. Какой-нибудь старый камаз, еле волочась и гремя ржавым бортом на все окрестности, собирал за собой целую вереницу машин. В условиях ограниченной видимости обгон был сродни безумству, поэтому большинство водителей терпело дискомфорт, пока виновник затора не сворачивал в сторону или не появлялась дополнительная полоса.

Говорить было не о чем, и Сергей молча смотрел вперед, в лобовое стекло, на быстро летящий навстречу рой снежинок. В темноте трассы, когда не попадалось встречных машин, выглядело это как межзвездный полет в научно-фантастическом фильме.

Наконец «калина» въехала в город. Друзьям предстояло пересечь его весь, чтобы добраться до своего района. К счастью, дороги опустели и сделать это можно было сравнительно быстро. Олег решил сократить путь и проехать через центр, к тому же подъем в гору там был более плавным. Как будто нарочно, он свернул к гимназии и проследовал мимо нее по улице. Сергей разглядывал монументальное историческое здание за кованой оградой и рядом вековых елей. Свет горел лишь в паре окон первого этажа, где размещалась охрана. В кабинетах с дубовыми дверями и высокими потолками в это время уже никого не было.

Сергей понял, что смотрит на гимназию как-то отстраненно, будто это не место, где он всегда мечтал работать, а просто очередное здание, проступившее в снежной завесе. Даже если сейчас из ворот выбежит Алия Саитовна, кинется ему в ноги и попросит вернуться, он вряд ли согласится на это заманчивое предложение. В одну реку дважды войти нельзя... Но тогда зачем он продолжает рисковать?

Спуститься из центра оказалось намного сложнее. Олег даже пожалел, что поехал этой дорогой: сэкономленные полчаса того не стоили. На трассе друзья опередили снежную тучу и ненадолго оторвались от нее, но в городе вновь попали в самую гущу бурана. Олегу пришлось включить вторую передачу и медленно катить под гору, боясь лишний раз нажимать на тормоз: смена скорости могла спровоцировать занос.

Оказавшись наконец у своего подъезда, Сергей поблагодарил друга за помощь и выбрался наружу. С неба, желтого от городского освещения, падали крупные снежные хлопья. Путь даже в десять метров оказался неприятным. Тротуар был замечен по щиколотку. Едва натоптанная дорожка к двери свидетельствовала о том, что желание куда-то выйти в такую погоду посетило очень немногих соседей.

Оказавшись в квартире, Сергей разулся, скинул куртку на комод, прошел в свою комнату, сел в компьютерное кресло и рассеянно покрутился, ни на чем не фокусируясь взглядом. Ему не хотелось ничего делать и ни о чем думать. В душу вместе со снегом надуло сомнения, едва

наметившийся выход скрылся под холодным белым ковром, а уже совершенные действия теперь казались необдуманно и выморочными.

Если бы он проигнорировал выпады Бокарова в свою сторону — или, на худой конец, не стал обострять конфликт в учительской, — жизнь его осталась бы прежней. С уроками в гимназии, с посиделками в кафе с Леной. С матерью, работающей в библиотеке в свое удовольствие. Да, не случилось бы встречи с журналистами, но такое ли это хорошее знакомство, если поразмыслить? Ведь это Валя придумала проникнуть на завод в поисках мифической лаборатории. Не такой уж мифической, как оказалось, но Сергею от этого было несколько не легче, скорее даже наоборот.

Он выключил свет, лег на диван и наблюдал в широком окне все набирающий силу снегопад. Февраль, казалось, решил ясно продемонстрировать городу, что является зимним месяцем. В комнате было душно. Неплохо бы приоткрыть форточку, чтобы проветрить... Но двигаться не хотелось совершенно. Сергей не заметил, как задремал.

Даже когда из коридора послышался звонок телефона, он поначалу принял его за игры за стенкой соседского ребенка, который включал на планшете на полную громкость дурацкие детские передачи. Аппарат надрывался несколько минут, прежде чем Сергей очнулся, вскочил, пошел в коридор и, достав телефон из кармана куртки, ответил:

— Да?

— Открой ссылку, я тебе в сообщениях прислала, — приказала Валя.

Голос ее звучал бодро, даже радостно.

— М-м... у меня компьютер выключен.

— Ты спишь, что ли? Время-то!

Сергей посмотрел на экран телефона: полдевятого вечера.

— Не сплю. Это важно?

— Я тебе три раза подряд набирала. Думаешь, ради ерунды?

Свернув окно с разговором, Сергей вошел в мессенджер и открыл присланную ему ссылку. Мобильная версия сайта грузилась дольше обычного.

— Ну? — спросила Валя, видимо, подумав, что связь прервалась.

Сергею не был знаком этот сайт. Заголовок статьи звучал так: «Кандидат в губернаторы против учителя английского. Кто кого?»

— Что это?

— Один из трех главных новостных порталов страны. Ну из тех, кто может позволить себе писать честные статьи, без оглядки на конъюнктуру и пожелания из высоких кабинетов. На основе двух наших репортажей они сделали целую полосу. Видишь, здесь твоя история полностью, от начала до конца.

Последнее слово Сергею не понравилось.

— И?

— Нет, ну ты странный человек! Это ведь и есть та реакция, которой мы добивались! Освещение проблемы, выход ее на более высокий уровень... В данном случае — на всю страну. Теперь Бокарову просто так не отвертеться!

— Он все опровергнет и скажет, что это клевета.

— Пускай скажет. Мы сделали главное. Теперь об учителе, которого избил будущий губернатор, знают тысячи людей за пределами города. Больше всего эти горе-депутаты и теневые магнаты боятся огласки, шумихи. Потому что деньги любят тишину. Особенно ворованные и полученные за счет реализации нелегальных активов. Спорим, в лабораторию нагрянет проверка?

Спорить Сергей не желал. Ему вообще пока было непонятно, что все это означает. Ну опубликовала крупная газета статью о нем — дальше что? Бокаров извинится, велит министерству снять для Сергея запрет на работу и отправится на своем черном внедорожнике Lexus в полицию с повинной?

— Валя, за мной и моей матерью следят. Ездят по пятам, фотографируют каждый шаг. Об этом ведь тысячи людей не знают, верно?

В телефонной трубке послышался протяжный вздох.

— Ты меня совсем слушать не хочешь. После такой крупной публикации Бокаров не будет действовать как раньше. В его же интересах эту проблему разурлить и как-то заглуш... чт... о ней заб...

Валин голос начал «квакать», и Сергей не мог разобрать ни единого слова.

— Связь пропала. Повтори.

— На каком моменте? — спохватилась Валя и продолжила: — Ладно, давай на пальцах объясню. Мы победили, нас никто не тронет, и скоро ты вернешься в свою гимназию. Если, конечно, захочешь.

Слова журналистки звучали убедительно, Сергей даже на мгновение поддался ее радостному настроению.

— Снова приедете ко мне праздновать?

— Размечтался! В такую погоду даже черти не летают. Можешь сам приехать завтра. Мы все будем у Игоря на хате, как обычно.

— У кого? — переспросил Сергей.

— Тебе, похоже, и правда голову отбили. У Игоря, оператора.

Смешно, но Сергей до сих пор понятия не имел, как того зовут. Вроде как за все непродолжительное время знакомства оператор ни разу не представился, а остальные обращались к нему лишь местоимениями.

— Хорошо. Посмотрю по погоде.

— До завтра дороги расчистят. Ладно, давай, не вешай нос!

Положив трубку, Сергей дошел до компьютера, включил его, дождался загрузки и прочитал статью на нормальном экране, с правильным форматированием. Она была не особо конкретной и в основном строилась на материалах Вали. Единственные источники цитирования — газета «ЖБГ» и канал «Наша Правда». По периметру сайта болтались всплывающие окна с рекламой, и Сергей даже усомнился, что это уважаемый информационный портал, а не какая-то бульварная шелуха.

Словам Вали хотелось верить, поскольку звучали они обнадеживающе. Может, это и есть победа? В тот момент, когда Сергей потерял всякую надежду на успешный исход дела, вдруг выходит статья, которая

расставляет все по местам и закрывает вопрос раз и навсегда... Можно ли доверять Вале в подобных делах? Насколько она компетентна? С другой стороны, положиться ему больше не на кого. Сам он точно не способен безошибочно предугадывать даже свои поступки, а уж действия Бокарова и подавно.

Сергей хотел позвонить матери и сообщить о статье, но решил, что уже поздно и лучше сделать это утром. Посидев еще немного за компьютером, он худо-бедно настроил себя на позитивный лад, смог проникнуться Валиным воодушевлением и лег спать в предвкушении завтрашней легкости, с ощущением, что тяжелая ноша еще давит, но уже готова вот-вот соскользнуть с плеч в небытие.

* * *

Молодой организм Сергея достаточно быстро восстановился после побоев на заводе. Все-таки его не так сильно отмузузили — скорее помяли для проформы. Было понятно, что при желании те трое в камуфляже легко могли сделать его инвалидом или даже убить. Значит, сигнала такого им не поступило. Хотя врач, посещение которого в памяти Сергея не сохранилось, нашел у него легкое сотрясение, сам он никаких симптомов у себя больше не наблюдал. Даже если сильно потрясти головой, она почти не болела.

Сергей проснулся в восемь утра вполне бодрым и с хорошим настроением, что в последнее время было редкостью. Спина практически не ныла, синяки на руках побледнели, живот не тянуло. Осмотрев холодильник и решив, что ничего из хранящегося там он есть не будет, Сергей собрался и вышел на улицу, рассчитывая перекусить по дороге. Направлялся он к журналистам на окраину города, потому что других дел у него давно не водилось, а сидеть одному в четырех стенах было утомительно и скучно. Из мест, где можно поесть, по пути попадались только многочисленные сети фастфуда. Организм же требовал нормальной еды.

Погода стояла прекрасная. Закованный в снежный плен город выглядел сонным, что случалось не так часто. Машины ехали медленно: нечищенные дороги не вдохновляли дурить даже отпетых гонщиков, и шум проспекта сегодня походил на легкое ворчание. Сергей вспомнил, что на втором этаже торгового центра «Калейдоскоп» есть столовая, и направился в ту сторону.

Занесенный тротуар не позволял двигаться быстро. То и дело, чтобы обогнать какую-нибудь еле плетущуюся старуху, приходилось ступать на обочину, где снега было по щиколотку и ботинки утопали целиком. Но Сергея эти неудобства не смущали. Все вокруг ослепительно сверкало от яркого солнца, поэтому он нацепил предусмотрительно взятые из дома темные очки, которые обычно носил только летом.

Дорога пролегла мимо дома Лены. Можно было пройти по проспекту, но Сергей зачем-то свернул во дворы. Втайне он хотел встретить возле подъезда ее отца, чтобы создать неловкую для обоих ситуацию.

Но на часах было почти девять, и палисадник, естественно, оказался пуст. Внедорожник уехал возить «папика» по важным делам.

Сергей поднял взгляд к балкону, потом посмотрел на соседнее окно — кухни. Непонятно было, есть ли кто-нибудь дома. Хотя Лена в такое время вряд ли куда-то ушла. Он подошел к двери и набрал на домофоне номер квартиры. Долго никто не отвечал. Как назло, сзади подошел пожилой мужик с ведром и дышал в спину. Сергей нажал кнопку отмены. Мужик приложил ключ-таблетку и распахнул дверь, впуская гостя. Гость сделал вид, что не понял, и остался стоять.

Когда дверь захлопнулась, Сергей снова набрал номер.

— Алё? — Это был сонный голос Лены. — Алё-ё? Кто там?

Сергей еще какое-то время постоял под козырьком подъезда. Затем вышел и глянул вверх. В окне нарисовалось знакомое лицо. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Лена потянулась к форточке и распахнула ее настежь.

— Сергей!

Он развернулся и пошел прочь, зачем-то ускоряя шаг. По взбитому машинами снегу идти быстро было невозможно, ноги спотыкались, поэтому со стороны он выглядел смешно, словно специально паясничал. Зачем было вообще подходить к подъезду, да еще и звонить в домофон? На что Сергей рассчитывал, чего он хотел?.. Иногда человек сам не в силах объяснить причину своего поступка.

В «Калейдоскопе» куча людей, как всегда, штурмовала гастроном, но в этих магазинах очереди не исчезают никогда. В кафе людей было мало, а в столовой, на удивление, и совсем никого. Находилась она рядом с фудкортом и, соответственно, собственным обеденным залом не располагала. Вечером это могло бы стать проблемой, но сейчас Сергей спокойно взял поднос, провез его по линии раздачи, как по конвейерной ленте, и, нагруженный тарелками, двинулся к одному из множества пустых столов.

Борщ, рис с куриной котлетой, компот — скромный завтрак скромного человека. На вкус все казалось куда лучше, чем дома, — обычное дело. Тыкая вилкой в котлету и лоя вечно соскальзывающий на край тарелки рис, Сергей думал, стоит ли заявляться к журналистам с пустыми руками или лучше что-нибудь прикупить. Все-таки в прошлый раз они целый стол ему накрыли, а тут тоже вроде как повод...

Спустившись на первый этаж в гастроном и отстояв огромную очередь, он вышел из торгового центра с пакетом, в котором лежала бутылка абхазского вина, сырная нарезка и кусок ветчины. Коробку пиццы Сергей нес в правой руке отдельно. Да, оригинальностью он не блещет: взял примерно то же, что принесли ему.

Остановка находилась неподалеку, автобус приехал почти сразу — не пришлось мерзнуть. Усевшись на свободное место возле окна, Сергей положил покупки на колени и расслабился. Наверное, он выглядел странно в этих солнечных очках, но сейчас ему не было дела, что подумают другие.

В кои-то веки Сергей чувствовал себя легко и бодро. Вот что значит правильный настрой! Вроде ничего пока к лучшему не поменялось,

но стоит убедить себя в обратном, посмотреть на жизнь с другого ракурса, как мир вокруг сразу приобретает краски. Даже дышать стало легче.

Достав телефон, Сергей набрал номер матери. Он не хотел сообщать о статье заранее, пока сам не поймет, что ее выход действительно на что-то повлиял. Но поделиться хорошим настроением был обязан. Жаль, в тех краях со связью не все гладко. Вот и сейчас гудки уходили в никуда, теряясь где-то между медленнодвигающимся автобусом и крепким старым домом в Кучмазове, где наверняка уже было хорошо натоплено, а из трубы так и не разобранной печи шел белый дым.

«Ничего, потом позвоню», — решил Сергей.

На удивление быстро доехав до предпоследней остановки маршрута, Сергей вышел из автобуса и двинулся к знакомому желтому дому в два этажа, зажатому между пятиэтажками. Узкая протоптанная тропинка, повиляв по нечищеному двору, привела к подъезду. Деревянные сараи почти скрылись под снегом, на самом доме тоже образовалась внушительного размера шапка. Того и гляди съедет по шиферному скату кому-нибудь на голову. Старые чугунные батареи в подъезде жарили вовсю, отчего воздух был сухой и колкий. Крутая деревянная лестница на второй этаж — и вот Сергей уже стоит у двери нужной квартиры.

Он потянул за ручку — закрыто. На месте звонка из стены торчали замотанные изолентой провода. Сергей постучал.

— Кто? — отозвался мужской голос. Глазка в двери не было.

— Я.

— Кто «я»?

Утренняя легкость еще не покинула Сергея, и ему показались забавными такие предосторожности. Он не упустил возможности пошутить:

— Есенин. Сергей Александрович.

Послышался скрежет замка, затем стук щеколды. На пороге стоял Игорь, в смысле оператор. Выглядел он помято и как-то растерянно.

— От кого заперлись?

— От тебя.

Сергей засмеялся и шагнул было в прихожую. Но оператор и не думал его впускать, только немного попятился. Бледное лицо, потерянный взгляд явно говорили о том, что он-то не шутит.

— В чем дело?

— Ты на хрена пришел?

Вопрос застал Сергея врасплох. В ответ он потряс коробкой пиццы.

— Сами позвали. Выход статьи, все такое... А где Валя?

— В полиции.

К горлу подступил противный мокрый комок.

— В смысле?

— Брось, а то ты не знаешь! На кой ты вообще сюда заявился?

Сергей откашлялся.

— Может, все-таки объяснишь, что происходит?

Оператор грубо отодвинул Сергея и выглянул в подъезд. Там было тихо, как всегда. Только электросчетчик мерно жужжал в нише за щитком.

— Заходи.

Не разуваясь, Сергей проследовал на кухню. Оператор вошел за ним и встал, прислонившись спиной к стене возле раковины.

— Приходила полиция, искала тебя. Дома не застали, вот и начали ездить по местам, где ты в последнее время бывал.

— Я только что из дому.

— Значит, тебе повезло — везде разминулся с ними. Минут тридцать, как уехали.

Тихо, чтобы скрыть дрожь в голосе, Сергей спросил:

— Что они хотели?

— Я уже сказал. Тебя искали.

Игорь явно недоговаривал. Руки его двигались нервно, беспорядочно, кулаки то сжимались, то разжимались. Таким Сергей видел оператора впервые и не знал, чего от него в таком состоянии ожидать. Но и осторожноничать, судя по всему, времени не было.

— Хватит ходить вокруг да около! Они объяснили, зачем я им? Валя с ними уехала? Почему?

— Объяснили. В красках. Сказали, что ты... изнасиловал маленькую девочку за городом, в коттедже. Типа ездил заниматься с ней английским, — Игорь снова стиснул кулаки, — воспользовался моментом, когда матери не было дома, и...

Пакет с продуктами выскользнул у Сергея из ладони и с грохотом свалился на пол. Отчетливо тенькнуло стекло.

— Полина?

— Тебе виднее!

Оператор рванулся вперед, схватил Сергея за грудки, прижал к стене и посмотрел на него в упор, обдав несвежим дыханием.

— Единственная причина, по которой я тебя прямо тут не замочу, — это то, что смерть слишком легкое искупление для таких, как ты! Валя тебе помогала. Мы все тебе помогали... А ты... Вас надо отстреливать, как собак! Кастрировать прилюдно на площади!

Сергей опешил. Он никогда не видел, чтобы человека так переполняла ненависть. Глаза Игоря налились кровью, рот съехал в сторону, как при параличе. Оператора трясло. Казалось, еще секунда — и ярость прорвет последние заслоны, которые еще его сдерживают...

— Ты издеваешься? — Сергей шевельнулся, чтобы высвободиться, но оператор вдруг сам ослабил хватку и отпустил его. — Мы через столько прошли! Ты сам видел, на что способен Бокаров. Знаешь, что полиция им прикормлена. И при этом так легко веришь их словам? Это же полный бред! Какое, к черту, изнасилование?!

— У меня дочка такого же возраста. И у нее тоже репетитор... по математике. И если ты все-таки врешь, то я...

— Игорь, мне даже говорить об этом странно. Все, кто меня знает, посмеялись бы.

Оператор опустил на табуретку и положил локти на стол.

— Я тебя не знаю. И ничего смешного не вижу.

— Если ты считаешь, что я на такое способен, то прямо не знаю, что и сказать. Разве ваша газета не пишет постоянно про полицейский и административный произвол? И вообще, как можно верить голословным обвинениям?

— Они... показали фотографии.

Сергей чуть не вскрикнул, но сдержался. Игорь мог понять его волнение превратно, а получить по морде еще и от него было бы совсем не к стати.

Неужели почетный гражданин города мог так далеко зайти?

— Чьи? Что за фотографии?

— Тебе в подробностях описать?

Тут уже переключило Сергея. Что, если эти негодяи действительно покалечили Полину? От подручных Бокарова можно ожидать самой последней подлости.

— Надо позвонить Катерине, — произнес Сергей вслух. — Вдруг они навредили девочке.

— Звони, только не отсюда. Твой телефон явно прослушивают. Я больше не хочу видеть здесь полицейских.

— Как мне связаться с Валей?

— Никак. Этим ты ей только хуже сделаешь.

Мысли вихрем закружились в голове Сергея. И так, с сегодняшнего дня он вне закона. За его квартирой теперь наверняка будут следить. Каждое передвижение придется хорошенько продумывать. Разговоры по мобильному, получается, небезопасны. Любой, с кем он выйдет на связь, должен будет сообщить об этом в полицию, иначе автоматически станет пособником насильника...

— Понимаешь, один я не справлюсь... А кому доверять, если даже ты меня собакой считаешь?

— Ладно-ладно, проехали. Я просто... Короче, полицейские очень уж красочно всё описали. Еще и фотографии... А у меня дочка... Я не хотел тебя ни в чем обвинять.

Но интонации голоса и выражение лица Игоря выдавали недоверие. Сергей хмуро усмехнулся:

— Ладно, я пошел.

Его и не собирались останавливать.

Выбравшись на улицу и осмотревшись, он снова нацепил солнцезащитные очки.

«Вот и отпраздновали выход статьи...» От утреннего приподнятого настроения не осталось и следа. Обвинение в изнасиловании — это уже не третье предупреждение. Это тяжелая артиллерия, попытка втоптать бунтовщика в грязь, сгноить в тюрьме, чтобы больше не мешал серьезным людям делать карьеру и заколачивать серьезные деньги.

Больше всего Сергея интересовало, чьи фотографии показывали оператору. Если речь действительно о Полине, каким образом полиции удалось получить у нее фальшивые показания? На эти вопросы мог бы ответить Олег, но звонить другу Сергей побоялся.

Скитаться до бесконечности по зимним улицам он не может. Нужно какое-то, хотя бы временное пристанище, чтобы прийти в себя, собраться с силами, обдумать последующие действия... Но куда идти, у кого искать участия? О каком человеке точно никто не знает и к кому не придут полицейские или люди Бокарова? Ответ: это тот, чьих фотографий не было в конверте, присланном накануне.

Сергей посмотрел на часы. В гимназии должна быть перемена. Он открыл мессенджер и нашел в списке контакт с букетом красных роз на аватарке. Выбрав защищенный канал связи, нажал на вызов.

— Алло?

— Надя, привет. Это Сергей.

— Привет! Как твоё здоровье?

Звук был почему-то гулкий, как из бочки. Словно она сидела не в огромном кабинете, а в железном контейнере. Видимо, особенности ее древнего смартфона.

— Нормально. Но у меня проблема... — Сергей сделал паузу, прикидывая, как покороче изложить суть. — В одной центральной газете вышла статья обо мне и Бокарове. Инцидент в гимназии, подпольная лаборатория — об этом теперь знают тысячи людей по всей стране.

— Так это же круто, нет?

— Да. Только теперь меня ищет полиция. Якобы я изнасиловал ученицу, к которой ездю за город... ездил.

Надя молчала. Сергей принял это за обрыв соединения.

— Алло? Ты слышишь?

— Да. Но... это же неправда?

Сергей так громко вздохнул, что на другом конце несуществующего провода затрещал динамик.

— Я думал, ты меня хорошо знаешь.

— Знаю, в смысле...

Снова повисла пауза. Надя о чем-то раздумывала. Сергей ждал. В трубке послышалась знакомая мелодия звонка, возвещавшего конец перемены. Шум резко усилился. Судя по всему, дети врывались из коридора в кабинет, громко топали и смеялись, пока не обращая внимания на учителя.

— Я отменю последний урок. Отпрошусь, придумаю что-нибудь. Приезжай ко мне.

Сергей, в общем-то, понятия не имел, чем способна помочь Надя. В этой ситуации его могло спасти только чудо. Но возвращаться домой было нельзя, да и оставаться в одиночестве не хотелось: недолго с ума сойти. Он и так постоянно вглядывался в припаркованные рядом автомобили, то и дело оборачивался, подозревая слежку. Прохожие с недоумением смотрели на странного парня в солнечных очках, который нервно оглядывался вокруг.

Сергей не хотел привести «хвост» к дому Нади. Если это последнее безопасное место раскроют, ему останется только уехать в Кучмазово.

С каждой минутой он все больше чувствовал себя параноиком. Пустой автобус раньше вызывал у него радость, но теперь, сидя в едва

заполненном салоне с огромными окнами, он ощущал себя так, словно все люди в автобусе и на улице смотрели на него и чуть ли не тыкали пальцами: «Вот он, насильник! Хватайте собаку!» От остановки до дома Нади Сергей практически бежал, словно каждая минута могла оказаться решающей.

— Ты пьян?

Он только сейчас понял, что оставил пакет с продуктами и пищу в квартире оператора.

— А что, похоже?

В зеркале прихожей отразилось его болезненно-красное лицо. Сергей разулся и, не снимая куртки, прошел за Надей в комнату.

— Как мама? — обернулась к нему Надя.

— Я вчера отправил ее в деревню. Тут небезопасно.

— Ты заранее знал, что так будет?

Сергей расстегнул куртку и сел на диван.

— Нет. Просто выяснилось, что за нашими передвижениями следят. Мате... маме прислали конверт с фотографиями. Оказывается, за мной везде ездили. И за ней... Я решил, что лучше не рисковать.

Надя села рядом. Она ничего больше не спрашивала, словно получила достаточно информации. Сергей тоже молчал. Настенные часы с римским циферблатом громко щелкали, на кухне трясся холодильник. Периодически слышался монотонный гул проезжающего лифта, щелкали реле при каждой его остановке. Девятый этаж, лифтовые механизмы буквально за стеной.

— А что журналисты?

— Игорь, оператор, мне не верит. А с Валея я не разговаривал, ее увезли в полицию для дачи показаний.

— Надо с ней связаться.

— Что толку?

— Пусть ходит к матери этой девочки, поговорит. Им же, очевидно, заплатили.

Сергей сразу опроверг этот вариант:

— Живут они небедно. Тут вопрос не в деньгах.

— Значит, запугали, — предположила Надя.

— Вот это вполне вероятно.

Сидеть в верхней одежде стало жарко. Сергей снял куртку, и Надя отнесла ее в прихожую.

— Будешь борщ?

Они больше ни о чем не разговаривали. Молча ели, потом пили чай. Потом вернулись в комнату и снова сели на диван. Сергей был в прострации, словно время остановилось и можно передумать все мысли, какие только приходят в голову. Надя взяла с полки книжку, открыла на странице с закладкой и принялась читать. И не было в таком времяпрепровождении ничего тягостного или дурного. Никто из них не чувствовал себя неловко, не пытался заполнить тишину ничего не значащими репликами. Наоборот, молчание словно было воздаянием за безумный ритм

городской жизни, за необходимость смотреть на унылые рожи в автобусах, за злость и ханжество, с которыми каждый день встречается житель мегаполиса.

Зазвонил телефон, оставленный в кармане куртки. Сергею пришлось встать и дойти до прихожей.

Защищенный канал.

— У меня плохие новости. Я только что вышла из полицейского участка. На тебя повесили какое-то чудовищное изнасилование, и теперь тебя ищут по всем знако...

— Я знаю, Валь. Недавно был у Игоря.

— Ох... Он не наговорил тебе лишнего?

Сергей подумал и решил не посвящать Валентину в детали.

— Нет, но и приветливостью не отличался.

— Скажи мне адрес этой бабы. Ну, матери девочки. Надо ее навестить.

Отодвинув телефон от уха, Сергей стал листать старые заметки. Он не помнил адреса наизусть.

— Это коттеджный поселок, там вроде и улиц нет. Могу только показать.

— Тебе вообще выходить никуда нельзя... Стоп, ты ведь не у себя?

— Я у Нади.

Журналистка некоторое время молчала. Видимо, вспоминала, кто это.

— А... Ну вот там и сиди. Найди нужный дом на карте и скинь мне метку. Задам этой тетке пару вопросов, а потом к вам наведаюсь.

Сергей был уверен, что Катерина даже дверь не откроет. Похоже, на нее основательно надавили, раз она позволила испачкать в грязи имя единственного ребенка.

— Я же тут до вечера не буду.

— Ладно, разберемся. Не вздумай никому звонить!

Вернувшись в комнату, Сергей принялся вычислять на карте коттедж Катерины. Надя и хотела бы ему помочь, но понятия не имела, что он ищет, поэтому просто не мешала. Со спутника поселок выглядел еще более невнятно, чем в реальности: поди разберись в этих пересечениях линий на маленьком экране телефона. Помог шлагбаум — спутниковое фото было сделано ближе к вечеру, поэтому он отбрасывал на асфальт небольшую тень. От него до дома Катерины маршрут уже вспоминался легче... Вот!

Сверху дом выглядел невзрачным квадратом, как и соседние. Но это точно был он. Сергей вызвал меню настроек, скопировал геолокационные данные и сразу отправил Вале.

— Теперь остается ждать, — сказала Надя безразлично.

Сергею это резануло слух, потому что таким тоном она не разговаривала давно. Со времен их совместных поездок из гимназии.

— Я думаю, это не поможет. Катерина сейчас никого на порог не пустит. Думаю, ее действительно запугали, чтобы она согласилась повесить

на дочку такое клеймо. Разговоры с любителями докапываться до правды ей ни к чему.

— Может, девочку действительно изнасиловали.

Сергей опешил от того, с какой легкостью Надя высказала это предположение. Слово она не в школе с детьми работает, а в морге или на мясокомбинате. Подумаешь — девочка...

— Сплюнь!

Мысль о том, что такое действительно произошло, ужаснула Сергея. Возобновившееся молчание уже не казалось благом, а все больше тяготило. Время шло, а они ничего не делали, чтобы проблема решилась.

Стрелки на «римском» циферблате показали два часа дня. Внезапно телефон завибрировал, бодро заиграла мелодия вызова. Сергей вздрогнул от неожиданности и отключил звук. Звонила мать.

— Почему не берешь? — удивилась Надя.

— Я на прослушке. Отвечу — сюда сразу приедет полиция.

Она отнеслась к аргументу с видимым сомнением.

— Мы же не в кино. Не будут они каждый вызов отслеживать.

— По моему номеру — наверняка будут. Лучше не рисковать.

Вызов прекратился. Никакого другого способа связаться с Кучмазовым у Сергея не было. Номера тети Оли он не знал, а у матери никакого мессенджера, кроме банальных эсмэсок, в телефоне, естественно, не водилось. Скорее всего, ничего серьезного не произошло и она звонила просто узнать, как у него дела... А что, если к ней тоже нагрянули полицейские?

Чем ближе подступал вечер, тем невыносимее становилось ожидание. Пространство вокруг словно сжималось, сердце отчетливыми ударами билось о ребра, а каждый шорох и скрип дверей по соседству воспринимались как угроза.

Надя проверяла тетрадки, сгорбившись за письменным столом, а Сергей листал ее детский фотоальбом. На всех снимках Надя была с недовольной физиономией. Казалось, она с самого раннего возраста не ждала от жизни ничего хорошего. Худая невысокая девочка с вытянутым, как у мыши, лицом неизменно смотрела в объектив грустными глазами, какие бы интерьеры и ситуации ее при этом ни окружали.

Первое сентября, букет роз, завернутый в блестящий целлофан, сзади гаражи и обшарпанная стена панельного дома... Дачная зарисовка под яблоней, Надя изображает селянку и держит тонкой ручкой огромные грабли, в два раза выше нее... Отчетный групповой снимок отряда «Ласточка» пионерлагеря «Азовские сапфиры»: на горизонте блестит морская гладь, все веселы, а Надя усиленно жмурится, как будто солнце светит в лицо ей одной. Застолье у каких-то родственников... Сергею казалось, что такие фотографии можно найти в архиве абсолютно у каждой семьи. Эти смеющиеся, пьющие незнакомцы на вид ничем не отличались от людей с его детских снимков.

— А почему ты такая грустная везде? — спросил он, не ожидая вразумительного ответа.

— Я не грустная, а умная. Это я так размышляю.

Сергей усмехнулся. Ответ ему понравился.

В квартиру позвонили.

— Сиди, я сама!

Он и не собирался никуда двигаться. Отложив альбом в сторону, он прикидывал, куда спрятаться, если это полиция. На балкон? Там холодно. Да и прыгать в случае чего с девятого этажа — идея не очень...

Слышно было, как Надя отперла входную дверь.

Может, спрятаться в другой комнате? Вход туда буквально в двух шагах, но найдется ли там укромное место? Полиция, если что, вывернет каждый шкаф.

Напряжение мгновенно спало, когда он услышал знакомый женский голос, который о чем-то спрашивал. Надя отвечала вполголоса. Сергей временами мог разобрать отдельные слова, но в целом смысл диалога понять не удавалось. Он предположил худшее: придется уходить.

— Здравствуйте, молодой человек!

В комнату заглянула женщина, немолодая, но выглядящая достаточно свежо. У нее были короткие светлые волосы, большие голубые глаза, аккуратно подведенные вишневым помадой губы, приятные, гармоничные черты лица. Даже удивительно, как у этой симпатяги родилась такая невзрачная дочка.

— Добрый день, — смущенно ответил Сергей.

— Да уж почти вечер. — Женщина многозначительно улыбнулась, показывая, что смысл происходящего здесь ей понятен. Разве что только не подмигнула.

Задерживаться она, как ни странно, не стала. Вскоре входная дверь хлопнула снова, и Надя вернулась в комнату одна.

— Что ты сказала своей маме?

— Чтобы она пошла к подруге.

— Я думал, ты ей призналась, что прячешь меня от полиции.

Надя засмеялась:

— Нет. Но поверь, ее бы и это не смутило.

В другое время Сергей сразу догадался бы, о чем речь. Но сейчас он был настолько полон собственными проблемами и страхом попасть в лапы продажного местного правосудия, что понимание пришло к нему только минут через десять. Он мог бы обидеться, что Надя выдала его за своего ухажера, не имея на то никаких оснований. Но этим она выиграла для него лишние часы под крышей, в тепле. Перспектива болтаться зимним вечером по городу энтузиазма не вызывала.

Сергей сам не заметил, как стал засыпать. Он сидел, откинувшись на спинку дивана, и отяжелевшая голова потихоньку съезжала то к одному плечу, то к другому.

— Ложись.

Надя подвинулась, освобождая место.

— Да я так... — пробормотал Сергей, мигом проснувшись.

— Ложись, говорю. Когда еще отдохнешь.

Он вытянулся и занял весь диван. Затекшая поясница, расслабившись, сразу заняла, но не слишком сильно. Надя включила лампу на тумбочке и читала книгу, сидя рядом с Сергеем, на краешке дивана. Он еще успел подумать, что носки у него чистые и не должны пахнуть, и тут же отключился.

Телефон умеет звонить только внезапно и никак иначе. Сергей дернулся и, еще не успев проснуться, принял вертикальное положение. При этом они едва не столкнулись лбами с Надей, которая потянулась его будить. Телефон скатился с края дивана и шмякнулся на пол. Сергей потянулся и схватил его.

— Алло?

— Ты где? — крикнул динамик Валиным голосом.

— Там же. У Нади.

— Мы щас подъедем. Где она живет?

Валя была еще более взвинчена, чем обычно. Она говорила быстро, словно куда-то торопилась.

— На улице...

Надя замахала руками, протестуя:

— Скажи, чтобы к «Калейдоскопу» подъезжали!

Сергей хотел возразить, что там полно следящих камер, но другого места быстро придумать не сумел. Пришлось согласиться.

— Подъезжайте к торговому центру «Калейдоскоп»... Куда такая спешка?

Ответом его не удостоили. Подумав секунду-другую, Валя сообщила:

— Через двадцать минут будем.

Сергей так и остался сидеть с телефоном в руках. Он ничего не понимал. Не только потому, что Валя говорила загадками, но и потому, что слишком резко подскочил и теперь в глазах у него стреляли красными зарядами многочисленные салюты. Из головы словно откачали содержимое, оставив звенящий вакуум. Мысли в эту космическую пустоту возвращались неохотно.

— Пошли, тут как раз двадцать минут идти, — сказала Надя, которая слышала весь разговор.

— А ты-то куда?

— Одного я тебя не пущу. Кроме того, мне есть что сказать этой журналистке.

Тон, которым Надя это заявила, встревожил Сергея. Он не знал, что у нее на уме, и боялся каких-нибудь непредвиденных осложнений. Хотя в последнее время она ему много помогала, так что не было причин сомневаться в ее добрых намерениях...

— Хорошо.

Надя накинула серое пальто. Пока Сергей обувался, она убрала книгу на полку, плотно задвинула все ящики стола, выключила лампу на тумбочке. Чтобы не топтаться в загроможденной вещами прихожей, Сергей вышел на лестничную клетку. Надя заперла квартиру на два замка.

«Как будто есть что воровать».

От дома Нади до торгового центра действительно было двадцать минут ходу. Немного ближе, чем от дома Сергея, и быстрее, но только в хорошую погоду. Путь по заметным тротуарам занял все полчаса. Снегоуборочная техника трудилась вдали, моргая оранжевыми проблесковыми маячками.

Когда Сергей с Надей добрались до «Калейдоскопа», на улице уже начало темнеть. Но возле торгового центра было светло как днем из-за ярких рекламных огней и множества прожекторов, освещавших огромную парковку. Машин, кстати, было еще не так много. Сергей снял ненужные больше солнцезащитные очки и стал шарить глазами по площади перед входом в торговый центр.

— Вон, кажется, — сказала Надя.

Около кучи небранного снега стояла белая цельнометаллическая «газель».

— Это не их машина.

— А похожа.

Сергей не сомневался, что издали заметит знакомый «соболь». Его, впрочем, действительно немудрено перепутать с «газелью». В сущности, это одно и то же. Только «соболь» короче на одну секцию...

— Ну и где ваши двадцать минут? — с досадой буркнул себе под нос Сергей.

Сзади посигналили. Он терпеть не мог, когда водители ему сигналият. Это пример отвратительного неуважения к пешеходу. Ну если только в исключительном случае, например в попытке предотвратить какую-то опасную ситуацию...

— Отойди! — Надя схватила его за плечо и заставила отступить в сторону.

Буквально в метре от них остановился красный кроссовер BMW X6. Переднее пассажирское стекло опустилось, в окне появилась возбужденная физиономия Вали.

— Садитесь, садитесь! Ну!

Двери открылись, и Сергей с Надей оказались внутри. Кожаные сиденья приятно поскрипывали под их весом.

— Катерина?

— Здравствуйте, Сергей Павлович.

Машина резко тронулась, пассажиры вжалась в спинки сидений. В лобовом стекле замелькали люди, припаркованные вразнобой машины... На крутом повороте Сергей повалился на Надю, при этом произвольно схватившись за ее колено.

— По проспекту до развилки с улицей Кирова. Затем — на Строителей. Потом долго-долго по ней, и будет съезд возле путепровода...

— Знаете, — прервала Катерина Валины объяснения, — вы лучше введите в навигаторе адрес.

Тыча пальцем в большой сенсорный дисплей на передней панели BMW, Валя набрала название улицы и номер дома. Сергей их прочел, но не знал, где это.

— Куда мы едем?

— Записывать сюжет, — коротко сообщила журналистка.

Значит, к двухэтажке Игоря. На этом разговор прекратился. Сергей не мог поверить, что все происходит наяву. И не понимал, почему все молчат.

— Может, объясните, что за сюжет? — не выдержал он.

— Надо быстро выложить опровержение, что никого не насиловали, все это неправда.

— А где Полина?

Катерина крутнула руль на пол-оборота, машина шарахнулась в сторону для обгона грузовика. Нажатие на педаль газа — и BMW понеслась вперед, слегка пробуксовывая своими большими колесами.

— В полиции.

— Как она туда попала?

— Ее увезли.

— Кто? — не мог понять Сергей.

На крутом повороте BMW чуть не ушла в занос и частично выехала на встречную полосу. Вокруг пронзительно, нервно засигналили. Ответа на свой вопрос Сергей не услышал.

— Почему же вы ее не заберете? — спросил он.

Впереди загорелся красный сигнал светофора. Понимая, что проскочить не выйдет, Катерина резко ударила по тормозам, и кроссовер опять едва не развернуло — спасли электронные системы контроля.

— С ней якобы проводят следственные действия. В смысле, ее опрашивают. Меня к ней не пустили... Боюсь даже представить, чего она там наговорит.

— Но ведь это незаконно! — возмутилась Надя.

Ее наивный комментарий вызвал у присутствующих лишь нервный смешок.

Катерина вела машину безобразно. Пользуясь тем, что разметка из-за снега плохо читалась, прыгала по рядам, подрезала, поворачивала через сплошную. Она выжимала из своей BMW все силы, а их было достаточно. Двигаясь к путепроводу, женщина перепутала полосы и так дерзко вклинилась в небольшой просвет между камазом и машиной такси, что Сергей потянулся к ремню безопасности, а Надя перекрестилась.

— А если позвонить? — спросила Надя.

— Она отвечает. Говорит, у нее все хорошо. Ну да, оклеветать невиновного человека — куда уж лучше!

Сергею было приятно, что Катерина так рьяно встала на его защиту. И что даже в ситуации, когда ее дочку держат в полиции, она сохраняет рассудок, а не мечется в панике. Хотя манера ее вождения говорила об обратном. Или она всегда так ездит?

— Ничего Бокаров моей дочке не сделает. А вот она может наболтать о вас всякого. — Катерина как будто прочла его мысли.

— Судя по вопросам, которые мне задавали в полиции, они сами не знают, как быть. Сверху пришла разрядка, вот и отработывают... — Валя отвлеклась на очередную реплику навигатора. — Одно могу сказать точно: тебе несказанно повезло, что тебя не застали дома. Попади ты к ним в отдел — уж точно придумали бы, как закрыть. А может, после пары их приемчиков сам бы подписал какие угодно признания.

— Не хотелось бы попасться патрульной службе после такого везения.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Катерина поняла намек и немного умерила прыть автомобиля. Одна только мысль об аресте вселяла в Сергея ужас. Еще и Валя говорила об этом так, что перехватывало дыхание. Он вдруг представил, что произошло бы, если бы ему вздумалось поспать на час дольше. Получается, вот оно — чудо?

BMW X6 проехала между пятиэтажками и встала вдоль покосившегося деревянного забора, прямо перед калиткой. Все вышли и двинулись колонной по одному через заметный двор ко входу в подъезд.

Оказавшись в квартире, Сергей увидел, что, кроме оператора, там уже находится Аня, их бессменный диктор. В комнате все было готово для съемки. На стене висел экран хромакея, под штатив для камеры все так же были подложены книги, чтобы компенсировать неровности пола. Катерина сняла пальто и замерла, ожидая инструкций. Валя достала блокнот и начала быстро набрасывать текст ее предстоящего выступления.

— Я без текста могу сказать. Сама.

— Хм... — задумалась Валя. — Давайте попробуем.

Сергей отошел к серванту, чтобы не мешать. Оператор зашторил окна, хотя на улице и так уже было темно, повозился с освещением и наконец вернулся к штативу и камере. С прошлой попытки снять видео в квартире особых изменений не произошло: человек в кадре по-прежнему выглядел немного нелепо, ближайшая к лампе половина лица освещалась сильнее.

— Готовы? — спросила Валя.

Катерина кивнула.

— Стойте! — перебил оператор. — Хотя нет... Можете пока порепетировать, а я кое-что проверю.

Он подошел к серванту, выдвинул нижний ящик и стал рыться в тряпках.

— Меня зовут Голицына Катерина Станиславовна. Сегодня полиция завела уголовное дело по факту изнасилования...

— Может, лучше «действий сексуального характера»? — предложила Аня. — А то слишком прямолинейно.

Она ела кусок пиццы из раскрытой коробки. Рядом лежал пакет, который Сергей принес утром.

— Какая разница! Ладно, давайте так, — недовольно фыркнула Валя.

— Сегодня полиция завела уголовное дело по факту действий сексуального характера в отношении моей дочери, Голицыной Полины. Хочу заявить...

Оператор держал в руках марлевый лоскут. Он подошел к одной из ламп и накрыл ее. Лицо Катерины стало в мелкую клетку.

— Нет, ерунда.

Игорь взял тонкий пододеяльник, разорвал пополам и снова набросил на лампу. Катерина потемнела, но зато стало не так сильно заметно расхождение в освещении левой и правой части лица.

— Так, давайте под запись, — хлопнул в ладоши оператор.

— Мы ни разу не прогнали текст, — заметила Аня.

Валя махнула рукой:

— Нам и свет твой не так важен, Игорь. Быстро, быстро надо! Мы попусту время тратим!

Откашлявшись, Катерина поправила блузку, тронула ладонью правое ухо с серьгой, в которой поблескивал синий камень, и выдохнула. Красная точка на старой портативной камере загорелась, пошла съемка.

— Хочу заявить, что это не имеет ничего общего с реальностью и объясняется желанием кандидата в губернаторы Бокарова использовать моего ребенка для улаживания своих личных проблем. В частности, конфликта с учителем гимназии...

Катерина говорила четко и ровно, словно много раз успела повторить в голове слова. В комнате все затихли и слушали. Валя сидела в кресле, болтала ногой и тоже ела пиццу.

— Сейчас мою дочь держат в полицейском участке и заставляют давать ложные показания. Меня к ней не пускают. Заявления о противоправных действиях со стороны сотрудников полиции принимать от меня, конечно, не хотят...

— Давайте еще запишем в конце обращение к избирателям, — предложила Валя.

— Ты зачем перебила? — взвился оператор.

— Надо сказать, мол, одна надежда на вас, дорогие жители города. Не голосуйте за Бокарова на выборах, это заранее разыгранный спектакль.

Катерина недовольно спросила:

— А какое отношение это имеет к делу?

— Будет похоже, что мы не независимое СМИ, а отработываем заказ конкурентов, — заметила Аня.

Валя повысила голос:

— Нет, вы не поняли! Сейчас это и есть самое главное — разозлить Бокарова. Чтобы он совершил какую-нибудь глупость.

— Я думала, главным является спасти Сергея Павловича от тюрьмы, — возразила Катерина.

— Одно другому не противоречит, — доказывала Валя. — Пусть Бокаров думает, что ему конкуренты дышат в спину. Тогда он переключится на кого-то еще и оставит Сергея и нас в покое.

В итоге обращение к избирателям все же решили записать. Хуже оно в любом случае не сделает, а если есть малейшая вероятность, что этим можно сильнее задеть Бокарова, — почему нет? Изначально хотели снять обращение отдельным дублем, но Катерина запротестовала:

— Я заново весь текст проговорю. Склейки не нужны — это будет выглядеть неестественно. Надо, чтобы зрители прониклись.

Сергея удивило, как хорошо она владеет речью. Катерина говорила на камеру о своей дочери, попавшей в непростую ситуацию, и при этом даже глазом не моргнула. Интересно, где она приобрела такую закалку?

Примерно через час съемка видеосюжета завершилась. Оператор скрылся на кухне и уткнулся там в ноутбук. Остальные разбрелись по комнате.

— Из вас вышла бы неплохая ведущая, — сделала Валя комплимент Катерине.

— Я работаю риелтором. Это то же самое в некотором роде. Продаю дорогие лоты. Надо очень красиво и доходчиво объяснить человеку, почему он должен купить именно этот коттедж, а не другой.

Катерина сидела на стуле возле хромакея, закинув ногу на ногу, и с интересом оглядывала помещение. Весь ее вид, одежда, та легкость, с какой она двигалась, резко контрастировали с убогим интерьером квартиры, словно эту женщину поместили сюда в качестве модели и вот-вот должна начаться фотосессия.

Накрытые пододеяльником лампы отключили, и сейчас комната освещалась только пыльной люстрой.

«В продаже такого лота никакой красивый рассказ не поможет», — усмехнулся про себя Сергей, представляя, как Катерина расхваливает кому-нибудь эту халупу.

Все ждали, когда оператор закончит монтаж видео. Аня скучала, рассеянно просматривая что-то в телефоне: ее дикторские услуги не понадобились, а уходить было неудобно. Пиццу уже доели, содержимое пакета никого не заинтересовало.

Катерина еще раз набрала номер дочери.

— Не отвечает.

Немного подумав, Сергей предложил:

— Я могу позвонить другу-полицейскому. Только не с моего телефона.

Надя протянула ему свой.

— Олег? — начал разговор Сергей.

В динамике зашипело.

— Серега, ты? Тебя что, в бочке с говном спрятали? Что за странные помехи?

В Надином старом смартфоне звук безбожно искажался.

— Я тут попал в полную жопу. На меня повесили изнасилование, — сообщил другу Сергей.

— Погоди.

В трубке послышался шорох, хлопнула дверь.

— А ну-ка еще раз.

Вздохнув, Сергей повторил:

— Полиция хочет повесить на меня изнасилование девочки, с которой я занимался английским. Это очередной финт от Бокарова.

— Охренеть! И ты мне только сейчас звонишь?

— Я думал, ты знаешь.

Друг досадливо цокнул языком.

— Ты не дома, я надеюсь?

— Нет. Слушай... Там у вас опрашивают девочку, Полину Голицыну. Можешь узнать, когда ее отпустят и что там вообще происходит?

Олег помолчал, потом осторожно уточнил:

— Не понял. Тебе это зачем? Ты сам где?

— Я с журналистами и матерью этой девочки. Мы сняли видеоопровержение. Саму Полину держат в полиции и, видимо, склоняют к тому, чтобы она наговорила то, что надо им. Она перестала отвечать на маминны звонки.

— Ну ты даешь, Серега! Думаешь, у нас на весь город одно здание с вывеской «Полиция» и я знаком со всеми его работниками?

Так Сергей не думал, просто он никогда особенно не вникал в структуру органов охраны правопорядка. Не тот предмет, о котором хочется много знать.

— База данных-то у вас общая. Пожалуйста, найди хоть что-нибудь! И позвони. Только не на мой номер, а сюда.

— Спасибо за уточнение, товарищ дурак. Повтори имя девочки еще раз.

Сергей повторил. Олег бросил трубку. Вся комната снова погрузилась в ожидание. Из кухни слышны были щелчки мышью — Игорь спешно монтировал ролик. Надин телефон положили на край дивана, чтобы был на виду. Не хватало еще пропустить звонок.

Надя была какая-то беспокойная. Мяла слишком длинный для нее рукав толстовки, оглядывалась, словно хотела чем-то поделиться, но не могла выбрать подходящий момент. Поначалу Сергей не придал этому значения: мало ли, просто чувствует себя неуютно... Но потом понял, что это неспроста.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего.

Поняв, что ее беспокойство бросается в глаза, Надя решила и, вскочив с дивана, повернулась к Вале. Та от неожиданности дернулась.

— Валентина! Можно с тобой поговорить?

— Можно. Говори.

— Нет, пошли в коридор.

Валя удивленно переглянулась с Сергеем и Аней, но все же встала с кресла. Коридор в этой квартире был весьма сомнительным местом для признаний: там что ни скажи — услышат все вокруг, даже соседи этажом ниже. Поэтому девушки сразу вышли в подъезд. Сергей не представлял, о чем Надя собралась секретничать с журналисткой, но выглядело это по меньшей мере странно. Они все в одной лодке и после всего, что им уже довелось вместе пережить, должны бы друг другу доверять. Хотя Надя, конечно, человек сторонний, ее по лицу не били, с работы не увольняли, с камерой за ней по пятам не ездили... И что такого важного может знать учительница физики?

Девушки вернулись буквально через пару минут и сразу прошли на кухню. Аня, устав пялиться в телефон, отправилась туда же узнать, что происходит. Сергей тоже встал и последовал за ней.

— У меня не такой мощный ноутбук, чтобы параллельно обработке видео еще и файлы открывать!

— Игорь, втыкай, я сказала.

Валя трясла перед лицом оператора маленькой красной флешкой.

— Ну раз ты сказала, — обиженно произнес он.

На некоторое время все замолчали. Сергей подошел ближе к ноутбуку, но все равно из своего угла видел только отражения склонившихся к экрану лиц. Встать перед ноутбуком он не мог: эти места уже заняли. Надя стояла с другого боку, у окна, и смотрела поверх голов в стену.

— Охренеть! — только и сказал оператор.

— Ну ты, Надь, даешь! — добавила Валя.

Аня повернула экран к себе, и теперь Сергею тоже стало видно. Он не мог поверить своим глазам, поэтому подошел еще ближе. Затем вообще отодвинул Аню в сторону и практически уткнулся в экран, оставшись единственным зрителем. Никто не возмутился.

Он не верил своим глазам. Этого не могло быть.

— А звук есть?

— Нет. — Оператор для убедительности тронул клавишу громкости. — У меня динамики на максимум выкручены.

— И ты все это время молчала? — Валя обернулась к Наде.

Когда видео закончилось и началось заново, Сергей с трудом заставил себя посмотреть в сторону Нади. Ее лицо приняло знакомое отрешенное выражение, а на бледной коже проступили красные разводы, как от прикосновения большой руки, словно ей только что вlepили пощечину. Сергей поборол желание заорать и действительно броситься на нее и снова от-вернулся к ноутбуку. Видео как раз дошло до кульминационного момента.

— Я... прости... — сказала Надя, мигом безошибочно считав на-строение бывшего коллеги.

На изображении с камеры видеонаблюдения было отчетливо видно, как навстречу стоящему спиной к зрителям Сергею направляется тяжело-весная округлая фигура. Секунда — и кулак прилетает ему по лицу. Даже без детального разглядывания ясно, что удар нанес Бокаров, почетный гражданин города, меценат и кандидат в губернаторы. Учитель падает на ковер. Вдалеке, на самом краю изображения, неестественно растя-нутые широкоугольным объективом камеры, стоят три женщины: завуч Ларюшина, классный руководитель шестого «Б» Анна Константиновна и Надя. Бокаров выходит из учительской, и только тогда Сергею пред-лагают помощь. Но к тому моменту он уже сам поднимается...

— И куда мне это вмонтировать? — недоуменно спросил оператор.

— Да никуда, — решила Валя. — Выложим потом на канал отдель-ным фрагментом.

Сергей был потрясен. И далеко не тем, что Надя умудрилась заполу-чить запись с камеры.

— Когда ты ее взяла? — процедил он сквозь зубы.

— В по... понедельник. Я осталась допоздна и попросила охранника помочь с окном в кабинете. Оно плохо закрывалось, и оттуда постоянно сифонило. Пока он возился, я спустилась на пост...

— Жест! Ну прям натуральный шпионаж! — прокомментировала Аня, в порыве восхищения перебив говорящую.

— Это было не так трудно, только... я не могла отдать запись раньше.

Надя посмотрела на Сергея, ожидая реакции. Но по его виду поняла, что восторга по поводу проведенной ею операции он не испытывает.

— Ты понимаешь, что отдай ты запись сразу — ничего этого не произошло бы? — Сергей обвел руками кухню, задев угол шкафа.

— Да, но...

— Все могло закончиться сразу же! Одна публикация — и меня возвращают на работу, редакцию не закрывают, матери не надо прятаться в деревне. Жизнь продолжается в обычном ритме.

— Я боялась, что в гимназии...

— Узнают, кто скопировал запись?

Надя замолчала.

Сергея понесло. Ему хотелось как-то больно уязвить физичку, чтобы ей стало стыдно за свою черствость и малодушие.

— Поверь, они и так узнают.

— Как?

— Я им скажу. Или в сюжете отдельной сноской добавим. Добавим ведь?

Повернувшись сначала к Ане, затем к оператору, Сергей не нашел у них поддержки. Он опять почувствовал себя больным. Взгляд метался по кухне, словно что-то ища. Сергей попытался изобразить ухмылку, но губы не слушались, дергались, выдавая, что он вот-вот сорвется в истерику.

Валя тронула его за плечо:

— Лучше поздно, чем никогда. Подумаешь, пара дней! Запись эта очень полезная, и мы сможем найти ей применение. Просто не в этом сюжете.

— Почему? Можно вставить в том месте, где говорится о конфликте Бокарова с учителем, — предложил оператор.

— Слишком много времени потратим, — отрезала Валя. Но затем одумалась: — Ладно, это того стоит. Делай!

Она явно была озадачена, и Сергей даже знал, чем именно. Надя совершила такой маневр, рискуя карьерой, записала на флешку уникальное видео, а в ответ вместо благодарности получила упреки.

— Ты молодец! Крутая работа, — похвалила Валя учительницу физики.

Но та ждала одобрения от другого человека.

— Эй! Вы что, глухие? — крикнула Катерина.

На краю дивана пиликал телефон. Все мгновенно переключились на новую задачу и с грохотом побежали в комнату. Сергей не сразу вспомнил, что это звонит Олег, а значит, ответить должен он.

— Да?

— Хреновая ситуация, Серега. Дело по тебе действительно возбудили. Правда, никаких деталей я пока не смог разузнать. Видимо, их и нет — есть пустая папка, которую срочно надо набить «мясом». Тебе повезло, что не отвезли в отделение.

— А с девочкой что?

Голос Олега был тихий и безрадостный. Такое с другом случалось редко.

— Я думаю, что лучшим вариантом для тебя будет уехать в Кучмазово вслед за мамой. Туда следствие вряд ли быстро доберется, а к тому моменту мы, может, придумаем вариант получше.

— Ты про девочку узнал? Полину?

Олег на секунду отвлекся. Видимо, кто-то зашел к нему в кабинет.

— Все с ней в порядке. Несовершеннолетние не могут находиться в полиции без родителей. Ее забрали домой.

— Кто забрал? — повысил голос Сергей, не веря ушам.

— Отец.

Сергей посмотрел на Катерину. Она сидела рядом на диване и взволнованно сжимала руки, ожидая окончания разговора. Связь была такая, что Сергею самому было плохо слышно собеседника. Однако Катерина все поняла.

— Ты уверен? — переспросил Сергей.

Олег разозлился:

— Разумеется, что за вопрос! Никуда не высовывайся. После смены я тебя заберу и отвезу в деревню.

— Спасибо за помощь. Я перезвоню.

Сергей сбросил вызов и отдал телефон Наде. Все разом на него накинись.

— Ну что? — требовательно спросила Валя.

— Полина не в полиции, ее забрали.

— Кто? — спросила Аня.

— Отец.

Катерина резко вскочила с дивана и застыла в центре комнаты.

— Полиция должна была мне позвонить! Тварь!

Она кинулась в прихожую и начала лихорадочно собираться.

— Можете объяснить, что произошло? — недоумевала Валя.

Нагроможденная на два жалких крючка одежда рухнула на грязный пол. Аня едва успела схватить свое пальто перед тем, как оно попало в лужу коричневой грязи. В маленькой прихожей стало совсем тесно.

— Вы куда? — спросил Сергей.

— К ее отцу.

Заполучив недостающее звено, Валя как-то сразу успокоилась и потеряла интерес к этой линии истории.

— Главное, что девочка не в полиции. С семейными проблемами сами разбирайтесь.

Она ушла на кухню посмотреть, как продвигается монтаж финальной версии сюжета. Аня немного постояла и последовала за ней.

— Я вас одну не отпущу, — решительно сказал Сергей.

— Это мое личное дело!

Катерина никак не могла найти щеколду и нервно билась плечом о дерматиновую обивку, пытаясь открыть входную дверь.

Сергей схватил ее за руку:

— Успокойтесь...

— Надо ехать быстрее!

Найдя на ощупь свою куртку, он отодвинул щеколду. Катерина выскользнула из квартиры и быстрым шагом двинулась к лестнице. Он спешно сунул ноги в ботинки и выскочил следом.

— Я с тобой, подожди! — крикнула Надя.

Сергей остановился и посмотрел на нее.

— Ты там будешь лишняя.

— А ты? — зло произнесла она.

Не найдя, что ответить, Сергей спустился в подъезд, деревянный пол которого гулко отзывался на каждый шаг.

* * *

На улице уже стемнело. Плотный полог туч накрыл город, намекая на продолжение снегопада. Двигаясь по узкой тропинке, Катерина оступилась и рухнула в сугроб, но быстро встала и, не отряхиваясь, продолжила путь к машине. Сергей ускорился и нагнал ее, когда она уже щелкнула брелоком сигнализации и открыла водительскую дверь.

Запрыгнув на переднее пассажирское сиденье, Сергей повернулся к Катерине:

— Вы уверены, что можете вести машину?

Запустив двигатель, она на миг крепко сжала рулевое колесо, затем расслабилась и откинулась на мягкую спинку кожаного кресла. Снег с ее брюк медленно сползал на коврик.

— Все в порядке.

Лобовое стекло не успело оттаять, когда Катерина перевела селектор коробки передач в режим движения и начала выворачивать на дорогу. В этот момент из калитки выбежала Надя, и ее едва не сбили.

— Осторожно! — непроизвольно крикнул Сергей.

Забравшись на заднее сиденье, Надя захлопнула дверь. BMW X6 сорвалась с места и, буксуя всеми четырьмя колесами, стала пробираться по заваленным снегом дворам к асфальтовой дороге. Некоторое время пассажиры ехали молча. Затем Сергей все же решил уточнить, куда направляются:

— Это далеко?

— Нет. За городом.

Противоречия в своем ответе Катерина, похоже, не заметила. Район, где была временная резиденция журналистов, находился на окраине, и до пригорода оттуда было рукой подать. Но Катерина вела машину в противоположную сторону. Если она имела в виду другой конец города, то маршрут через центр займет куда больше часа.

Стоило им выбраться на асфальт, как Катерина тут же придавила педаль газа, и BMW устремилась вперед, сопровождаемая недоуменными взглядами других водителей. Машина скрежетала и вибрировала, всеми силами пытаясь сдерживать свою нервную наездницу, автоматически сглаживая хаотичные повороты руля и смягчая резкие перемены скорости на скользких поворотах. Сергей понимал, что еще немного — и либо они попадут в аварию, либо их задержит дорожная полиция.

— Катерина, успокойтесь! Так в городе ездить нельзя.

— Расслабьтесь, — раздраженно бросила она.

— Мы врежемся куда-нибудь! — испуганно предостерегла Надя.

В тот же миг машина резко сбавила скорость. Стрелка спидометра теперь показывала двадцать километров в час. Сзади грозно посигналил водитель белого кроссовера Mercedes.

— Вот так давайте будем ехать! — истерично вскрикнула Катерина.

Сергей смутился.

— Я хотел сказать, что лучше соблюдать правила. В ваших интересах доехать до Полины в целости и сохранности.

— Он не имел права ее забирать!

Мимо, беззвучно моргая проблесковыми маячками, промчалась полицейская машина.

— Хорошо... Извините, Сергей Павлович. Я не знаю, что на меня нашло.

Катерина отпустила руль и схватилась за голову. Она еле сдерживалась, чтобы не зарыдать. BMW окончательно встала. Четырехполосная дорога уходила прямо и взбиралась в гору, на которой раскинулся исторический центр. А здесь по обе стороны стояли одинаковые жилые многоэтажки из светлого кирпича, серые от грязи, летящей с оживленной улицы. Сергей нажал кнопку аварийки.

Красная машина с освещенным салоном и моргающими оранжевыми поворотниками была единственным ярким пятном на этом холодном вечернем полотне. По заснеженным тротуарам брели однообразные безликие фигуры. Черные, белые, серые машины, сливаясь в единое месиво, двигались по всем направлениям, занимая, как газ, все свободное пространство. Мрачные снежные тучи висели над городом, придавливая его жителей к земле. Даже пестрые вывески супермаркетов казались выцветшими и бледными. Еще не успели включить уличное освещение, и город постепенно тонул во мраке.

— Может, я поведу? — предложила Надя.

— В смысле? — удивился Сергей.

— Катерина сейчас вряд ли может вести машину.

— А ты можешь?

Надя недовольно прошипела:

— У меня вообще-то права есть!

Катерина вытерла рукавом слезы, схватилась за руль и выдохнула:

— Все в порядке. Доедем.

Медленно взобравшись на гору, BMW покатила дальше, заметно растеряв пыль. Катерина теперь ехала даже излишне аккуратно, плетясь

в правом ряду, предназначенном для общественного транспорта, и пропуская выезжающие из дворов машины.

До здания гимназии они не доехали, свернули на квартал раньше. Прежде Сергей иногда ходил этой дорогой, чтобы немного проветриться. Вот синий забор из профлиста, сплошь заклеенный объявлениями, за которым строят очередную жилую «свечку». А вот и остановка, где Сергей обычно садился на автобус...

— Тебе звонят, — подсказала Надя.

— Знаю. Но мне же нельзя отвечать.

Сергей отключил мелодию и оставил звонок без внимания. На ходу его, конечно, вряд ли отследят, но рисковать ему не хотелось.

BMW спустилась с горы и выехала на дорогу, проложенную вдоль реки. Оттуда было недалеко до кольцевой. Катерина вела машину без навигатора, а значит, местность была ей очень хорошо знакома. По кольцевой они уже снова ехали быстро, пока не свернули на областную трассу. Сергей знал этот отрезок маршрута: накануне они с матерью и Олегом ехали по нему в Кучмазово. Вскоре Катерина еще раз повернула налево, в лес. Фары BMW не только хорошо освещали саму дорогу — двухполосную, недавночищенную, — но и захватывали лучами обочину, где плотно жались друг к другу старые сосны.

Вскоре лес прервался большой проплешиной. Дорога уходила дальше, но BMW повернула к высокому кирпичному забору, которым был огорожен солидного размера участок. Вдалеке виднелась деревянная крыша коттеджа, замысловатая, резная. Путь преградили закрытые ворота.

Катерина нервно нажала на ступицу руля, и машина издала два рваных сигнала. Из боковой калитки показался охранник. Он был одет в камуфляж, но не военный, а скорее охотничий или рыбацкий.

— Здравствуйте, Катерина Станиславовна.

— Открывай! — грубо ответила она.

Охранник заглянул в салон и остановил взгляд на Сергее.

— Это кто?

— Со мной.

Ворота отъехали в сторону, и взору открылся огромный двор, ярко освещенный множеством фонарей. Чего тут только не было! Дорогу обрамляли высаженные через равные промежутки пихты, по правую руку виднелся замерзший овал небольшого озера, окруженного деревянными беседками. Чуть поодаль, накрытый брезентом, был бассейн со сложенными под навесом шезлонгами. На большой парковке стоял десяток автомобилей самых разных марок и стоимости. Слева метров на пятьдесят растянулась летняя веранда. Только теперь Сергей понял, что замысловатая крыша принадлежит не главному дому, а отдельно стоящему флигелю с резными наличниками, ставнями, узорчатым деревянным крыльцом. Главное же строение разместилось далеко в глубине участка.

Трудно было поверить, что кто-то может в одиночку или даже с семьей жить в таком здании. Оно выглядело скорее как санаторий или

пансионат, но не как жилой дом. Три этажа, белые стены, над входом широченный балкон, огражденный каменными перилами с балясинами, опирающийся на античные колонны. Монументальная лестница с высокими ступенями. Перед ней — выключенный на зиму фонтан. Дорога огибала его и возвращалась назад, к воротам.

Свет горел всего в трех окнах.

— Ничего себе! — выдохнула Надя на заднем сиденье.

— Что это за дом? — спросил ошеломленный Сергей.

— Усадьба купца Краева.

Справа от здания копошился маленький трактор, сгребая с газона к забору снежную кучу.

BMW остановилась возле лестницы. Круглые фонари на перилах тлели приглушенным белым светом. Катерина выпрыгнула из машины и быстрым шагом устремила вверх по крутым ступеням. Сергей поспешил за ней, на ходу прикидывая, насколько уместным будет его присутствие. Надя осталась в машине.

На верхних ступенях Сергей притормозил и остановился возле колонны, решив со стороны понаблюдать, что станет делать Катерина.

Она схватилась за массивную дверную ручку и дернула — дверь не поддавалась. Большие, в человеческий рост, стекла были изнутри плотно занавешены. Тогда Катерина нажала на звонок. Протяжная мелодия зазвучала где-то в недрах огромного дома. Сергея удивило само наличие этого звонка. Зачем он? Неужели сюда можно попасть без ведома хозяина? Охрана наверняка уже донесла...

— Катя?

Дверь распахнулась, и в проеме показалось невысокое толстое тело, обернутое в халат из темно-зеленого бархата.

— Отдай мою дочь!

— Твою?

Голова хозяина повернулась к колонне, блеснула лысина. Прищуренные глаза внимательно разглядывали стоящего поодаль человека.

— Хахаля своего нового привела? А... Очень интересно!

Ноги, обутые в серые меховые тапки, сделали шаг на крыльцо.

— Ты?

Сергей тоже шагнул вперед и посмотрел на Бокарова.

— Я.

Почетный гражданин города залился натужным смехом, с глухим свистом вырывавшимся из его маленького, как полузакрытый клапан, рта.

— Смешной ты человек, учитель! Что ты там пре-по-да-вал — английский? А считать тебя не научили?

— Где Полина? — перебила его Катерина.

— Помолчи! — крикнул Бокаров, затем опять повернулся к Сергею: — Давай я тебя научу.

Вынув из кармана мясистую руку с большим шрамом от сведенной татуировки, он начал карикатурно, кривляясь, загибать и разгибать пальцы:

— Раз.

Указательный палец выглядел неестественно коротким, как автоматная гильза.

— Два. — Теперь торчал еще и средний.

— Где моя дочь, Толя?

— Закрой рот, сука! — злобно прошипел Бокаров.

Он подошел еще ближе к учителю, поднес кулак с двумя оттопыренными пальцами прямо к его лицу. Борясь с желанием зажмуриться и отступить, Сергей продолжал стоять на месте, наблюдая за движениями противника. Безымянный палец выскочил из кулака, как на пружине.

— Три!

Сергей проглотил слюну. Бокаров опустил руку.

— Третье предупреждение. У тебя должна быть очень весомая причина, чтобы появиться на пороге моего дома.

— Где Полина? — спросил Сергей.

— Тебе до нее какое дело, чучело?

— Так ведь это я, по-вашему, ее изнасиловал.

Во взгляде Бокарова зажегся звериный блеск.

Катерина завелась:

— Ты заставил ребенка оклеветать невинного человека! Заставил говорить гадости перед полицейскими! Как ей теперь жить? Какую травму ты нанес девочке!

— Как была ты дурой, так и осталась. Я никого не заставлял. Она сама.

Лицо Катерины дернулось, как от удара. Взгляд холодно скользнул по Сергею. Его это испугало.

— Что ты несешь? — прорычала Катерина.

— А что? Не можешь поверить, что твой потаскун прикасался к нашей дочери?

Катерина рванулась к Бокарову с кулаками. Тот, не сходя с места, с размаху влепил ей пощечину. Женщина повалилась на бетонный пол. Сергей хотел ей помочь, но не мог с собой ничего поделать — ноги одеревенели.

— Что? Нашла себе помоложе?

Встав, Катерина прислонилась к стене возле входной двери. Она ни на кого не смотрела, лишь держалась рукой за место удара.

— Если бы он хоть пальцем тронул дочь — давно бы в канаве гнил!

Сморкнувшись в большой синий платок, Бокаров продолжал:

— Людьюми легко управлять. К каждому можно найти подход и заставить сделать что угодно. А уж к ребенку... Но ты плохо меня знаешь, Катя. Я не такой.

— Ты чудовище, Бокаров.

— Какое я чудовище, если Полина с радостью приняла мое предложение, наплевав на твои звонки? Хороша мать!

Ветер засвистел между колоннами, и резкий вихрь ворвался на крыльцо, сдувая с высоких перил снежную пыль. Низ халата раскрылся,

оголив неуклюжие, кривые ноги кандидата в губернаторы, все в синяках и следах от укулов. Сергей закашлялся.

— А ты... Кем ты себя возомнил? Кто ты вообще? — спросил Бокаров.

— Учитель английского, — твердо сказал Сергей.

Бокаров опять двинулся к нему.

— Ты никто! Думал взять моего сына на понт своими оценками? Меня взять на понт?! Жалкий недомерок!

Набрав воздуха в легкие, Сергей ответил:

— Жалок тот, кто не умеет решать проблемы без мордобоя и чиновничьего произвола. Таких детей, как ваш Марк, сотни. Таких родителей, как вы, — десятки. И что, каждый будет руки распускать?

Бокаров засмеялся:

— Поверь, я такой *один*. А вот вас, баранов, везде полно. Если бы ты не уперся в эту оценку, то я даже не узнал бы о твоём существовании. Но нет — принципы у него! И куда привели тебя твои принципы?

— Это моя работа.

Нос Бокарова покраснел от мороза, глаза слезились. Но отступить он не собирался.

— Мыть парашу теперь твоя работа! Думал меня статейками запугать? Журналисты твои такие же идиоты. Наивно полагают, что их «правда» влияет на мнение горожан. А я тебе скажу, что действительно влияет. Деньги! Скажут три раза по телевизору, что ты хороший, — и все тебе руки будут целовать!

Сергей почувствовал спиной колонну. Бокаров приближался и постепенно теснил его. Катерина молча слушала.

— Только конченный человек, чтобы отомстить врагу, трогает его родных! — заявил Сергей, имея в виду увольнение матери.

— Это мой город! Здесь я решаю, какие методы хороши. Я тебе ясно дал понять, что будет. Но нет — ты связался с этими полудурками, полез ко мне на завод. Так что о матери своей не плачь. Сам виноват.

Сергей сделал полшага вперед и оказался совсем близко к Бокарову. Кандидат в губернаторы был на голову ниже и в целом не выглядел опасно, вызывая своим видом лишь брезгливое отвращение.

— Не считайте себя самым умным. У меня тоже найдется пара тузов в рукаве.

Бокаров залился смехом, только теперь уже вперемешку с кашлем и соплями. Морозная погода давала о себе знать. Даже Сергею было зябко, а уж ему в халате — подавно. Но человек этот сдаваться не привык.

— Хочешь, я тоже поставлю тебе оценку? Не «три», не «два». Ты — ноль. Когда я стану губернатором, то уж, поверь моему слов...

— Я не ноль!

Размахнувшись, Сергей со всей силы ударил Бокарова кулаком в морду.

От неожиданности тот разинул рот, отшатнулся и, наступив пятками на халат, рухнул к ногам Катерины. Та недоуменно вскрикнула и зачем-то бросилась его поднимать.

— Сережа! Не надо! — По высоким ступеням лестницы бежала, спотыкаясь, перепуганная Надя. Судя по всему, она давно вылезла из машины и наблюдала за происходящим со стороны. Но теперь решила, что пора вмешаться.

— Ты на кого руку поднял, чучело!

Разъяренный Бокаров бросился на Сергея. Лицо его было багровым от ярости, а глаза едва не вылезали из орбит.

— Толя, пожалуйста... Не трогай его! Толя!

Катерина повалилась на колени и обвила руками ноги Бокарова. Со двора мгновенно прибежали несколько охранников, схватили Сергея за шиворот, бросили на бетонный пол и заломили ему руки. Он вскрикнул.

— Сергей Павлович?

В светлом проеме входной двери образовались два детских силуэта. Полина держала в руках большую куклу с длинными африканскими косами, в синей юбке и зеленой рубашке с сетчатыми рукавами. Позади Полины стоял Марк Бокаров. Он глупо, непонимающе улыбался.

— Надежда Андреевна?

Дети наверняка не ожидали увидеть на пороге этого дома школьных учителей, поэтому ступешались и не знали, как себя вести.

— Полина? Полиночка!

Катерина поднялась с колен и побежала к дочери. Было видно, что та не очень ей рада.

— С тобой все в порядке? Почему ты не отвечала на телефон?

Девочке явно было стыдно, и она с трудом подбирала слова:

— Н-нормально всё, мам...

Бокаров огляделся. Охранник, который держал Сергея, вопросительно смотрел на своего босса. Тот махнул рукой:

— Свалите.

— Анатолий Викторович, все в порядке?

— Исчезните, я сказал!

Охранники медленно отошли, спустились по лестнице, но крыльцо из виду не выпускали.

— Сколько тебе лет, чтобы в куклы играть? — спросила Катерина свою дочь.

Та начала тихо рыдать. Катерина обняла девочку.

— Тебя заставляли говорить гадости в полиции?

Полина отрицательно покачала головой.

— Что стоите на холоде? В дом ее уведи, — скомандовал Бокаров сыну.

Тот взял сестру за плечи и развернул к двери. Катерина запротестовала, не желая выпускать Полину из объятий:

— Стой! Я не отдам тебе дочь. Марк, остановись!

— Успокойся, дура. Иди внутрь, там поговорим.

Надя стояла возле Сергея. Он держался за ноющее после крепкой хватки охранника запястье и ждал, чем все кончится.

— Чтобы завтра утром тебя в городе не было, — процедил Бокаров.

Его голос звучал хрипло, зубы еле слышно стучали.

— А я думаю, мы квиты, — сказал Сергей.

Разозлившись, Бокаров снова пошел было в наступление, но его опять остановила Катерина. Она отпустила дочь и закрыла собой учителя:

— Не трогай его!

— Пошла в дом!

— У тебя уже зуб на зуб не попадает. Вышел в халате на мороз! Сейчас заболешь.

Бокаров немного подумал и отошел. Уже возле двери он крикнул Сергею:

— Больше никаких предупреждений! — и скрылся за стеклом, плотно завешенным шторами.

— Держите ключи, — быстро заговорила Катерина, доставая из кармана увесистый брелок с логотипом BMW. — Уезжайте отсюда! Я попробую с ним поговорить...

— Куда? А вы?

— Разберусь. Не в первый раз.

Надя потянулась за брелоком, но Сергей ткнул ее локтем в бок:

— Мы дойдем до трассы и вызовем такси.

На улице тем временем давно была темень.

— Хорошо. Я попробую с ним поговорить, — повторила Катерина. — Но вы все равно будьте осторожны. Не попадитесь полиции.

— Спасибо, — сказал Сергей.

Дорога до ворот оказалась длиннее, если идти пешком. Трактор, что до этого копошился возле усадьбы, успел уехать вперед и медленно собирал снег с тропинок вдоль пихт, утрамбовывая его в большую кучу. Сергей оглянулся — на расстоянии метров в тридцать за ними шли два охранника: один в рыбацком камуфляже, другой в темной куртке и брюках. Видимо, следили, чтобы они не свернули куда не надо.

— Чего ты оглядываешься? Пошли! Нам надо быстро уходить, — поторопила Надя.

— Побываешь ли ты еще когда-нибудь в подобном месте?

Она взяла его под руку и потянула к воротам:

— Век бы не бывать!

Ворота для них никто не открыл. Пришлось идти через узкую боковую дверцу рядом с будкой, где стояли мониторы и сидел охранник. В таком домовладении требовалось контролировать каждый угол.

Выйдя за забор, Сергей почувствовал некоторое облегчение. Теперь нужно было добраться до трассы, потому что на этой проселочной дороге шансы вызвать такси или поймать попутку были призрачными.

За пределами усадьбы сразу стало темно. Вокруг был лес, и даже луна почти не помогала. Без фонарика не сдвинешься с места.

— У тебя есть интернет?

— Сейчас посмотрю... Вроде да, — сказала Надя, показывая экран телефона.

Взяв холодный аппарат в руку, Сергей открыл приложение с картой. Бегло пролистал окрестности, чертыхаясь оттого, что сенсор не всегда срабатывал от нажатия его пальцев.

— Вот, смотри...

Сзади послышался металлический лязг. Ворота открылись, и из них выехал черный внедорожник Toyota старой модели. Он ярко осветил окрестности огромными фарами, затем резко ускорился и через минуту оказался рядом с учителями, которые не успели далеко уйти. Надя испуганно схватила Сергея за рукав. Водительское стекло опустилось — за рулем сидел худощавый мужик с короткой стрижкой и гладко выбритым узким лицом.

— Здравствуйте, Геннадий Антонович.

Мужик кивнул:

— Садитесь, я вас довезу.

Ничего не понимающая Надя шепотом твердила «не надо», дергая Сергея за рукав. Но он молча открыл заднюю дверь машины, помог девушке забраться на высокий порог и сам запрыгнул следом. Странно, но именно в этот момент ему было приятно встретить отца Лены.

— До города не смогу. Но на трассе остановка должна быть.

— Тут рядом вроде есть железнодорожная станция, — сказал Сергей, глядя на карту. — Куда ведет эта ветка?

Геннадий Антонович задумался.

— На Светлов, кажется.

— Можно нас туда?

Надя вполголоса спросила:

— Зачем?

— В город возвращаться нельзя. Переждем в деревне.

Внедорожник свернул в противоположную от трассы сторону и поехал по узкой двухполосной дороге. За усадьбой Краева она была расчищена слабо, но четыре ведущих колеса и высокий клиренс автомобиля позволили ехать по ней как летом. Турбина жадно всасывала морозный воздух и свистела, за тонированными стеклами мелькали силуэты согнувшихся под тяжестью снега деревьев.

— Ты знаешь расписание электрички? Может, она завтра только поедет, — поделилась своими опасениями Надя.

— Ничего. В крайнем случае вызовем такси.

Геннадий Антонович усмехнулся:

— Не думай только, что в такую жопу к тебе быстро приедут.

Сергей и не думал. Для него самым главным было не попасться полиции. Он чувствовал, что лед тронулся и скоро все изменится. Может, выход видеосюжета вызовет скандал. Или Катерина уговорит своего бывшего ухажера не позориться и перестать в преддверии выборов сводить счеты с обычным учителем английского. В любом случае так дальше продолжаться не могло.

Дорога вывела машину на открытое пространство. Большая оранжевая луна освещала окрестности, не давая им совсем утонуть во мраке.

Вокруг некоторое время виднелись только бесконечные поля, и лишь раз их болезненная белизна прервалась пустырем, на котором чернели руины бывшего совхозного свинарника и торчали ржавые опоры элеватора, распиленного на металл предприимчивыми местными. Наконец Toyota проехала через небольшую деревеньку, дворов в двадцать, и оказалась перед длинным одноэтажным зданием вокзала. Оно было деревянным и в довольно неплохом для своего возраста состоянии. К счастью, руки горе-реставраторов не успели облепить его стены дешевой пластиковой скорлупой. Высокие окна зала ожидания неярко светились.

— Ты хороший парень, Сергей.

— Спасибо, что подвезли. — Имярек уже собирался вылезти из машины вслед за Надей.

— Но все-таки Лене нужен человек попроще.

Сергей замер на мягком кожаном сиденье.

— Это ведь вы ее против меня настроили?

Геннадий Антонович повернул салонное зеркало, чтобы лучше видеть собеседника.

— Да, ведь я подумал, что ты кретин и влез в это дело из-за жадности или тупости. И потом, если бы босс узнал, что ты встречаешься с моей дочерью, меня бы уволили.

— Видимо, не узнал.

Салон постепенно выхолаживался. Надя снаружи могла слышать их разговор, несмотря на ворчание двигателя.

— Но тогда, на заводе, я понял, что был неправ. У тебя есть достоинство, принципы, ради которых ты готов идти до конца.

Сергею нечего было сказать. На заводе он скорее выглядел жалким щенком, которого от скуки возили мордой по снегу и пинали.

— А сегодня ты показал, что у тебя есть яйца! Вмазать Бокарову — это надо иметь стальной мешок между ног.

Получается, и отец Лены все видел. Не крыльцо господского дома, а театральная сцена.

— Он меня первый ударил — тогда, в гимназии, — напомнил Сергей. — Я ему просто вернул должок

— Вот так и поступают настоящие мужики.

Сергей вылез из машины, захлопнул дверь, и черная Toyota, развернувшись, уехала в обратном направлении.

Внутри вокзала оказалось подозрительно тихо. Тусклый свет, запах сырости, пустые деревянные скамьи зала ожидания... Оба окна с надписью «Касса» были зашторены. Сергей вдруг понял, что никуда они отсюда не уедут.

— Вам чего? — Из подсобки вышла невысокая пожилая женщина лет семидесяти в вязаной кофте, юбке поверх шерстяных колготок и калошах.

— Билет купить, — ответила Надя.

— Касса работает до трех.

Старые электронные часы над входом показывали половину восьмого.
 — И что нам делать?

Женщина громко, словно находилась в оживленном помещении и старалась перекричать невидимую толпу, заявила:

— Купите у кондуктора! Вам куда?

— До Кучмазова, — сообщил Сергей.

Резко сбавив громкость, женщина произнесла:

— У, тут рядом. Без билета проедете.

Главное — уехать, а уж за деньги или нет — вопрос десятый. Остаться на ночь не пойми где их совсем не прельщало.

— Последняя электричка в девять, — сообщила женщина и ушла обратно в подсобку. Оттуда доносились звуки телевизора.

— Еще целых полтора часа, — с досадой заметил Сергей.

Присев на скамью, учителя стали считать минуты до прихода электрички. В зале ожидания было прохладно, поэтому верхнюю одежду они снимать не рискнули. Старые неоновые лампы монотонно гудели, из-за двери подсобки доносились скандальные возгласы гостей какого-то ток-шоу. Настоящих, живых людей на вокзале больше не было. Даже удивительно, как этой женщине не страшно сидеть тут одной.

Зеленые цифры на табло сменялись невыносимо медленно. Время словно остановилось в этом забытом всеми месте.

Сергея начало клонить в сон, но удобно разместиться на жесткой деревянной скамье никак не выходило. Вдруг раздался протяжный свист, и вокзал задрожал. В больших пыльных окнах, которые выходили на платформу, пронесся яркий прожектор локомотива. За электровозом быстро семенили грузовые вагоны, колесные пары громко стучали на стыках рельсов. Стекла в разошедшихся рамах вибрировали им в такт. Сергей вышел на улицу и посмотрел вслед уходящему составу.

— А ветка-то оживленная! Видишь, как шпарит?

Надя, которая вышла с ним, молча кивнула, зевая.

— Представь, вот на таком товарняке уехать куда-нибудь! Запрыгнуть в вагон, и никакой электрички ждать не надо.

— Не дури.

Поезд проехал, и взгляду открылась дальняя часть станции. Перед вокзалом было всего четыре пути. Дальний, тупиковый, использовался для отстоя неприцепленных вагонов. Там их скопилось десятка два, погребенных под толстым слоем снега. Единственный семафор горел красным. Маленькое здание, похожее на сарай, стояло без дела — к нему даже не было натопанной тропинки.

Сергей с Надей вернулись в зал и снова сели на скамью. До электрички оставался еще час. Сами того не заметив, они склонились друг к другу и уснули, переполненные впечатлениями этого долгого дня.

— Алё, молодежь! — Женщина в вязаной кофте быстро шлепала калошами по залу ожидания и кричала. — Стоянка две минуты!

Сергей вздрогнул. Еще не до конца проснувшись, он схватил за руку Надю, и они выбежали на платформу. Машинист уже дал

предупредительный свисток и готовился закрыть двери. Взлетев в последний вагон по скользким ступенькам, Сергей отпустил Надину руку и откашлялся. Перед глазами снова замельтешили красные пятна, а голова закружилась так, что начало тошнить.

— Еле успели, — произнесла Надя, жадно вдыхая прокуренный воздух тамбура.

— В нашем возрасте... так резко вставать нельзя... — сострил Сергей и вдруг сообразил, что Наде шутка о возрасте может не понравиться.

Вагон оказался совершенно пустым, и они спокойно уселись возле окна. Голова Сергея налилась тяжестью и неприятно побаливала, спать больше не хотелось, да и нельзя было: станция Кучмазово буквально через пару десятков километров. А вот Надя сразу отключилась, стоило только ей положить голову Сергею на плечо.

Электричка ехала медленно, плавно качаясь, как прогулочный катер. Сквозь покрытые инеем стекла виднелась лишь чернота, снизу что-то периодически противно лязгало. Возле дверей в тамбур на стене разместился экран, где беззвучно крутилась реклама туристической фирмы, магазина одежды с неправдоподобно низкими ценами и еще чего-то, что Сергей не смог, да и не захотел разобрать.

Раньше они с матерью часто ездили по этой ветке. Добираться из города до Кучмазова на электричке было быстрее и дешевле. Потом появились автобусы, затем — микроавтобусы. До остановки стало ближе, чем до вокзала. Так или иначе, Сергей уже очень давно не ездил в деревню по железной дороге, и его радовало, что маршрут вообще сохранился.

— Станция Кучмазово, — хрипло произнес динамик записанную фразу.

Дернув плечом, Сергей разбудил Надю, и они поспешно выбрались на платформу.

Никакого вокзала тут, конечно, не было. Только неказистый полустанок и доска объявлений, где поверх старого расписания электричек были наклеены новые бумажки. До самой деревни еще предстояло дойти: в свое время железную дорогу протянули в нескольких километрах от нее. Это при том, что вокзал, куда Сергея и Надю подбросил отец Лены, вообще стоял посреди чистого поля, а здесь ближайшая к полустанку деревня по сравнению с Кучмазовом — крохотное поселение. Видимо, сто с лишним лет назад ситуация была иной.

— Нам долго идти? — спросила Надя сонно.

— Минут двадцать.

Сергей ни разу не приезжал сюда зимой. Тем более ночью. Окрестности казались ему незнакомыми, хотя заблудиться тут было трудно: иди себе по единственной дороге — не ошибешься. Яркая луна приблизительно обрисовала контуры обочин, за что Сергей был ей благодарен. Какое-никакое освещение начиналось лишь в самой деревне.

Топать пришлось, конечно, куда дольше двадцати минут. Огни на горизонте все никак не хотели приближаться, вокруг на сотни метров —

только поля и звенящая морозная тишина. Каждый шаг по снегу казался очень громким. Днем возле станции дежурили таксисты, поджидая пассажиров с электрички, но теперь рассчитывать приходилось только на себя. Конечно, можно было позвонить тете Оле, чтобы ее муж приехал за ними, но сейчас, будучи в розыске...

— А забрать нас никто не может? — спросила Надя, в очередной раз прочитав мысли Сергея.

— Есть, но меня ведь прослушивают.

Она достала из кармана телефон.

— Да я и номер не знаю...

— Позвони маме.

Надя была настроена серьезно — видимо, устала. Сергей сдался, взял телефон и набрал мамин номер.

— «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

— М-да, связь тут, конечно, не очень.

Остаток пути они прошли молча. Под маленьким железным мостом журчала речка Бурынка. В ширину она была метров десять, но сильное течение не давало ей полностью замерзнуть. На подходе к деревне стал слышен лай собак, и это подбодрило: значит, почти пришли.

Скоро Сергей с Надей оказались на главной улице и прошли мимо памятника Ленину. Небольшой сквер возле него был аккуратно расчищен. Окна во многих домах еще светились, а самым ярким источником света был фонарь на продуктовом магазине «Эльмира».

Сергея всегда удивляло, почему в Кучмазове не могли сделать нормальное централизованное освещение. Местные жители давно привыкли и никакой инициативы по части установки фонарей не проявляли.

В темноте нарисовался силуэт трансформаторной будки. Ее монотонный гул был в ночной деревне самым громким звуком. На повороте в Садовый проезд сильно запахло гарью, словно совсем рядом жгли костер. Дорога к дому была хорошо утрямбована — недавно тут проезжал грузовик.

Вдруг Сергей остановился, будто натолкнулся на невидимую стену.

— Что? — непонимающе спросила Надя.

— Д-дом...

На том месте, где еще вчера стоял их крепкий деревенский дом, теперь было пепелище. Черные доски, раздавленный синий забор, какие-то закопченные обломки, разбросанные вокруг. И только кирпичная труба печи была на своем месте, возвышаясь над неряшливой кучей обугленных головешек.

— Господи... — выдавила из себя Надя.

Сергей рванулся в сторону. Он бежал в соседний дом, к тете Оле, разбирая дороги. Несколько раз чуть не упал. Распахнув калитку, быстро взбежал на крыльцо и затарабанил в дверь. Свет в доме горел, но открывать хозяева не торопились.

— Кто? — послышался наконец приглушенный голос дяди Пети.

— Это я! Сергей!

Дверь нехотя открылась, и он влетел внутрь, едва не сбив дядю с ног. Заглянул в комнату. По телевизору шел отчетный концерт звезд эстрады. Тетя Оля сидела на диване, а Вадик пристроился рядом, уткнувшись в планшет.

— Сережа!

— Где мама?

Сзади послышался голос дяди Пети:

— Я тебе целый день пытаюсь дозвониться...

— Теть Оль! Где мама?! — закричал Сергей.

Слов у тети Оли не нашлось. Она смотрела на племянника, и слезы лились из ее больших, увеличенных стеклами круглых очков глаз. Вадик поднял голову от планшета и тоже молчал.

Дядя Петя положил руку Сергею на плечо:

— Это ночью случилось. Мы едва успели во двор выскочить. Дом сразу вспыхнул, не подойти... Хорошо, газ вовремя перекрыли — а то бы рвануло все...

Объяснения дяди Пети волновали Сергея мало. Он и слышал их плохо, будто слова доносились через большую металлическую трубу, превращаясь в неразборчивое эхо. В комнате потемнело, неказистая обстановка начала уплывать из виду, в грудную клетку словно налили ведро раскаленного железа. По телу прошла холодная дрожь. Вся дневная усталость навалилась вдруг разом, и организм дал сбой. Сергей сделал было шаг к креслу, ноги подкосились, и он рухнул на пол. Деревянные половицы под его весом скрипнули, на шифоньере зашаталась расписная ваза с искусственными розами и пластиковая фигурка неандертальца, держащего над головой дубинку.

Дядя Петя принялся поднимать Сергея, но тот вцепился замерзшими руками в пыльный ковер и, уткнувшись в него лицом, тихо выл, широко раскрывая рот в беспомощном, беспросветном отчаянии.

По телевизору надрывно тянул надоевшую песню известный эстрадный исполнитель преклонного уже возраста, с изрядно наштукатуренным лицом. Зал, как заведенный, рукоплескал своему кумиру.

* * *

Следующие несколько дней ходили на дурной сон, который все никак не хотел заканчиваться. Сергей ничего не чувствовал, почти ничего не говорил и совершал необходимые действия механически, мало их осознавая.

От него, впрочем, много и не требовали. Организацию похорон взяла на себя тетя Оля и сделала все максимально четко и быстро. Кучмазовское кладбище стало последним пристанищем для множества родственников Сергея, поэтому вопроса о выборе места захоронения не возникло. По понятным причинам покойницу хоронили в закрытом гробу. На церемонию пришло около двадцати человек: друзья детства из деревни, коллеги

с почты да Машка, соседка по лестничной клетке, работавшая в поликлинике. Поддержать Сергея прибыла в полном составе редакция «ЖБГ»: оператор Игорь, Валя, Аня и Кирилл, на чьей машине ребята и добрались. Но, конечно, первым приехал Олег на своей «калине».

Так уж получилось, что единственным храмом в деревне была громадная неоготическая кирха — память о живших тут когда-то немцах, с началом войны выселенных куда-то не то в Казахстан, не то в глубь Сибири. Здание десятилетиями не использовалось по назначению, пол внутри был разобран, а потолочные своды грозили вот-вот обрушиться, поэтому отпевание решили провести снаружи. Тетя Оля ехать в соседнюю деревню наотрез отказалась, поэтому сделали иначе — привезли оттуда попа.

Небольшая группа людей окружила закрытый гроб и хмуро слушала погребальный чин, не понимая и десятой доли звучащих слов. Шальной зимний ветер трепал рясу и епитрахиль, отчего попу приходилось то и дело их поправлять.

Сергей глядел на происходящее пустым взглядом. Некогда пугавшее его массивное готическое строение теперь не вызывало никаких эмоций.

— Это ведь точно поджог! Неужели вы не понимаете? — сказала Валя, когда они уже сидели за поминальным столом, накрытым в спортзале единственной деревенской школы.

Говорила она «вы», но обращалась в основном к Олегу, как представителю полиции.

— Девушка, давайте *сейчас* об этом не будем! — раздраженно осадила ее тетя Оля.

Присутствующие по очереди поднимались, говорили об усопшей что-нибудь хорошее, вспоминали, какой она была.

Сергей смотрел на это, видел лишь открывающиеся рты, а слова если и доносились, то будто откуда-то издалека, и он совершенно не вслушивался в содержание произносимых речей. Им овладела не просто скорбь, а какое-то болезненное разочарование в собственной жизни. Никто не знал, какие мысли кружили в его голове после потери матери, единственного родного человека, но, видимо, выглядел он настолько потрясенным и раздавленным, что его старались не трогать. Даже соболезнования выражали полупшепотом или кивком.

После поминок, когда посторонние уже разошлись, а родные с немногими друзьями возвращались к тете Оле, Сергей вдруг остановился на повороте, возле проезда, который вел к дому.

— Я... не пойду, — сказал он тихо.

— Сережа, я думала, еще у нас посидим. По-родственному, своим кругом... Как же? — растерялась тетя Оля.

Надя взяла инициативу в свои руки:

— Я думаю, ему лучше к... этому месту не подходить.

Ненадолго повисла пауза.

— Ладно, хорошо... Вы поехали?

— Да, спасибо за все, — ответила Надя.

Тетя Оля махнула рукой:

— Что ты! За такое не благодарят.

В «соболь» все не поместились, поэтому Сергея и Надю взялся подвезти Олег. В последний момент к ним в машину запрыгнула Валентина.

В пути она снова подняла важный для нее вопрос:

— Полиция будет заводить дело?

— Уже завела, — нехотя сообщил Олег. — Но я к этому непричастен.

— Почему? — удивилась Надя.

— Этим областной отдел полиции занимается. Пожар же не в городе произошел.

Валя взвилась:

— Дураку понятно, что это сделал Бокаров!

— В полиции не дураки, — отрезал Олег, словно отмахнулся от назойливой мухи. — Там доказательства нужны.

На какое-то время аргументы у журналистки кончились. Она притихла на переднем сиденье и глядела в окно, размышляя. Чтобы немного разбавить тягостное молчание, Олег включил радио. В колонках тихо забренчала музыка.

— Мне кажется, после такого Бокарову не отвертеться.

— Какого «такого»?

Валя обернулась и посмотрела на Надю, будто та свалилась с луны.

— Сюжет с твоей видеозаписью зашел так, что лучше быть не может. Мгновенно об этом написали все местные газеты! Сейчас это тема номер один. И гляди, даже дело, сфабрикованное против Сергея, сразу закрыли «за отсутствием состава преступления». Разве это не лучший момент, чтобы добить Бокарова контрольным в голову? Поджог и убийство, пусть даже непреднамеренное, — куда уж серьезнее!

Журналистка рассуждала так, словно играла в настольную игру и переставляла фишки. Азарт — вот что ею владело и вело ее вперед. Она снова готова была рисковать — собой, другими...

Ни Сергей, ни Надя не знали, что сюжет вышел. Не до него им было в последние дни. А закрытие дела... Сергей подозревал, что это заслуга Катерины.

— Его отказ от участия в выборах — вопрос времени. Больше всего эти люди не любят негативного информационного фона. А сейчас кандидата, который ударил учителя, обсуждают весь город.

— Выставили парня клоуном и рады, — хмыкнул Олег.

— Мы к этому столько шли, что можно и порадоваться с чистой совестью. Значит, все было не зря.

Тут Сергей не выдержал:

— Что? Что не зря?

Надя схватила его за руку, чтобы успокоить.

— Сюжеты не зря? На заводе меня избили не зря?

— Я не... — начала было Валя.

— Да если бы не вы с вашей «правдолюбивой» журналистикой, то ничего бы не случилось! И мама осталась бы жива! Я из-за ваших сюжетов отвез ее в деревню! Чтобы... чтобы спасти! — Голос у Сергея сорвался.

— Вообще-то, это ты решил поставить двойку сыну Бокарова. Так что в первую очередь винов...

— Заткнись!!!

Валя замолчала, осознав, что позволила себе лишнее. Она никогда не видела Сергея в таком состоянии и растерялась.

— Сережа, тише... — Надя сжала его руку.

— Не трогай меня! Ты... ты дура! — Он высвободил кисть. — Трусливая дура! Отдай ты флешку сразу, ничего бы... — Он закашлялся. — Ничего бы не случилось! Все могло бы пойти иначе!

Сергей бросил на Надю такой злобный взгляд, что она вздрогнула и отшатнулась. Это был не тот человек, с которым она работала в гимназии. Не уверенный в своей правоте, бескомпромиссный профи, который ходил по коридору с высоко поднятой головой и мечтал стать совершенным. Не ехидный коллега, шутивший над тем, как она ставила всем подряд хорошие оценки, избегая конфликтов. Сейчас рядом с ней сидел человек, утративший стержень своей личности. Потерявший смысл жизни.

— Ну, Серег, не надо уж так... — попробовал вмешаться Олег.

— Я всех вас ненавижу!

Отвернувшись к окну, Надя еле сдерживала слезы. В машине повисло такое тяжелое, гнетущее молчание, что, казалось, оно, как избыточное давление, вот-вот выдавит наружу всех, кто был в салоне. Даже веселое блеяние приемника не спасало. Скорее наоборот — еще больше натягивало нервы. Олег убавил громкость почти до нуля и, тяжело вздохнув, стиснул руль двумя руками. Черная «калина» проехала только половину пути до города.

Когда выбрались на кольцевую дорогу, тишину нарушил звонок Валиного телефона.

— Что? — переспросила она громко.

И, закончив разговор, поделилась информацией со всеми присутствующими:

— Бокарова отстранили от участия в выборах! И завели на него дело. Правда, о коррупции...

Новость эта не вызвала никакой реакции. Боролись-то они за справедливость, а не за желание утопить человека любой ценой. Даже если в чем-то и была их заслуга, то только в создании информационного повода. Все остальное наверняка сделали конкуренты Бокарова в бизнесе и выборной гонке.

Когда «калина» остановилась возле знакомого подъезда, Сергей вышел из нее, ни с кем не попрощавшись. Надя осталась в машине.

Время близилось к вечеру, и на лестничной клетке, по заведенному сценарию, снова собралась группа алкашей. От них пахло спиртом, потом и давно не стиранными тряпками, но Сергей не обратил на это внимания.

Ткнул в кнопку лифта, дождался приезда неторопливой кабины и поднялся на свой этаж.

Открыв дверь квартиры, он снял куртку, аккуратно положил ботинки на обувную полку и, не включая света, вошел в зал. Сел на диван рядом с креслом, где обычно сидела мама. Часы на стене тихо щелкали, отсчитывая секунды. Где-то на улице отчаянно буксовала застрявшая в сугробе машина. Включился холодильник и привычно задрожал, передавая вибрации батарее.

На стене висела большая картина в позолоченной раме, изображавшая летний деревенский двор и белую церковь с блестящим куполом на горизонте. С серванта на Сергея смотрели семейные фотографии. На них была запечатлена беззаботная детская жизнь: первое сентября, деревенские будни, обед на кухне. На одном из снимков Сергеем было, наверное, года три. Он сидел на коленях у матери и большой ложкой ел кашу из цветастой тарелки. С дивана не было видно деталей, но каждую фотографию Сергей и так помнил наизусть. На соседнем кадре — почтовое отделение и мама, еще молодая, на месте оператора. Она широко улыбается...

Не в силах больше сдерживаться, Сергей завыл, схватил себя за волосы и попытался их вырвать. Телесная боль немного облегчила внутреннюю — но всего лишь на минуту. Сердце бешено колотилось, кровь неровным ритмом пульсировала в висках. Кулаки вскоре онемели, так сильно он их сжимал. Но страшнее всего был ненасытный червь вины, казалось, выгрызавший Сергеем внутренности и не желавший выбираться наружу. Сергей мог вслух обвинять в случившемся кого угодно, но втайне понимал, что причиной всех свалившихся на него бед был он сам.

Неужели он действительно такой самонадеянный эгоист? Как он позволил уязвленной гордости настолько затмить его разум? Вся эта показная героика, весь этот спектакль — ради чего? Кому и что он хотел доказать? Себе — что он не ноль, не пустое место? Ну и как — доказал?

— Ну и что ты себе доказал?! — крикнул Сергей своему блеклому отражению в темном экране телевизора.

Ответа, естественно, не последовало.

Сергей вдруг со всей остротой почувствовал свое одиночество и беспомощность. Никто ему больше не даст совета, не предостережет от плохих поступков. Он теперь один в целом мире — никому не нужный учитель, из гордости искалечивший свою судьбу. Да, в конце концов он вышел из этой истории живым. Но нужна ли ему она — такая жизнь?

Сергей посмотрел на балконную дверь. Ведь все можно решить раз и навсегда... Раньше ему такая мысль даже не пришла бы в голову. Но теперь, обессиленный, раздавленный горем и виной, он медленно поднялся с дивана и ступил босиком на холодный пол застекленного балкона. «Все можно решить раз и навсегда!» — мысленно повторил он и распахнул балконное окно. Морозный воздух обжег носоглотку, порыв ветра сдул с жестяного отлива тонкий покров снежинок.

В доме напротив светились окна, люди занимались привычными вечерними делами. Одни ужинали, другие смотрели телевизор или играли

с детьми, третьи бездельничали, раскинувшись в мягких креслах. За темными окнами тоже наверняка шла какая-то жизнь. Шум проспекта, отражаясь от домов, доносился до Сергея приглушенным эхо. Где-то завывала скорая, спеша на вызов. Прямо под окнами кто-то напевал матерную песню.

Сергей схватился за раму и попытался подтянуться на руках, чтобы встать на подоконник. Пластиковая обшивка балкона затрещала под его весом. Не имея опоры под ногами, он не мог подняться на нужную высоту. Тогда Сергей решил просто свеситься вниз и перевалиться через подоконник. Цепляясь руками за гладкий пластик, он нагнулся...

Только теперь, высунувшись так далеко на улицу и вися над темной семиэтажной пропастью, он понял, что находится в шаге от самого страшного. Голова закружилась, Сергей в ужасе отпрянул от окна и резко захлопнул его. Страх сделал ватным его тело, заглушив на время все остальные чувства. Едва переставляя ноги, он вернулся в комнату.

Перед ним стояла Надя.

— У тебя было не заперто... Если хочешь — я уйду.

— Нет! — почти крикнул Сергей. — Подожди...

Он сделал шаг вперед. Затем еще один.

— Прости меня.

И упал ей в ноги. Надя этого не ожидала, поэтому сначала отступила. Потом опустилась на колени, обняла Сергея — и почувствовала, что он тоже крепко прижимает ее к себе.

— Прости! Я самый жалкий человек...

— Ты все сделал правильно. Ты не мог иначе.

Слез уже не осталось, поэтому Сергей просто часто, отрывисто вздыхал.

— Я всех подвел. От меня одни проблемы.

— Ты победил! Бокаров сядет в тюрьму. Оттуда он тебя не достанет.

Лицо Нади в темной комнате казалось загадочным и непривычно выразительным, как будто она только в таких обстоятельствах обретала свой настоящий облик.

— Пусть победил, но какой ценой... Как мне дальше жить?

— Вернешься в гимназию. Никто тебе больше слова поперек не скажет.

Сергей замотал головой:

— После такого не возвращаются! Я теперь вообще не смогу преподавать.

— Не говори глупостей! Это твое призвание. Ведь ты к этому столько шел! Сам постоянно мне об этом говорил.

— Когда?

Надя широко улыбнулась:

— В автобусе.

— Такие, как я, недостойны работать с детьми. Чему я их научу?

Поглаживая Сергея по холодным взъерошенным волосам, Надя сказала:

— Должен же быть человек, который честно выставит им оценки.

Сергей хрипло рассмеялся. Он вдруг понял очень важную вещь, но не смог бы выразить ее словами. Даже хороший учитель не в состоянии объяснить все. Есть вещи, которые можно только почувствовать, пережить, выстрадать — и увидеть по-новому. Тогда то, что казалось блеклым, невзрачным и будничным, вдруг обернется богатством, ради которого стоит жить.

Сергей закрыл глаза и поцеловал Надю в сухие губы.

* * *

Город мало-помалу вырывался из снежных оков. Яркое солнце уже ощутимо грело, на улицах исторического центра расплзлись широкие лужи, с крыш старых, еще дореволюционных зданий без конца капала талая вода. Ручьи по обочинам дорог текли под гору, затопляя по пути дворы, скверы и подземные переходы. Все машины были замызганные, в грязных разводах. Пешеходы подворачивали брюки, чтобы не запачкать их по дороге на работу. Птицы громко щебетали, прыгая по веткам, на которых только что раскрылись первые почки. В воздухе витал забытый за долгие холодные месяцы аромат прелой земли и ранней, еще совсем молодой травы. В город пришла весна.

Трехэтажное здание гимназии стояло в окружении высоченных вековых елей. Через парадный вход в него толпами вливались ученики и разбегались по этажам, жизнерадостно голоса. Их родители, запрудив своими дорогами автомобилями проезжую часть рядом с гимназией, возмущенно сигналили друг другу и громко ругались. Эти гудки и вопли, впрочем, казались такими же естественными, как пение птиц.

Сергей шел по коридору гимназии немного быстрее обычного. Он опаздывал, но окружающие об этом не догадывались. Просто он всегда старался приходиться за пятнадцать минут до урока, а сегодня будет точно ко времени.

Звонок застал его на подходе к кабинету. Электрическое гудение из динамиков эхом разбредалось по школьным закоулкам.

Сергей распахнул широкую дубовую дверь.

Класс, чуть помедлив, встал. Двенадцать человек смотрели на учителя, ожидая дежурного приветствия.

— Good morning, children!*

— Гуд морнинг! — вразнобой ответили ученики и грохнулись на стулья.

---

* Доброе утро, дети! (англ.)

Александр ДЕНИСЕНКО

«БЕЛЫМ-БЕЛО СЕГОДНЯ В НСО...»

...Безмерно горестно сегодня в НСО: ушел из жизни Александр Иванович Денисенко — большой русский поэт.

Он никогда не продвигал себя и свои стихи, он даже мыслью допустить не мог, что такое возможно. Зато он деятельно и горячо, без толики сомнений, поддерживал и приободрял своих друзей и тех пишущих людей, которые ему казались симпатичными.

А высшим проявлением этой нежной, жалеющей и никогда не спящей любви были, конечно, его тексты — его стихотворения и его проза, которая суть поэзия.

Сострадание к людям и вообще искреннее сострадание ко всему живому — вот в этом весь Александр Денисенко...

*Грусть невестина. Идет теплый снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех,
Кто любить меня перестал.*

Нет, дорогой Александр Иванович! Мы не перестали тебя любить и не перестанем. И ты, знаем (ибо хорошо знаем тебя), нас тоже любить не перестанешь. Даже оттуда...

И меньшее, что мы можем сделать прямо сейчас, — перечитать те стихи, что навеки вошли уже в историю русской литературы. И стать, быть может, хоть чуточку добрее и лучше.

Редакция

* * *

Белым-бело сегодня в НСО,
Снег подвенечный падает, кочует,
И тут же рядом лошади ночуют,
Как девушки, пока не рассвело.

Вся эта жизнь зовется Боже мой,
И не хочу я больше быть красивым,
Я только буду вас любить, пока живой,
Со всею силой.

По леву руку — левый, нежный снег,
По праву — темно-синий, деревенский,
Посередине — торопливый тусклый след —
Ревнивый, задыхающийся, женский.

То сладкая, то горькая любовь,
То глупая, то со звездой, с губами,
С чудесными старинными словами —
То сладкая, то горькая любовь.

Дед Валера

Умер дед. Семья сидит у тела.
Самый старый дед в селе Мотково,
Самый-самый старый дед Валера
Будет жить на небе голубом.

Дед отцвел. Про тонкую рябину
Замолчал его аккордеон,
Перед смертью он ходил на почту,
Пацанам раздал аккредитив.

Я-то знал, что деда умирает...
Мы соседи. Через городьбу.
Светлый стал. Глядит невыносимо.
Я сосед его. Колхозный тракторист.

Надо ж быть мальчишкой, кавалером,
Чтоб с такой улыбкой помереть.
Бабы его белым коленкором
Спеленали, будто он родился,
Мужики на белых полотенцах
Отнесли, наверно, в самый рай.

Брат мой, Саша, из пединститута,
Раньше брал у дедушки фольклор,
А теперь сидит, тоскует, курит,
Повторяет: замять... синий цвет...

Так мы дедушку весной и схоронили.
День был серенький, но чей-то самолет
Прозвенел над тополем, заврался...
Видно, летчик деревенский был и вот
С нашим дедушкой на небе повстречался.

* * *

Николаю Шипилову

За деревней, в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От веселой реки, по траве, из последних силенок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребенок,
Но ему перед бате́й уже никогда не сплясать.

Председатель вздохнет, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнет,
Похоронит коня, выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнет.

Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребенка в ту ночь загорится звезда,
И при свете ее он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой, в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве, и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной, не улегшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребенок, нагнулся и начал читать.

* * *

Еще не померкли цветы луговые,
А тополь с женою обнявшись идут,
И лошади бродят вокруг легковые,
Цветы непомеркшие бережно гнут.

Учитель с учителькой едут в тумане
(Крючков — Бархударов да Бойль — Мариотт)
Крючков-Бархударов смеется на раме,
А крутит педали мсье Мариотт.

А вот показалась большая большая
Корова корова — звезда между рог.
Она наклонилась, теленку читая
Зеленую книгу, зеленый лужок.

О чем ты так горько задумалось, лето?
Забыло на резкость поставить узор...
Стоит восклицательный флаг сельсовета,
Да школы неполной пронзительный взор

Напомнит, что в этом березовом корпусе
Есть время, и место, и род, и падеж —
Где милая мама, как в детстве... не в фокусе...
Даст хлеба два томика — с Пушкиным съешь.

Пристально

Батюшки-светы, сватья Ермиловна,
Осень кидается в речку Сартык.
Кони колхоза имени Кирова
Стиснули конские рты.

Что рассказать? Возле почты — лыва,
В лыве корабль да пух петуха.
Жизнь поутихла, лицо уронила
В согнутый локоть стиха.

На перевозе — гладкие воды,
А на другом берегу,
Как на последней ступеньке природы,
Тополь застыл на бегу.

Что-то уж шибко он нынче кручинится.
В прошлом году по весне
Берег подмыло — я думал, он кинется
К левобережной сосне.

Сердце ль в обмане, иль мнится мне к вечеру,
Будто на том берегу
Кто-то спустился тропинкой заречною,
А различить не могу.

Завтра десятое августа. Осень.
Осень? Да нет же. Да осень же. Да.
Или почудилось вслед
...и понеже
...сильно-пресильно
...всегда

* * *

Грусть невестина. Идет теплый снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех,
Кто любить меня перестал.

Вот начало пути. По нему пойду
Вместе с вами, возьмите, а?
Чтоб не видеть, как бедная церковь в саду
Прячет очи от глаз вырезвителя.

Сколько ног вышивало мне снег под окном,
А потом, когда пряжа рвалась,
Я прощенья просил у знакомых икон,
Что втоптал эту вышивку в грязь.

Возжалеть бы о прошлом, но черт начеку —
Кони сбились с дороги и встали,
И не могут никак заступить за черту,
Где любить вы меня перестали.

Грусть невестина. Идет вечный снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех.

* * *

Ну, падай, снег.
Твоя монарша власть
Напоминать, что есть на белом свете
Зима, в которой мама родилась
И стала жить в моем автопортрете.

Огонь весны неистово горит.
Вот женщины пришли. Легли в акации.
Одна из них о счастье говорит
Под музыку Российской Федерации.

Как заплачу я в синие ленты
Перед группой русских цветов
За деревней, которой уж нету,
Лишь осталась кирпичная кровь.

Вещество мое все помирает,
Принимая печаль этих мест,
И душа с себя тело снимает
Среди низко опущенных звезд.

Пока льется из глаз проявитель,
Вижу, как погубили обитель:
Растерзали деревья и доски.
И большие кукушкины слезки.

* * *

Красный, как май, жеребец —
Надо ж такому присниться:
Будто бы мать и отец
Едут в деревню ПРОВИНЦИЯ.

Черный, как ночь, жеребец
Должен вот-вот появиться.
Ждут меня мать и отец
В тихой деревне ПРОВИНЦИЯ.

Белый, как снег, жеребец,
Дай мне еще помолиться:
Живы и мать, и отец
В светлой деревне ПРОВИНЦИЯ...

* * *

Я забыл, что со мною случилось
За минувшие несколько лет,
Отчего так душа омрачилась,
Кто убавил в ней ласковый свет...

Этой вежливой жизни изжога,
Выжигая свой жадный узор,
Ничего не жалела живого,
Вынуждая на стыд и позор.

Никогдаже не быть нам счастливыми,
Никомуздо не княжить в любви —
Ангел жизни губами правдивыми
Осень жизни уже протрубил.

Ветер гонит пьянящие волны —
Голова полукружится в дым.
Все быстрее бечева колокольни,
Все блаженней поет серафим...

Облака, что столпились у церкви —
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнет по ним взгляд офицерский
С сигаретой, цветущей во рту.

По высоким сугробам лабазника
Разливается ласковый свет...
Никакого сегодня нет праздника,
Потому что любви больше нет.

* * *

Чей
    чей
        чей
            ЭТО КОНЬ
                ЭТО КОНЬ
                    ЭТОТ КОНЬ
Оторва Оторвался от железного кольца
И летит — грива льется, как гармонь
Молодого, убитого Германией отца.

Я рвану
    этот ситец
        этот ситец
            от плеча —
На которрром цветут русские цветы —
И пойдет он по кругу сгоряча,
Как невест обходя яблонь белые кусты.

Вот уж бабы завыли
        завыли
            уж сердцу невмочь,
Пляшет с бабами конь вороной вороной —
Все быстрее и быстрее — уж ничем нельзя
  помочь,
Как тогда, перед самою войной.

Плачь, гармонь,
        да плачь, хорошая,
                        во все цветы
  навзрыд —
В саду Сталина осыпался на гриву весь ранет.
Сам товарищ Сталин на учет сейчас закрыт,
А откроют, когда будет мясоед.

Все пройдет...
        солдатка
            слезы
                черной гривой
                        оботрет
И прибьет к столбу свое железное венчальное
  кольцо
Чтобы конь, хрипя, не рвался из распахнутых
  ворот
По дорожке,
        занесенной
            лепестками,
                за отцом.

* * *

Я вспомнил себя и заплакал —
Как мальчиком русским я был,
Как с черной кудрявой собакой
Зеленую землю любил.

Мы жили в Советском Союзе,
Наш дом был у самой реки,
Еще не развязан был узел
Моей и отцовской руки.

Была мне и радость, и вага,
Но что-то случилось в груди,
И хлынула первая влага
Про то, что вся жизнь позади...

— Вставай, — мне шептала собака, —
Уж поздно. Пора на покос. —
Меня обнимала рубаха,
Служившая мне на износ.

Цветы с голубыми глазами
Смотрели мне прямо в лицо —
Мы сразу их с мамой узнали,
Попав в голубое кольцо.

По мокрой росистой дорожке
Мы с мамой шли босиком.
Два низких заросших окошка —
Заброшенный мельничный дом.

В том доме жила одиноко
Колхозная лошадь Звезда,
И часто смотрели из окон
Слепые от жизни глаза.

Из рук моих клевер и донник,
Сомлевший в кошелке, брала,
И вновь ее мельничный домик
Из детства в туман уплывал.

И мама опять улыбалась:
Для Звездочки шторы бы сшить...
И эта житейская малость
Запала на всю мою жизнь.

На этом позвольте закончить:
Мне слезы мешают писать,
Поскольку те горькие очи
Я так и не смог прочесть...

* * *

Между двух январей — грусть утраченных дней,
Пряжа русских стихов бесконечная,
Но летит сквозь снег новогодний век,
И зима, и земля наша вечная.

Мне на окнах зима написала слова,
Чтобы ждал я из леса два дерева:
Одно даст кору, когда я помру,
А другому оплакивать велено.

Не за тот обелиск — будь он ясен и чист,
Что живем однава,
Сочинились слова,
А за ясный огонь: камбий, луб, заболонь —
Видно, близко мои дерева.

* * *

Посадили меня на цепь,
Отошли на сотню шагов,
Сели в пыль на дорожный шов.

Бродит ястреб поверх тополей,
Молодой, вороной мясоед.
О, кошмарный и быстрый, о нет.

Вдруг раздался свисток соловья,
Он упал, как кусок хрусталя,
За пшеничную цепь
Приподнял мою степь
И повлек в голубые края.

Там на небе одно есть село.
Не достанет туда жевело.
Как у первых ворот
Меня встретит народ
Целовать мой запекшийся рот.

А когда я разжал кулаки,
Были полными обе руки
Горьких трав земляных,
А из ран пулевых
Я достал двух шмелей полевых.

Васильков синеглазый комок
Взял с ладони, потупившись, Бог,
Был он в первом ряду
И у всех на виду
На пилотке потрогал звезду.

И стоял я, убитый, в степи,
Куда Бог меня сам опустил,
А навстречу уже
Шли ко мне по меже...
...шмель уснул в моем нежном ружье.

В землю Русьскую мой соловей
Все спешит из небесных полей,
Но тяжелый, как ртуть,
Воздух бьет его в грудь,
Помогите ему кто-нибудь...

* * *

*Памяти
Александра Плитченко*

Черный снег замаячит на взгорье,
И метель дорогих деревень
Нарывавшись, вплетет в изголовье
Отгоревшую в горе сирень.

Там на небе цвета побежалости,
Разливаясь в причудливый свет,
Просияют печалью и жалостью,
Для которых названия нет.

Вот и хлынула кровь из России,
Вот и замерли руки по швам —
Всем всучили, хоть мы не просили,
Кому срам, кому шарм, кому шрам.

В мавзолее вечернего сада
Поплывет по рукам стеарин,
Есть в России одна лишь награда —
Крест нагрудный из двух крестовин.

* * *

Медлительно плывут казанки...
Приют и май на берегу,
Когда звонарь играет склянки
На отуманенном лугу.
Причалим мы. Цветы разбудим.
Досад и лепетов забудем.
В отъезжем поле — миру мир,
Друзья удельные мои
И кони пленные и и
Все ниже, ниже наши выи,
Лишь сон в пушистой голове,
Что мы остались одне,
Что мы остались одне
Любить огни городовые.

На ясный огонь

Кто-то в лесу стреляет
Возле родных калин,
А журавли составляют
Самый прощальный клин.

Долго, как в дни Победы,
Смотрит за реку мать...
Жить бы и жить и белой
Людям рукой махать.

* * *

Ну что ты, товарищ, ну спи на плече,
Где волос, не собранный в узел,
Чернее вот этих чудесных очей,
Живущих с твоими в союзе.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет.
Не вешнее лето. Простое.
Вот дождь. Этот дождь постоит и уйдет
За ваше село золотое.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет,
И так же, как в прежние лета,
Зима нападет и снег упадет
У серых ворот сельсовета.

* * *

Небо над улицей Гоголя милое темное
десять ведь
Вечер чудесные свечи с вечера вздуты
у гордой Галины
Сессия?
Ой да не сессия
Ну так тогда именины

Мальвы наломаны
Мальвы наломаны
Розданы славные

* * *

Покрести на дороге мне сердце и сокола выпусти,
Отцвели васильки у тебя на высоком лице.
В час вечерний у рощи прощальной прощенье нам выпроси,
Где стонал соловей и дрожали огни на ВЦ.

И за рощей за той, причиняя земле ожидание,
Осень красное платье снимает и дарит тебе.
Вот и будет теперь на лице у меня два страдания:
Как мне вас различать и кого мне любить в сентябре.

Серый гусь просвистит, словно свет собирает от сокола,
И сойдутся они над моей головой в небеси,
И перо упадет мне под ноги с гусяного локона,
Чтобы я написал тебе мертвое слово прости.

Пусть уж лучше, как встарь, золоченым замком сердце заперто,
Пусть соловушка в роще осенней уронит ключи,
А зима подойдет — упадет в этом месте он замертво,
И сожмется сердечко, как красный кусочек парчи.

Я посею цветы по высокому русскому снегу,
Чтоб играла метель в васильки, васильки, васильки,
Но ударил вернувшийся сокол под сердце с разбегу...
...Гусь летит в середине рыдающей русской строки.

Владимир РЮТИН

КОГДА Я СТАНУ БОЛЬШОЙ?

Р а с с к а з

— Я измучилась с ним, папаша! Измотал в доску. Вчера прихожу с работы, он уже вытащил мой лисий воротник и зоску¹ хотел вырезать. — Мать вдруг крепко задолбила ногтями по моей макушке. — Хорошо хоть, вовремя успела... Каждый день так! Каждый божий день!

Дед сидит прямо на маминой кровати в ватных штанах, сидит — и ничего. Кровать заправлена белым пикейным покрывалом. А мама злится на ватные штаны и ябедничает на меня дедушке, как будто это я сижу на ее необыкновенном покрывале. Мама почему-то называет дедушку папашей, хотя «ш» ей трудно выговаривать, и всегда стесняется при дедке курить...

Еще рано. Дедушка вечно в такую рань приезжает, с самым первым поездом под названием «Колхозник». Едет и всю-то ноченьку не спит. На левом сапоге у дедки две заплатки и на гимнастерке тоже заплатки, только разноцветные — бабушка старалась. Самое новое на нем — это лысина и веселые глаза. Он смотрит на меня сейчас и приговаривает ласково, в тон матери:

— Ах ты, варнак, ах ты, варначище.

Нос у деда большой и мягкий, а под носом маленький квадратик седых волос, он их никогда не сбривает. Дедка гладит меня по макушке своей ладонью, все так же, в такт матери, приговаривая:

— Поди, милой, поди на волю, погуляй...

В сенях полумрак и холодновато, пахнет примусом. На столике зеленая кастрюля с отрубями — дедушка привез. Под столом кулек с картошкой — тяжеленный, бабушка послала. Вот поедем! И почему мать не любит папкину родню? Называет всех одним словом «мисаиловские», что означает — из одной деревни. И я «мисаиловский», хотя в той деревне никогда не был... Скоро наш папка японцев разобьет там, на Дальнем

---

¹ Зоска — игра, а также снаряд для нее — кусочек кожи с длинным мехом, к которому прикреплялось свинцовое грузило.

Востоке? Всех убивают, ранят, а он в рубашке родился. Что за рубашка такая?

Дедушка говорит, что никогда не стрелял из ружья. И когда был в балаганской партячейке, ему назначили расстрелять кулака и дали ружье. Только кулак сначала должен был выкопать себе ямку. Дед повел его и увидел: мужик-то знакомый, а никакой не кулак. Многосемейный, простой мужик. Тогда дедку самого обозвали кулаком. С того времени у дедки и пошло всё широким кверху... Из ружья он так и не стрелял, про остальное рассказывать не любит.

Мать без дедки называет дедку «молчун» и «тяжелый человек».

Около нашего крыльца всегда тень от высоченной кирпичной стены. Это какой-то склад, в котором хранят огромные слитки золота для американцев, трофейные пистолеты и всякие разные елочные игрушки. Про игрушки говорила Нелька Сенигина, хотя все остальные в нашем дворе думают по-разному.

В стене есть черные дырки. В самых верхних живут веселые стрижи. Они со всего маху туда влетают и, конечно, видят, что на складе лежит.

С приездом деда мать совершенно забыла заставить меня умыться. Умывальник вместе с тазом перекочевал на улицу, а вода в нем утром как лед. Скоро лето, хватит ему в доме вонять. Я показал издали умывальному фигу.

Ночью потеплело. А сегодня выходной, и солнце хорошо-хорошо греет. Генка дворничихин уже во дворе. Прижался спиной к нагретым от солнышка доскам сарая. Он всегда раньше других просыпается и раньше других выходит во двор. Потому что мать его не кормит, а только пьянствует. Генка-трехклинка умеет материться, а на губах может сыграть любой военный марш или вальс. Его отец геройски сложил свою голову под самой Москвой.

Я подошел к стене сарая. Генка не обратил на меня внимания. Смотрит куда-то вверх, наверное, считает облака. Доски правда уже теплые, пахнут старым деревом и смолой. Я тоже посмотрел на небо, потом на Генку. Потом я сказал, что приехал мой дедушка. Но Генка все смотрел и смотрел вверх, будто что-то там ему увиделось. В небе же ничего не было, кроме опасной глубины, и я спросил:

— А что, думаешь, есть выше облаков?

Опять молчок.

— А к нам приехал дедушка, он привез отрубей, картошку...

Тут Генка оторвал лицо от своей мечты и сказал будто спокойно:

— Кривоногий он, твой дед.

Я в ответ обозвал его дворнягой, метелкой и сказал:

— Мой дедка восемь лет на Беломорканале отбухал и видел Сталина, Сталин к экам на пароходе в гости приплывал.

— Твой дедка был враг народа, а ты — параша!

Тогда я со злости пнул Генку, но зашиб себе же ногу. Зато успел увернуться от его плюхи. Я побежал зигзагами к своим сеням, потому что знал, как Генка метко кидается камнями. Но камень подходящий Генке,

видно, не попадался под руку, и все, что он кидал, были перелет или недолет.

Он мне кричал вслед, как собака, злой:

— Не приходи сегодня на Ангару широк колоть, половинкой башку проломлю, не вздумай появляться...

Генка, точно, был псих. Это знали все. Таким он стал, когда его мать сколько-то там времени отсидела за кражу угля на угольном причале.

Генке ничего даже не было, когда он выбил глаз бараковскому Кольке. Колька подглядывал из своего двора в квадратную дырку забора, что возле уборной. Как дождется кого из наших близко, то кидает тяжелым камнем, чтобы убить. А Генка-трехклинка выследил Кольку из-за уборной, оттянул хорошенько рогатку с гольшом и попал в квадратную дырочку, а Колька как раз начал в нее смотреть. Р-р-раз — и глаза нет.

Приходила милиция, была у Генки, он ревел, потом два дня не выходил. Больше ему за глаз ничего не было, потому что он псих, и всё. А война с бараковцами на том и закончилась. Некоторое время мы не могли к этому привыкнуть, но война все же кончилась навсегда.

После глаза Генка, конечно, был страшным героем, хотя об этом никто ничего не говорил.

Но вскоре я его переплюнул. Я стал не страшным, а настоящим героем, когда нечаянно перебросил камень через высокий забор. То был уже другой забор. Такой высоченный, что никому, даже Вовке Козлу, не приходило в голову на него залезть. В заборе ни одной щелки, и только с соседней крыши кто-то из нас видел, что за забором сиреневый сад, а в том саду бьет фонтан и гуляет настоящая дикая косуля. В глубине сада белый дом, там же имеется собственная электростанция и теплый гараж. А в доме том живет — здесь приглушали голоса даже наши родители — сам Дарков. Сказочный волшебник, секретарь обкома.

Кирпич пробил два стекла и чуть не попал в кухарку. Ровно через минуту прибежали два милиционера, а Нелька Сенигина сразу выдала, кто кидал. Меня вели за ухо до угла, пока у милиционера с усами, как у Сталина, не вспотели пальцы. Потом меня держали за шиворот, но ухо еще ломило, и хотелось плакать со страху. Не плакал только потому, что чувствовал, как весь наш двор следует на безопасном расстоянии. Под конец я уже пожалел, что скоро милиция, и ребята меня там не увидят, и я в милиции заплачу.

После милиции даже мать на меня смотрела настороженно. А уж во дворе... и говорить нечего. Валерка Пинчук дал мне поносить свой кастет до вечера. Что Генка с каким-то Колькиным глазом! Вот выбить сразу два стекла у Даркова! «Вот это да! Вот это да!» — говорили потом все ребята.

Это и вспомнилось в сенях в отместку Генке, который явно еще караулил меня где-то около сеней с хорошим камнем. Я ждал и нюхал керосинный запах в сенях, пока не надоело и не понял, что Генка ждать будет долго.

У нас на кухне сидят мама с тетей Клавой Сенигиной. Тетя Клава час тому назад пришла за примусной иголкой. Тетя Клава — мама Нельки, Вальки и Вовки. И приходит теперь к нам часто, потому что дядя Миша, как и мой отец, на войне. Они говорили шепотом, так как дедушка снял сапоги и спит на моей кушетке, ласково похрапывает, подложив большую теплую ладонь под свою колючую щеку.

Мама говорит, по всему видать, про дедушку:

— Когда жили мы все вместе, с Мишкой только поженились, папаша как уйдет в баню с самого утра, так его все нету, нету. Уж вечер на улице... Темнеет, а он в баню-то утром ушел. Я спрашиваю: «Мамаша, говорю, где же папа-то?» А она, видишь ли, к закату жизни примирилась с этим, с его краями, и отвечает мне спокойненько: «Э, говорит, Шура, плохой тот сучок, на который пташка не сядет. Ха-ха-ха!»

Тетя Клава вся дрожит и, отрывая руку ото рта, протягивает палец в сторону спящего дедушки, произнося с усилием:

— Он-то, он-то сучок — су-чок! Ничего себе, сучок дак сучок!

Обе смеются, я не могу понять, почему дедку обзывают сучком. Почему об этом сказала когда-то маме бабушка?

— Разбуди́те, — злобно шиплю я им.

Но мать отмахивается:

— Тоже мне, защитник. — И вдруг, став серьезной: — Вот что, Владимир, поедешь с дедушкой в Булай, на волю. Бабка с дедом козу купили, скоро у нее будет молоко. Хватит мне с тобой тут грешить. Пусть и они попробуют, что ты за сахар.

Я не знаю, радоваться мне или нет. Конечно, жаль оставлять двор. И ранетки скоро у Тимкина поспеют, вон их нынче сколько, крючком доставать бы стали... И в Ангаре вода потеплеет — купаться можно. А у дедки и реки-то нет... Но что скажешь? Как мать решила, так всегда и есть. Попробую, поеду.

Гляжу на дедушку, который вот уже и проснулся, убрал руку из-под щеки и улынулся мне добрыми, сонными глазами.

* * *

На вокзале выгружают раненых из вагонов санитарного поезда. Состав прибыл с Дальнего Востока. Дедушка зачем-то держится за горло и все смотрит, смотрит на носилки, что проносят санитары и санитарки.

— Тяжелые, — сказал дедка. — Которые уже и померли.

И вправду, лиц многих раненых не видно: то закрыты бинтами, то простынею.

— Померли, ребятки, — повторил дедка. Он так дома и не спросил про отца.

— Уж такой человек, — поясняла мама тете Клаве сегодня утром. — Не скажешь, так сам и не спросит. Попросил только карточки Мишины посмотреть. У нас есть такие, которых нету у них. Тяжелый человек папаша, тяжелый!

Вот и на вокзале смотрит-смотрит в лица раненых, как на фотокарточки сегодня дома.

— Пойдем, дедка?

Мы идем мимо других раненых, которые лежат на носилках, расставленных прямо на перроне.

— Эти легкие, — говорит мне дедушка. — Постой-постой, паря, может, знакомые есть?

Но знакомых не видно — ни моих, ни дедушкиных. И мы уходим через пути к своему составу.

Дедушка сильно дернул мою руку, стал торопить, чтобы я не слышал, как «легкие» неизвестно для чего стали хохотать и матерно кричать на трех проходящих мимо девушек.

— Хал-лударь, жеребцы стоялые, — произносит дед сквозь зубы и еще сильнее дергает вперед мою руку.

Не оглядываясь, мы быстро удаляемся от санитарного поезда.

В вагоне мы забрались на третью полку, улеглись, и дедка захрапел, пока поезд еще не тронулся. Ехали мы до вечера, я почти не спал, а наблюдал, как через вагон проходят «артисты», как сказал дедушка. Артистами у нас во дворе называли тех, кто притворяется. Эти же были то без ноги, то слепые, то с руками и ногами, только у них все тряслось. Я глядел сверху и старался угадать, какие притворяются, какие — нет. Мне всех их было жалко, только одни мне нравились больше, другие меньше. А песни их совсем не нравились. Какие-то противные песни, даже те, которые знакомые.

Наконец приехали. Была полночь — и грязненький шахтерский городок. Нам еще идти тридцать верст, поэтому пошли ночевать к Парасковье — бабушкиной знакомой.

Парасковья уже спит, еле достукались. Молча пустила в душную избу, постелила нам с дедкой в кухне тулуп и молча ушла за перегородку, не напоив даже чаем. Мы разулись.

Дед поворчал на икону:

— Ишь ты, богомолка, еще и на кухне этого еврея повесила.

Лег и уснул так же скоро, как в поезде.

Ночью меня съели клопы, так что утром дед даже смеялся. Парасковья была приветлива, напоила нас чаем с лепешками.

Мы шли и шли почти весь день. Сначала мимо кладбища, потом березняком, потом — поля и поля... В небе тараторили жаворонки, а дед все молчал, только иногда пел протяжные, совсем незнакомые песни и что-то говорил, говорил сам себе.

Если на жаворонка долго смотреть, то он превращается в воздух. Дед сказал, что эта птаха крестьянская, трудовая и зорить ее нельзя.

— А другую зорить можно?

— Никого зорить нельзя. Если будешь зорить, не вырастешь большой.

— А когда я вырасту большой?

— Когда пройдет время.

— Когда оно пройдет? Когда оно пройдет, а, дедка?

— Когда люди скажут.

— А какие люди?

— Добрые, добрые люди скажут.

Больше он не отвечал мне и только торопил:

— Что-то, паря, ты не идешь, не идешь, бабушка нас заждалась, поди... — И всё. Потом уже молчал.

К вечеру похолодало. Стало еще холодней, когда мы начали спускаться к деревне Булай с горы, из соснового леса. Мы прошли для меня так много, как может пройти человек, если он стал большим-пребольшим и прошел половину всей земли.

Ночью я шел уже по другой половинке круглой земли. Рядом шел жаворонок на человеческих ногах, в сапогах. Потом мы взлетали с ним вдвоем, и он учил меня петь свои долгие жаворонкины песни.

Утром бабушка сказала мне, что я расту, коли так летаю над пашнями.

— А теперь, — сказала она, — пойдем гулять Машку, ты за ней будешь следить.

Машка стояла у крыльца и что-то жевала, а когда увидела нас, мекнула и стала нахально смотреть мне в самые глаза.

Не коза это, и вовсе уж не Машкой ее звать. Урод какой-то с большим брюхом и титьками. Даже рогов нету. А борода как у того еврея, что мы видели с дедкой. Хоть бы не смотрела молча. Хоть бы не приснилась ночью, как жаворонок.

Машка поняла мои мысли, повернулась обидчиво и ушла, кокетливо подрагивая хвостиком, покачивая титьками.

А бабушка сказала:

— Все ведь, тварь, понимает. Как скажу что, поймет ведь, язва, поймет. Говорить только не может, а так чисто человек.

Бабушка похлопала себя по переднику и пошла в избу.

Я смотрел бабушке вслед, а когда хотел повернуться, чтоб пойти на улицу, посмотреть, куда ушла — моя теперь — Машка, то вздрогнул и окаменел. Там, где стояла страшная коза, стоит красивая, молодая девушка. Далеко вниз спускается по груди толстая русая коса, глаза смотрят через меня, пальцы длинные, белые, глаза печальные, очень большие. Она провела холодными пальцами по обеим моим щекам враз, отпрыгнула, как кошка, и пошла, пошла. Высокая, красивая. Пошла, как по стеклу, плавно, боясь проломить землю.

— Мария! — крикнул я. — Мария!

Она медленно обернулась и прошла в дом так же плавно, но далеко обходя меня. Я напугал Марию. Это была Мария — моя тетья. Люди жалели ее и жалели бабушку с дедушкой за Марию. Люди говорили, что она Божий человек, тихонькая. А я не боюсь, и она мне нравится. Как это она ходит? Я не видел такого. Какая она красивая и высокая, выше бабушки и выше дедушки. Я буду любить Марию, не буду ее обижать. А когда вырасту большой, то женюсь на Марии и увезу ее к самым лучшим врачам, к синему морю.

Бабушка с дедкой работают на молочном пункте, где стоит большой сепаратор. Они крутят вдвоем ручку сепаратора. Получаются сливки из молока, которое привозят колхозники на телеге. Из молока получают сливки для госпиталя, что в грязном шахтерском городке.

Когда сливок набиралось достаточно, дедушка шел в колхоз выпрашивать коня, чтобы увезти и сдать сливки в госпиталь.

Бабушка тайком от деда давала мне попить сливок, но они мне не нравились. А когда дедка узнал, то кричал бабке:

— Это грех — воровать у раненых, если хоть еще раз увижу, не знаю, что сделаю.

Бабушка причитала и охала:

— Вражина! Ребенку пожалел. Уродина — не человек. Кругом воруют, кругом воруют!..

— Пусть воруют, а я не воровал и в жизни не буду! Не буду!

— Тресни ты пополам, и все тут, черная немочь, — заканчивала бабка и убегала от греха подальше.

Еще мне нравилось смотреть на дедку, как он тискал молодых баб или девок, когда они привозили молоко. Дедка тогда становился веселым и разговорчивым, а бабка, наоборот, хмурилась и тихонько приговаривала:

— Кикимора старая, старый конь, а все шлея под хвост ему попадает.

Я не знал, что такое «шлея» и почему она попадает дедке «под хвост».

Однажды дедушка вернулся из города, а позади телеги ковылял привязанный конь. Коня дед завел в наш двор и поехал сдавать в колхоз пегую кобылу, на которой ездил в город. Конь был большой и дохлый. Торчали ребра, а голова совсем опущена к коленям.

Бабка взглянула из сеней:

— Эй, что за оказия! Каку халеру поставил тут?

А когда дедка вернулся, спросила:

— Чью это ты смертушку в наш двор-то завел?

— Это тебе не смертушка, а Погранишный!..

— Какой еще Погранишный?

— А вот и Погранишный, инвалид войны. Гормаслопром нашему пункту закупил. — Дед любовался на коня и был страшно доволен. — Будет ходить в колхоз-то, будет. Свой теперь коняга. Не надо кланяться пьянице Новоселову: дай, мол, коня, дай, сливки увезу.

А бабка все похохатывает над дедом. Только Мария ходит мимо «смертушки», не замечая ни его и никого другого. Она поднесла дедушке зажатый кулак, раскрыла его, и на ладони оказалась горка ржавых горелых гвоздей. Она их собирала по двору несколько дней. Мария отдала дедушке гвозди, и он увел ее за руку ужинать.

Все ушли. Я стал говорить коню всякие добрые слова, но конь дремал, все так же опустив морду к передним ногам, не слушал.

Прошли еще дни, и Машка родила сразу двух козлят. Дед и бабка всю ночь перед этим ходили к Машке в стайку и брали с собой лампу.

Погранишный ободрился. Но ездил дед все еще на колхозных конях. Дед жалел Погранишного и водил его купать к озеру. Бабка варила коню специально очистки, поила его сывороткой из-под творога. Но хоть Погранишный и стал веселее, а ездить на нем еще нельзя. У него была сильно сбита спина. Дедушка пережигал в банке козий помет с какой-то травкой и сыпал Погранишному на спину, и ранки стали заживать, так что мухи уже почти не садились.

— Этот конь, — говорил мне дедка, — прошел всю войну. Это настоящий строевик по масти и по стати. Теперь он стал старый и сильно контужен, но я, вишь, старый, а еще могу работать да работать.

Дед заметно повеселел со своим Погранишным. И даже припадки Марии его не так, как раньше, хмурили.

Бабка мне сказала, что в молодости он мог на любого зверя сесть и прогонять до покорности.

— Ох, и любил коней, страсть как любил! — И сказала, что по ночам дедка встает и мочится Погранишному на задние ноги, чтоб контузию снять.

Сначала мне было смешно, потом я поверил и сам стал так же делать, а дедка одобрил.

— Поднимем коня, внучек, я научу тебя верхом ездить. Хочешь?

У меня от такого аж дух захватило. Я повис у дедки на шее, побежал к бабке — ее не было.

Я увидел Марию, прижался к ней, но Мария сильно щелкнула меня, захохотала и пошла дальше очень печальная и строгая, как будто меня и не видела никогда в жизни. В один из дней мама прислала телеграмму: «Приезжайте. Мишу демобилизовали. Шура».

Только бабушка не могла поехать, Марусю не с кем было оставить.

* * *

Через день я увидел отца. Он был такой, как на фотографиях. Я обиделся на маму, что она унесла на барахолку всю его военную форму. Оставила только сапоги, потому что надо же было в чем-то ходить. Мне было стыдно перед ребятами, что мой отец даже ранен не был. Хорошо хоть, что они его в форме видели, и то ладно.

Отец любил ходить без рубахи и даже без майки. Он был такой красивый и сильный, что я не мог на него насмотреться. Теперь жизнь в нашем доме стала другая.

Я проучился эту зиму в первом классе. Научился уже читать и считать. Знал много наизусть. А когда нас распустили на лето, родители отправили меня к дедушке в деревню.

У мамы незаметно появился большой живот, и она теперь не работала на заводе, а только сидела дома и шила.

Я ехал, дрожа от радости, что увижу бабушку, Погранишного и Машку, а про Марусю я почему-то вдруг забыл.

Я ехал опять в поезде. Меня провожали папка и Генка-трехклинка. Они уехали назад вместе с вокзалом, а я стал вспоминать наш двор и

школу под стук колес. В самом конце занятий у нас умерла от разрыва сердца наша любимая Клавдия Тихоновна. Ей принесли похоронку на сына Сережу. Сережу убили в Германии почти через год после победы пьяные американские солдаты. И Клавдия Тихоновна не вынесла. Она и так пережила ленинградскую блокаду.

— И Сережа, — как сказала моя мама, — доконал бедненькую.

Мы хоронили ее всей школой — это было настоящее горе, а занятий в этот день и на другой у нас не было.

Во дворе все шло по-старому. Только одно время было очень весело. Приехал сенигинский дядя Миша из Маньчжурии. Дядя Миша, как говорили все во дворе, привез целый вагон трофеев. Вся квартира их была завалена японскими бурками, японскими ящиками с вермишелью, с чем-то еще, еще и еще. У них все время гуляли фронтовики и друзья дяди Миши. Гуляли и пели песни по ночам. Я сам держал в руках японскую саблю, только она была очень уж тяжелая. Я сам видел прозрачные шелка и всякие картинки и статуэтки, пока мама не запретила мне к ним ходить. Она сказала:

— Совесть люди на фронте потеряли. Грязными сделались.

Но я потихоньку ходил к Сенигиным, пока мы с ребятами чуть не сожгли весь дом японскими спичками. Мы решили сделать настоящий военный взрыв. Насыпали в железную бочку очень много японских спичек и закопали бочку за кладовками. Потом Сашка Шипицын все это поджег, взрыв получился слабый — никого не задело, только сараи начали гореть. Даже приехали пожарники, успели вовремя, все уцелело. Кроме одной стенки сарая.

Отец после работы сказал мне:

— Каждый человек получает ровно столько, сколько он заработает. Тебе сколько горячих ремнем? Десять или восемь? — и улыбнулся.

Я тоже улыбнулся, боязливо думая, что он, может, шутит, и выбрал, конечно, восемь. Отец, все так же улыбаясь, снял с меня штаны, зажал голову меж своих железных колен. И отмерил ровно столько, сколько я заработал. Я орал не от боли, а больше от его спокойствия. Но долго потом злиться на него не мог, потому что он любил меня так же сильно, как и я его. Потом папка остался в Иркутске, и мне стало очень жалко.

* * *

Дедушка меня встретил прямо у высоких ступенек вагона. Он был все в тех же ватных штанах, все в той же старенькой шапке. И щетина на его щеках колосась все так же.

Дед быстро провел меня через деревянный вокзал к выходу. Когда мы вышли на улицу, дед крикнул весело:

— Узнаешь? Кто это?

— Неужели наш Погранишный?

— Он самый! Самый настоящий кавалерист!

Теперь это был сытый высокий коняга с блестящими глазами и хорошей гнедой шерстью. Погранишный узнал дедку, дал голос и замотал

головой вниз-вверх. Как только мы уселись в тележку, он без понукания широко зашагал по дороге через город, в нашу деревню Булай.

— Вот так и живем, — улыбнулся дедка. — Все живы-здоровы, и Погранишный, вишь, поправился.

Дедка пел свои долгие песни, а жаворонки еще не прилетели, и дорога была — одна грязь со снегом.

— Дедка, давай рысью?

— Нет, внучек, рысью не можем, мы контуженные. А куда нам бежать-то? От каких грехов? — И он снова улыбнулся, думая о чем-то.

— Дедка, а я стал большой уже?

— Стал больше.

— А какие люди добрые мне скажут, что я стал большой?

— Которые всяку тварь жалеют и человека жалеют одинаково.

Я стал думать, кто у нас во дворе кого жалеет, да так и не придумал. Потом незаметно стал мечтать про зверей, про добрых людей, которые зверей не бьют, и зверей, которые людей не терзают...

Так и приехали.

— Вишь, как скоро, — показал дедка на Булай. — Тише едешь — скоро до дому приедешь. Околел?

Сам-то дедка не замерз. Он спрыгивал с тележки всякий раз, как появлялась горка, чтоб легче было Погранишному. Я сходил только два раза, потому что Погранишный вдруг падал на задние ноги и никак не мог встать. У Погранишного были испуганные глаза. Тогда дедка успокаивал коня, распрягал из оглобель. Погранишный оставался сидеть в грязи, как собака, и мне было даже смешно, но дедка шикнул на меня:

— Ишь ты, греховодник, разве можно смеяться над больным фронтовиком?

И мы вместе с дедкой помогали Погранишному встать.

Так же было и второй раз, уже перед Булаем. Только теперь я уже не смеялся над конем.

Я прожил опять несколько дней у дедки, пока несчастье не заставило меня вернуться в наш двор, к нашим ребятам, к отцу и маме.

В пасмурный день, в самом начале мая, пропала наша Мария. Ее искали всей деревней по лесам, в соседних селах, но не могли найти. Дедушка стал весь черный и не брился. Бабушка выплакала все что могла. Пока из Иркутской психбольницы не пришла телеграмма, что такая-то доставлена в клинику, а взята она в Заларях.

— Залари, — сказал дедка, — отсюда верст сто. Ах ты горяшко наше, горяшко! Пойду я, старуха, пойду. Не погоним Погранишного. Пойду на станцию пешком.

Бабушка наскоро собрала гостинец Марусе, и дедка бегом-бегом ушел из деревни.

Назавтра в деревне все гуляли День Победы. Соседская тетя Катя попросила Погранишного — съездить в Бельск к родным. Бабка всем всегда отдавала, если что просят. Тут засомневалась, но тетя Катя заверила, что к вечеру конь будет дома и все будет ладно.

К вечеру конь привез пьяных братьев тети Кати. Братья надели все ордена и медали. Они были так веселы, что решили во весь дух прогнать по Булаю. Когда они проезжали мимо наших ворот второй раз, я выскочил и еле узнал Погранишного.

Он скакал из последних сил, припадая на задние ноги. Один из братьев стоял в коляске во весь рост и бил его тяжелой палкой.

Я закричал и побежал вслед. Но тут Погранишный упал, потом сел, как собака, и снова упал. Когда я подбегал, то слышал, как один из братьев, у которого было поменьше медалей, бил Погранишного по голове и кричал:

— Вперед, зараза!.. На линию огня, псина!

Потом вытащил из заднего кармана наган и выстрелил. Я уже стоял рядом и видел фонтанчик крови из уха Погранишного. А мужики пнули по разу вздрагивающего коня и пошли дальше с лихой военной песней по деревне.

Приехал дедушка, и ему сказали.

Тетя Катя извинялась жалостливым голосом за братьев:

— Фронтовики они ведь. Наубивались там людей... А скотинку им по пьянке убить... тьфу! Вы уж не сердчайте, дедушка...

Но дедушка не дослушал, хотя тетя Катя кричала ему вслед:

— Шкуру-то заберите, шкуру-то!

Дедка отмахнулся, побежал к огороду, а я с другой стороны прясла стал смотреть. Дедка стоял у прясла и приговаривал: «Будь ты проклята, будь... Эта война, эта стрельба, стрельба... ба». Он стоял с открытым ртом, по щетинистым худым щекам катилась слеза за слезою. Я еще раз посмотрел на дедкин открытый рот, и мне стало очень страшно, так страшно, что я заплакал и уже не мог подсматривать за дедкой.

Светлана ТРЕМАСОВА

КАК ДЕЙСТВУЕТ БОГ

Р а с с к а з

Интересно, когда кто-то выкладывает в интернет фотографию своего кота и делает надпись — например, «Нализался» или «Моя толерантность безгранична...», ну или другую какую-нибудь фразу, которую будто бы произносит эта застывшая на фото мордашка, — он же понимает, что кот так не думает и его морда выражает что-то совсем другое? Но многим кажется, что это ерунда. Хозяину нравится, друзья умиляются, а через пару дней все об этом забудут... А вот о чем думал кот в тот момент, мы все равно не узнаем никогда.

Практически у всех нас есть привычка не вникать, не слушать и не понимать, а думать, как нам хочется, — за кота, за соседа, который не так взглянул, некоторые и за жену, мужа, и за своих детей придумывают, и даже за самих себя сочиняют то, чего на самом деле не чувствуют. А потом удивляются, что все совсем иначе. Но мы всегда сложнее и интереснее, чем то, что приходит нам в голову.

Однажды я попала на работу к бандитам. Слушать их мне было страшно, а думать мне за них было нечего. Потому что если бы я стала за них что-то придумывать, то по большей части плохое, и от этого мне было бы еще хуже, я бы испугалась, осталась бы без работы или дергалась бы там каждую минуту, начала бы строить оборону, нож бы держала где-нибудь под рукой, термос с горячим чаем, чтобы, если что, выплеснуть... Или совсем свихнулась бы с перепугу, начала бы подпиливать решетку на окне и тряслась бы зайцем в клетке. Но вовремя опомнилась. Вернее, поняла, что чутье у них волчье: будешь бояться — будут пугать, будет нож — будет провокация. Мол, что, решила свои силенки попробовать? Ну давай, давай... Хочешь рискнуть с ножом на человека? И тут блеснет лукаво волчий глаз: так, может, мы с тобой одной крови? Братаемся? Подписываешься?

А я и вправду была как в клетке: вход, поворот налево, там справа за углом узкий коридор, а в самом его конце — дверь в мою комнату.

То есть не миновать моих хищников ни при входе, ни при выходе. Никак. Первый этаж, конечно, радует, но на окне решетка. Да такая, что фрамуга открывается только сантиметров на пять, остальное вообще открыть невозможно.

Самая крепкая дружба у меня тогда была с утюгом. Утюг — не знаю, каких времен, — был старше и, как я себе придумала, мудрее всех паханов. Тяжелый, почти как чугунный, но электрический. Швейная машинка, на которой я шила, была пушинкой в сравнении с ним. И нагревался он долго, поэтому для работы приходилось постоянно поддерживать его в более-менее теплом состоянии. Даже если однажды он перестал бы работать от электричества, его можно было бы нагревать на плите, но и в этом случае он не потерял бы своего величия — казалось, гладить одежду было его дополнительной функцией. Конечно, вряд ли я смогла бы им кого-нибудь ударить — он был слишком тяжелым, но я твердо верила: если вцепиться в него при опасности, это уже поможет, как будто ты зацепился за якорь, и тебя уже не унесет. Даже если я просто схвачу его и прижму к себе — вместе мы точно справимся, даже если будет невозможно предпринять какие-либо действия. Его присутствие согревало меня: мне казалось, что у меня есть защита, тайный покровитель — видимый всем, но и невидимый одновременно. А в промозглые, холодные дни в преддверии отопительного сезона он отогревал мои замерзшие руки.

Когда-то давно мама научила меня шить, укорачивать брюки и мять молнии, но швейную машину Janome я увидела впервые, когда пришла сюда устраиваться на работу. В тот день швеей в это ателье по ремонту одежды пришла устраиваться еще одна молодая мама. Она отсидела дома декретный отпуск, но на швейную фабрику, где работала раньше, возвращаться не захотела. Оглядевшись в помещении, где мы оказались, она, подумав, решила, что работать здесь не хочет. Я обрадовалась и спросила, знает ли она, как общаться с этим японским чудом и еще с оверлоком, с которым я вообще ни разу в жизни не сталкивалась. С машиной все оказалось просто — я сразу поняла, что и как, а к оверлоку мы нашли инструкцию, и я успокоилась, что разберусь. Потом моя мимолетная подруга ушла, и я осталась одна. Мне очень нужна была работа.

Взяли меня, можно сказать, не глядя. Пришла директор, по совместительству бухгалтер и кадровик, спросила, согласна ли я работать с девяти утра до шести вечера за тридцать процентов от выручки, показала прейскурант на ремонт и пошив одежды и сказала, что завтра с утра я могу выходить.

В первый день я, конечно, осваивала оверлок. Училась по инструкции его заправлять и регулировать. Под большим раскройным столом я нашла короб с обрезками ткани, в основном черной.

То, что утюг — единственное одухотворенное существо среди всех находящихся здесь вещей, я поняла еще и по интонации хозяина ателье (буду называть его Седой). Через день после начала моей работы он пришел ко мне знакомиться и представил утюг отдельно. Вернее, спросил, как мне нравится этот утюг. Я сказала, что он очень хороший. Седой

улыбнулся, глаза его засияли, и он рассказал, что нашел уют на каком-то заброшенном складе и сразу понял: это настоящая вещь. Я была с этим согласна. У меня дома стояла ножная машина «Зингер» на чугунной станине, и на ней, в отличие от Janome, можно было прошить все — от тончайшего шелка до овечьего полушубка.

Еще дома у меня был сын, который ходил в детский сад. Как матери-одиночке мне выплачивали пособие от государства — сто двадцать рублей в месяц. Это в те годы была цена одного килограмма мяса.

На эту работу меня направили из центра занятости населения. Там не хотели ставить меня на учет и выплачивать пособие, потому что на стенде было несколько вакансий: укладчик асфальта, монтажник, слесарь, крановщик, уборщица и швея. Во дворах, как новое, еще непонятное знамя, колыхалось первое десятилетие двадцать первого века. Мужчины у входа ругались, что женщины отнимают у них работу и сбивают им все расценки, потому что идут дробить асфальт, а женский труд в то время оплачивался ниже. «А почему женщины идут дробить асфальт?» — спросила я у них, и они замолчали и пошли курить в слякотное, хмурое начало зимы. Я выписала все адреса, где нужны были уборщицы и швеи... Вечером, перед сном, я долго смотрела на названия этих учреждений и пыталась просчитать свои шансы на спасение от отбойного молотка.

Название этого ателье мне в ту ночь приснилось.

Мне очень нужна была работа, а когда нам что-то очень нужно, мы часто не замечаем, да и не хотим замечать то, что нас окружает. Мы раскрашиваем мир в свои краски, придумываем за него хорошие мысли, даже если он откровенно давит нас своей серой, воющей безысходностью. И сначала я будто бы не заметила ту печальную бесприютность. В этих людях она как воздух, как аура, которая наполняет их и пространство вокруг них. Как будто всегда есть царапина, сквозь которую все утекает. Как будто почва всегда сыпется под их ногами или уползает из-под ног. Они знают, что ввязались в такую игру, в которой нет и не будет ничего спокойного и стабильного. У них нет места, чтобы отдохнуть, нет человека, которому можно верить.

Я стала чувствовать все это ярче, когда держала в руках их одежду. Чаще это были спортивные костюмы, а в холода еще и куртки, в которых они где-то ходили по делам, бежали, прятались, дрались, выпрыгивали на ходу из машин или вагонов... а потом вспоминали об этом, крутя четки юркими пальцами. Они рассказывали мне об этом, пока я разглаживала рваные края и сшивала их на заплатку. Не о том, где и что они делали, а как ловко у них получилось увернуться, выпрыгнуть и еще что-то там успеть и какие они смелые парни. Рассказывали с приятным осознанием того, что царапины, фингалы, шишки и тем более сломанные носы и руки, которые я вижу, основательно подкрепляют их слова, и считали себя в этот момент героями.

Одежда их тоже часто рвалась не по швам, и, штопая эти дыры, я думала о том, как схватили и дернули ее, чтобы вот так порвать, — за грудки, за полу или за рукав, — и чувствовала запах погони: запах ветра,

запах колес... и страха, который, повышая градус адреналина, перерастает в пьянящий восторг хищного азарта. Его искры блестили в глазах этих людей. Описывая свои приключения, они говорили о том, как влечет, поглощает их и как нравится им гореть в завораживающем огне этой страсти.

Одежда у них практически всегда была черная. Все оттенки черного. И качественная, не дешевая.

Но я старалась не слушать их слов и ни о чем не спрашивала. Я не хотела впускать их в свое сердце. Они приходили сами. Даже директор — высокая молодая женщина с идеальным овалом лица, которая хозяйничала там, как надзиратель, — однажды зашла, разозленная на «этих идиотов», схватила со стола длинную клетчатую юбку, которую я дошивала, и стала прикладывать к себе возле зеркала со словами: «Ты хоть знаешь, с кем ты работаешь?» Я промолчала. И она произнесла название самой жестокой преступной группировки, которая в девяностые годы приводила в панический ужас всех жителей нашего города. Они занимались рэкетом, грабежами и убийствами. Все истории про самые жуткие смерти и издевательства и самые громкие разборки между «стаями» были о них. И сейчас я работала с теми из них, кто выжил после тех разборок и «чистки» правоохранительными органами.

Я сказала, что к ее черной кожаной косухе и высоким сапогам очень подойдет красная плиссированная юбка в клетку длиной ниже колена. Она покрутила юбку и сказала: «Нет, я хочу носить форму». Она училась заочно на юриста и по окончании вуза хотела пойти работать в милицию. «Вот они где тогда все будут у меня, эти голубчики!» — крепко сжала она свой сухой кулачок.

Однажды здесь появился Валера. Он стал ночевать в большой комнате, в которой размещался магазин. Она находилась сразу направо от входа. Там на стеллажах лежали рулоны рабочих тканей: брезент, саржа, суровая бязь и другие, из которых где-то в тюрьме заключенные шили спецодежду. Образцы висели здесь же, на напольной стойке: халаты, комбинезоны, фартуки, рукавицы... Ткань и одежду в магазине можно было купить или заказать.

Каждое утро Валера отрывал кусок от белого вафельного полотна и умывался в подсобном помещении, а вечером перед сном выбрасывал свое полотенце в урну. А если до вечера терял его где-то в комнатах, то отрывал новое. Теперь по утрам, когда я приходила на работу, в коридоре пахло свежей водой из крана и зубной пастой.

Валера никуда не выходил, он прятался. В воздухе мелькали фразы о том, что его все равно посадят.

Валера был дурной. Примерно через неделю после своего поселения он стал навещать меня, пока я работала, ходил за мной и без конца о чем-то рассказывал. Сначала о том, как они крышуют рынки, как собирают деньги и берут все, что захотят, — любую еду и одежду, но я его не слушала. Тогда он начал говорить о шикарных домах, где можно жить и ни в чем себе не отказывать... Мне было все равно. Потом стал звать

меня с собой, говорил, что у него есть большой дом и много денег, потому что он как раз недавно провернул одно серьезное дело. Я ответила, что мне не нужно. Через несколько дней он иссяк и стал просить меня сшить ему лепень. Я не знала, что такое лепень. Валера крутился, объяснял, наконец я поняла, что он хочет костюм — штаны и куртку из льняной ткани. Просил снять с него мерки. Я сказала: «Принеси ткань, потом разберемся». Ткани у него, конечно, не было, и на следующий день он принялся мне угрожать. Стал говорить про дачи, куда они возят каких-то девиц, и что меня тоже могут вот так увезти, а там закатать в асфальт, и никто никогда не найдет. Меня начинало трясти. А он стал показывать мне свою бейсболку, которую ему якобы надо зашить или ушить... Я чувствовала, как меня пробивает мелкая предательская дрожь. Скопившиеся эмоции, которые я долго сдерживала как могла, все-таки прорывались, хотя я все еще изо всех сил пыталась их подавить. И чтобы не показать этого, я дрожащими руками выхватила бейсболку из рук Валеры, швырнула ее за дверь и процедила: «Иди отсюда». Он вышел, а я быстро захлопнула дверь и вцепилась в утюг.

Дверь не запиралась, и я знала, что на тот момент мы с Валерой были одни. Я уже готова была заплакать, сказать, что я маленькая и несчастная, что я всего боюсь — и отстаньте все уже от меня, я устала и не знаю, как жить и куда от этого всего бежать... Но мне надо было выдерживать и хотя бы не заплакать, любыми средствами сделать вид, что мне все равно и, главное, что мне не страшно... Я уже поняла: этим людям нельзя показывать, что ты боишься или не знаешь, что делать, что ты подвержен влиянию и тебя легко сдвинуть с точки опоры. Я должна быть как утюг: молча делать свое дело и не бояться. Ведь утюг — не фраер, его невозможно обмануть.

Вскоре я услышала, как пришел Седой, и Валера, встретив его в коридоре, стал канючить, что ему надо то и надо это, что его и так здесь торчать достало... Седой ответил, что тот сам виноват, нечего было светиться, и они закрыли за собой дверь магазина...

Так вот она, эта щель, сквозь которую все утекает. Это жалость к себе. Расплачься я, и все, что я до этого делала, с этими слезами утечет моментально и необратимо. Валера довольно улыбнется: ну вот, и тебя зашкаливает так же, как и всех нас. Ведь это жалость к себе заставляет его желать того, чего у него нет: власти, денег и всего, что только можно иметь. От жалости к себе мы потакаем своим слабостям, оправдываем свои самые страшные поступки или впадаем в депрессию. Жалость к себе — это маленькое зарешеченное окно, сквозь которое утекают все наши силы, все наше время и то, что могло бы нам пригодиться, чтобы сделать свою жизнь лучше и ценить то, что есть. Только Бог не жалеет себя, Он знает, что живет вечно.

Вечером, когда я уходила домой, Седой вышел вместе со мной и спросил, сильно ли достал меня Валера.

— Может, его наказать?

Конечно, он знал, что Валера давно меня достает...

— Ладно, пусть живет... — пошутила я.

— Пусть живет... — усмехнулся в ответ Седой, и иглой прошла возле моего сердца его теплая и печальная улыбка.

Я спешила домой в тот обычный темнеющий зимний день, вдоль зданий, расставленных как домино — то стоя, то набок, по дворам с желтым фонарным светом, пролитым то тут, то там, и впервые осознавала, как много за этой фразой стоит реальных людей и их покалеченных жизней. «Пусть живет...» Как же нам хочется быть повелителями, пусть даже мух, и, взяв в руки тапок, сперва долго гонять жертву, пока у нее не иссякнут силы, потом лупить ее по морде и почкам, довести до кровавых слез, а после благосклонно и царственно отмахнуться: а, ладно, лети уж... и победно хмыкнуть друзьям: «Пусть живет!» — проявляя «божественную» снисходительность. И я с ужасом поняла, что уже становлюсь «своей», начинаю говорить на их языке, понимаю больше, чем хотела понимать, знаю больше, чем хотела знать, и делаю то, что не хотела делать, — выпускаю их в свое сердце.

Заказы у меня шли очень плавно и практически не скапливались. Но их было мало для того, чтобы у меня получалась хотя бы минимальная зарплата: цены были невысокие, а мне, как и договаривались, доставалось только тридцать процентов от стоимости заказа. Отбойный молоток оплачивался гораздо лучше, но мне пришлось бы брать напарника, чтобы удерживать инструмент в руках... В основном я чинила вещи для своих, из стаи, и для жителей окрестных домов. Но в этот омут человеку с улицы, как мне казалось, надо было еще решиться зайти. Частенько какой-нибудь посетитель, добравшись до моей комнаты, испуганно спрашивал: «А что это у вас там происходит?» — когда из-за закрытой двери магазина слышались пьяные голоса. «Совещание», — отвечала я. Они так делали, когда им вздумается: вешали табличку «Закрывается», прикрывали дверь — обычно она была нараспашку, — пили и что-то обсуждали.

Однажды ко мне сюда зашел мой знакомый поэт. Он жил рядом. Его балкон на девятом этаже я могла видеть в свое мутное зарешеченное окно — серый, неуютный, испачканный голубиным пометом, как будто не жилой. Поэт иногда выходил на него покурить, когда писал в газету очередную статью, но я ни разу этого не видела. В основном он ходил в гости к друзьям и в магазин за водкой, а по дороге сочинял стихи. Ко мне он иногда тоже заглядывал. Домой. Сидел у меня на кухне, весь в черном и сером, с бледным, худым похмельным лицом. Узкий и длинный, как старая деревянная кукла-арлекин на шарнирах, лицо которой поблекло от времени, а цветной наряд истлел, и пришлось сшить одежду из печальных остатков, что были в коробке. Но порой глаза лукаво поблескивали, когда каждый свой ход по жизни и ее ответный ход он комментировал саркастической шуткой, и тогда, казалось, иронично позвякивали где-то рядом бубенчики от потерянного колпака. Он играл в шахматы — с собой, с этим миром, с друзьями и иногда с моим сыном, а мне он читал свои стихи, и тогда большая черная слеза подкатывала к узкому горлу Пьеро

и застревала в нем красиво и безнадежно. Тогда он быстро вскакивал и отправлялся в магазин.

Сюда, в ателье, он зашел тогда в первый раз. Постоял посередине моей кельи, вытянувшись, как поднятый шлагбаум, огляделся: широкий раскройный стол в правом углу, рядом промышленный четырехниточный оверлок, дальше — зеркало и занавески примерочной. Напротив, у другой стены, обычный стол с машинкой Janome и гладильная доска с утюгом. Впереди — серое окно с решеткой, а под ногами голый обшарпанный линолеум с истертыми коричневыми квадратами «под паркет». Вокруг — бледные стены.

— Не нравится мне здесь, — сказал поэт.

— Почему?

— Не знаю.

— Зато посмотри, какой у меня утюг!

— Беги-ка ты отсюда... — ответил он, не глядя на утюг, и заторопился.

Бежать? Боже, как же хотелось бежать! Спрятаться где-нибудь, в каком-нибудь волшебном уголке земли, и хотя бы раз тихо, спокойно уснуть, не думая о том, что будет завтра. Но куда мне было бежать? В самые тяжелые моменты, когда усталость доводила до отчаяния и от тревожных мыслей было невозможно уснуть, в сером мороке полудремы, словно ответ на эту надрывную безнадегу, сверху кто-то незримый, большой и сильный протягивал мне свою руку. Крепкую и надежную. Я видела ее настолько осязаемо, что казалось: стоит только протянуть в ответ свою — и все наконец уляжется, успокоится, решится. Я даже не сомневалась, что меня тут же утянет куда-то вверх и унесет туда, о чем я и мечтаю, но каждый раз я останавливала себя, думая, что вот так, одна, я уйти не могу. И успокаивала себя надеждой, что если уж она есть, эта рука, готовая протянуть мне помощь, то, может быть, она поможет мне, пока я здесь, в этом городе, со своим сыном, бандитами, арлекином и другими странными декорациями этого мира. И мечтая о том, что наутро, когда я проснусь, будет все по-другому, я засыпала.

Но наутро ничего не менялось. Мы просыпались в темноте, тяжело и неохотно выбираясь из теплых постелей. Ели разогретую вчерашнюю кашу и шли в детский сад по черно-белой слякотной зиме, по улице с серыми одинаковыми домами. Потом я шла на работу — быстро, глядя, как под коротким полушубком шагают мои ноги в узких джинсах и черных высоких сапогах. Сапоги мне нравились. Из прочной поблескивающей кожи, с небольшим, в пару сантиметров, широким каблуком. Их мне отдала женщина из соседнего двора. Она уезжала из этого города и раздавала вещи. Столкнулась я с ней совершенно случайно, по пути из магазина. Она просто подошла и спросила, не нужен ли мне натуральный полушубок. Я тогда мерзла в старом пальто из плащовки, подбитом коротким искусственным мехом. Полушубок оказался пятидесятого размера с рукавом реглан и, по-хорошему, должен был заканчиваться где-то на середине бедра, но на мне он повис вытянутым вниз пузырем и прикрыл

как раз все что надо, чтобы было тепло. А вот сапоги оказались впо-ру. Полушубок я перешивать не стала, решила, пусть будет у меня стиль такой — повисший на плечах светло-серый мутоновый пузырь и узкие джинсы. В ту зиму мне очень повезло. На себя я шить не успевала, да и купить себе ничего не могла — надо было одевать сына.

Вакансий по моей прямой профессии все не находилось. В Национальном театре, где уже готовились поставить мою фольклорную пьесу, вдруг появился новый директор, который не знал ни языка, ни древних сказаний и песен моего народа, отменил весь национальный репертуар и начал ставить русскую классику. Ни в вуз, ни в издательство устроиться так и не удалось.

Каждый вечер, подходя к своему дому, на балконе второго этажа я видела постиранные ползунки и пеленки, белеющие в темноте на фоне черных окон, — той зимой у семьи с двумя маленькими детьми за неуплату отключили свет. И становилось страшно. При взгляде на ползунки, трепещущие на ветру, казалось, что в них, как в inferнальную белую дыру, утекают остатки надежды на лучшее и вокруг только вечная ночь.

Курсы закройщиков, на которые я записалась в центре занятости населения, откладывали снова и снова. Как мне каждый раз объясняли по телефону, из-за нехватки желающих они никак не могли собрать минимальное количество человек для создания группы. Единственное, что мне иногда еще перепадало, это лоскуты ткани — остававшиеся после шитья излишки от отрезков, которые заказчики не забирали. Отдельно их ни на что не хватало, но можно было комбинировать друг с другом или добавлять и перешивать старые вещи. Однажды мне принесли и оставили целый плащ, еще очень крепкий и очень большого размера, — отдали на заплатки. Это тоже была удача, я сшила из него для сына отличный комбинезон, пустив на подкладку старые фланелевые пеленки. В общем, я, как могла, училась кроить и жить.

Потом я увидела, что в нашем магазине среди грубой саржи и брезента появилась белая фланель. Я сказала Седому, что могла бы шить пеленки, распашонки и женские халаты, вывешивать их у себя в комнате и продавать, только фланель еще нужна цветная. Он согласился, привез цветную фланель. Халаты я делала с запахом — по нашей старой семейной выкройке, по которой всегда шила мама, а потом я. Конечно, ради экономии материала широкий шалевый воротник пришлось убрать. И халаты стали понемногу продаваться, появлялись заказы на другие размеры.

...В тот день я налила себе чая, встала у окна и долго смотрела на серый неприятный балкон девятого этажа. Мой друг поэт давно звал меня в гости поесть суп. Говорил, что суп он готовит лучше всего, очень вкусно. И вот я стояла и думала, что надо бы позвонить и сходить, и попробовать наконец этот суп, и почитать друг другу новые стихи. Я никогда не была у него в гостях и теперь пыталась представить, как в хаосе, среди бумаг и пыльных книжных полок, мы поедаем суп и спорим о Максе Фрише или читаем вслух рассказы Вампилова... и вдруг увидела на стене

паука. Бегущий паук, я слышала, к новостям, но этот не бежал. И я стала ждать, куда же он направится, вверх или вниз. Я долго смотрела на него, но он не двигался, упрямо сохраняя интригу. Тут в коридоре послышались шаги, и в комнату вошла женщина. Мы были примерно одного возраста. Она принесла дубленку, которая пузырилась на спине, и этот пузырь надо было убрать. Сшита дубленка была частями внахлест, и по логике нужно было просто распороть швы, срезать лишнее и соединить снова. Но я никогда не шила дубленки и начала ссылаться на то, что моя японская подруга не сможет прострочить вещь такой толщины. И отказалась. Но заказчица так долго настаивала, просила, уговаривала, что я наконец дубленку взяла, вспомнив про свою старушку «Зингер», которая умеет все. Когда женщина ушла, паук на стене уже не было.

В тот день я ушла с работы пораньше. Дубленка заняла все мои мысли. Я чувствовала тот раж, который, наверное, чувствует настоящий вор, залезая в чужой карман, то самое несомненное «дзынь», которое повисает в воздухе над твоей головой, отменяет все мысли и длится ровно столько, пока ты не сделаешь дело, зная, что ты его сделаешь четко, потому что это тебе очень-очень нужно. Меня принесло домой волной бездумного вдохновения, и я взялась за работу, не переодеваясь, не глотнув даже чая, чтобы не снять, не смыть, не потерять этого настроения, подстрекаемая еще и тем, что у меня есть максимум два часа до края времени, когда надо будет бежать в детсад за сыном... Потому что если остановишься, то точно испугаешься и уже не сможешь сделать задуманное, а за дубленку цена в несколько раз выше, чем за какие-то укороченные штаны... И вот именно в этот час мой друг арлекин спрыгнул с того самого серого неуютного балкона, испачканного голубиным пометом.

Я плакала, будто вдруг перехватило дыхание, будто нечем стало дышать: захлебываясь, хватая воздух и не принимая его. Не раз в последнее время я думала об этом — что вот есть такой выход. Что он всегда есть. Меня эта мысль даже успокаивала. И в глубоком отчаянии думаешь, что да, он есть, но, может быть, еще немножко можно потерпеть, посмотреть еще чуть-чуть, а вдруг вот уже завтра все как-нибудь перевернется, встанет наконец на ноги, сделается лучше, удобнее, легче, добрее, уютнее, спокойнее — так, как должно бы и быть в этой жизни, иначе зачем же она? И выползаешь потихоньку, как ни странно, потому что есть тыл. Да, вот такой тыл — возможность самостоятельно уйти из жизни... Когда уже другого нет. А он это сделал. Ушел.

Я тогда жила как на войне. Была той лягушкой, скребущей лапками, чтобы выжить. А он дрейфовал на тонущем корабле в ожидании окончательного погружения. Он даже написал стихи о том, как тонет, сигарету покуривая. А я ему ответила тоже стихами, что уже утонула, достигла дна, но пытаюсь барахтаться, чтобы снова всплыть. Его надо было снять с корабля на твердую землю, обогреть, напоить теплым молоком с пряником, а мне нужно было, чтобы рядом со мной кто-то тоже начал барахтаться: делать все сообща, быть во всем заодно и прикрывать друг друга, чтобы выплыть вместе. Наши жизни совпали на какой-то короткий период,

когда он погружался, а я всеми силами пыталась всплыть. Но он барахтаться не стал, сказал: «Ну значит, так надо». Только кому надо? Лишь тем, кто убеждает тебя в этом. Общество, которое раньше ценило поэтов, теперь обесценило их, а вместе с ними себя, а ты, умный, талантливый, повелся на это? Когда человек начинает слишком верить другим, он теряет себя. Если бы я тогда сказала себе, что так и надо жить, как я живу, я бы... не знаю, что бы я сделала, но точно бы не захотела жить. Потому что мне так жить не надо. Эту фразу — «ну значит, так надо» — обычно говорят те, кому все равно, что с тобой будет, и прорастает она ровно в том месте, где нужно сказать «ты сможешь»: у тебя получится, ты построишь, напишешь, узнаешь, увидишь, найдешь, воплотишь и обязательно всплывешь! Надо выпалывать в своей голове сорняки, которые не дают тебе расти.

На следующий день ко мне в ателье пришел милиционер. Он хотел, чтобы я пришила на рукава его зимней куртки лампасы. Не знаю, зачем они ему понадобились. На мой вопрос он ответил, что якобы шов на рукаве протирается и его надо закрыть. Похоже все-таки, что для красоты, ведь ткань у спецодежды очень прочная. Возможно, подобные нашивки он увидел где-то в новостях на куртке у президента. Я подумала так, потому что милиционер был действительно похож на своего кумира и сиял всякий раз, когда видел свое отражение в зеркале. Он явно делал все, чтобы это сходство увеличить: прическа, походка, улыбка. Говорил он со мной почему-то уверенно-назидательным тоном, как взрослый с ребенком, а отвечал на вопросы очень туманно.

Тесьмы для лампасов у меня, конечно, не было, и я показала ему всё, что есть в ателье. Он выбрал широкую неклеевую ленту для подшивки низа брюк и сказал, что она вполне подойдет. Мы нашли ленту под цвет куртки, и я принялась шить, а он — ждать.

Конечно, я уже знала, что арлекин намеренно, выпив водки и написав прощальную записку, шагнул в иное пространство, слился, утек в сияющую белую дыру надежды, куда утекает из этого мира все хорошее. Ведь когда умирают тираны, все свои злые дела они оставляют здесь, а когда умирают поэты, лучшие стихи они забирают с собой. Но когда ты узнаешь, что с этой планеты одним отчаянным шагом свалился твой друг, ты какое-то время не можешь поверить в случившееся. И я стала расспрашивать милиционера, слышал ли он об этом. Он ответил, что даже видел, потому что сам приезжал на вызов. Но ничего больше сказать не хотел или не мог — скорее потому, что и не знал. А я знала больше, чем он. Я сказала ему, что погибший был одним из лучших поэтов нашей республики, что ему приходилось работать в местной газете за гроши да еще и ухаживать за больным отцом и что талант его в нашем городе признавали и в Союзе писателей, и даже в министерстве культуры, но ни разу не издали даже самой маленькой его книги. «Ну надо было работу лучше найти...» Работу получше? И я сказала, что я тоже не швея и выбор с моим высшим гуманитарным образованием у меня здесь невелик: или уборщица, или идти класть асфальт. Представьте, говорю я, если вдруг

завтра наш президент подпишет постановление о том, что во все органы охраны общественного порядка будут принимать только хороших поэтов, вы сможете тогда написать хорошие стихи? Настоящие, как Высоцкий хотя бы? Или мы должны осудить и пересажать в тюрьмы всех птиц за то, что они не плетут, к примеру, паутину и не ловят мух, а бесполезно поют свои песни и отказываются при этом идти дробить асфальт? Почему кто-то всегда придумывает за людей, что им надо, как будто люди сами не в состоянии это понять?

Тут глаза у милиционера забегали, видно стало, что разговор ему не нравится и не то что говорить, а и знать обо всем этом ему не хочется, потому что жить по уставу, то есть подчинять и подчиняться, не задавая лишних вопросов, для него гораздо лучше, легче и приятнее, чем писать хорошие стихи. И он, делая вид, что всего этого как бы и не слышал, засобирался, стал меня поторапливать и вскоре ушел.

Что я могу в этом мире, где надежные места имеют только надзиратели и бандиты? При чем эта связка самодостаточна и бесконечна, как лента Мёбиуса...

И да, дубленка — дзынь! — села идеально. Заказчица была рада, даже расчувствовалась и рассказала, что она тоже швея, что дома у нее лежит много грамот, что она имеет все самые высшие квалификации...

— Так почему же?.. — Мне казалось, что я провалилась в преисподнюю, где черти развлекаются, заставляя каждого делать то, чего тот никогда не делал, не мог, не умел и не хотел. — Почему тогда вы сами не ушили эту дубленку?

— Я испугалась, — сказала она. — Я так давно ничего не шила, потому что теперь я работаю на стройке, я маляр...

Через день я увидела, что Валера вытер руки новыми ползунками, которые я шила помимо основной работы, чтобы заработать себе на хлеб. А он просто, не задумываясь, выбросил мои труды в мусорное ведро, потому что где-то оставил свой кусок полотенца и было лень его искать...

Я уже было пошла к Седому, чтобы высказать свое возмущение, и много лишнего, возможно, наговорила бы тогда сгоряча, но с этими волками я научилась прежде слушать, чем говорить. И в коридоре я остановилась, потому что почувствовала, что тишина висит напряженная. Видимо, перед этим Седой собрался уходить, но Валера остановил его в последнюю минуту, и они так и застыли вполборота друг к другу, глядя в угол между входной дверью и дверью магазина.

Я знаю эту тишину. Это страх перед неизбежным. Он плотный, как будто вокруг тебя все пространство состоит из сети тонких запутанных оголенных проводов и каждое твое движение влечет за собой небольшой, как будто и незаметный разряд тока, но этот разряд бьет в каждую клеточку твоего тела, и тело сжимается, будто хочет исчезнуть. Но оно не может не только исчезнуть, но и сжаться-то не может даже до такого состояния, чтобы посмотрели и сказали: да что с него взять, он и сам скоро сохнет... а это единственное, чего теперь ему хочется, — стать маленьким

и спрятаться в глубине каких-нибудь ползунков, чтобы никто не догадался и не нашел.

Страх шел от Валеры. Он нервно, зажатым движением вытащил из-за косяка над дверью маленькую картонную иконку и стал запихивать ее куда-то поближе к сердцу...

— Что, на себя не надеешься? — сказал Седой, без усмешки, тихо, как будто еле выдавил.

Валера молча проверял, не выпадет ли иконка, и изо всех сил думал о том, что он сделает, если... а может, еще... Много вариантов спасения хочется найти, когда тебя сдавило тисками со всех сторон, и так велико желание воплотить хоть что-то спасительное, что мысли эти как будто начинают толкаться в воздухе и задевать других своими плотными телами.

— Да, все мы смелые, когда идем толпой, а когда по одному — трусливые, как овцы... — продолжал Седой.

— А сам будто не носишь, — прошипел Валера.

Вот теперь Седой усмехнулся:

— Всем нужен вожак. Все мы овцы... даже волки. — И плотно застывшее напряжение покачнулось и слегка поплыло...

Я поняла, что сейчас меня, как эхолотом, прощупает эта качнувшаяся волна и запишет в свидетели, и тихонько вернулась к себе.

Я собрала свои вещи и сказала, что больше здесь работать не буду.

Седой не хотел меня отпускать. Он сказал, что может расширить производство, купить целый швейный цех, если я соглашусь стать главным технологом. Даже обещал мне приобрести появившийся тогда базовый курс 3D-конструирования одежды. Я знала, что могла бы осилить любой конструктор и взять на себя и цех... Но я не хотела искушать судьбу, потому что доверять в этой стае, как и Седой, я могла только старому утюгу. Я поняла, что не хочу никакой стаи. Любой стаи, отары, стада... сообществ, объединений, конфессий... потому что это все только отрицательные или положительные названия одной сути. Человек должен быть один. Даже если с кем-то, то все равно один. Круговая порука лишает его человеческого лица. Когда человек под прикрытием единоверцев, ему начинает казаться, что он всемогущ. А как можно подтвердить свое величие? Только подчиняя и унижая других или уничтожая их, если они сопротивляются. Но когда ты один, не противостояешь, не осуждаешь, а только молча делаешь свое дело и не боишься, все сразу понимают, что доказывать тебе что-то незачем. Потому что Бог — Он всегда один.

В этой истории меня никто не убил, не обворовал, не унизил. Обманула меня только будущий страж закона. Она принесла мне заказ из детского сада — обшить двадцать пять детских покрывал, а деньги за мою работу взяла себе. Потом я увидела ее в детской поликлинике: она нервно одевала своего мальчика — примерно такого же возраста, как мой, — и рассказывала своей подруге о том, что «муж-скотина» сбежал и не хочет платить алименты... И я больше не стала звонить ей по поводу денег за покрывала, наверное, тогда ей они были нужнее.

Арлекина похоронили в какой-то глухой деревне, родственники увезли его больного отца, квартиру продали, балкон отмыли и застеклили. Ни одно издательство не берется печатать книги мертвого автора: во-первых, потому, что никому не принадлежат авторские права, во-вторых — кто их будет раскручивать, чтобы продать, тем более что продолжения не будет. Друзья скинулись и на свои деньги отпечатали их в типографии по пятьдесят экземпляров, сделали пару камерных вечеров памяти, на которых книги распродали своим знакомым и знакомым знакомых... и дорожка земной жизни арлекина стала тихо зарастать травой, переходящей в густой бурьян. Его стихи, романы и пьесы медленно утекают от нас в белую дыру вечности — туда, где, наверно, умеют ценить красивые души.

Потом, уже много лет спустя, в Москве, я пришла на презентацию книги. Парень сидел в тюрьме одной из южноазиатских стран за то, что ограбил там банк, а после, когда вышел из заключения и вернулся в Россию, написал об этом. Выступал по большей части его соавтор, который, вероятно, и писал книгу со слов этого парня. Сам герой вел себя довольно сдержанно, вокруг него вились кураторы и девушки, чтобы отвлечь людей, желающих с ним пообщаться, или подсказать ему нужное слово — он четырнадцать лет говорил на английском и некоторые русские слова теперь вспоминал с трудом.

От него тянуло знакомым: колесами и ветром, холодным неуютом, бесконечным сквозняком, от которого не убежать даже во сне. Не той оптимистичной веселостью, которой живут путешественники, не восторгом от свободы безграничных просторов и возможностей, не драйвом от взаимодействия с природой и людьми, а тем замкнутым пространством, которое всегда, в любом месте незримо присутствует вокруг этих людей, где болезненно зияет трещина и непрестанно сквозит неутолимая жажда наживы. Эта жажда привлекает новых жаждущих, и они начинают плести свои сети: сделают из преступника притягательного брутала, сотрут слова «татуировщик с зоны» и напишут «художник», замажут «вор» и напишут «писатель», раскрутят книгу, чтобы получить за это как можно больше денег.

Мне едва удалось поймать момент, когда он был не под прикрытием своей группы поддержки. Я задала ему только один вопрос: что толкнуло его на такой риск? Он выдохнул и ответил: «Да что... адреналин зашкаливает...»

Яков МАРКОВИЧ

«СРЕДЬ ПОЛУДЕННЫХ БОЛОТ...»

* * *

Сухо пахнет полынь.
Небеса на замке.
По реке хоть ходи сухопутно.
Вынь из сердца тоску,
Как осколок, иглу,
И скажи сам себе:
«С добрым утром!»

Впереди на пути
Сыплет пылью сухмень
И слепит сиротливые дали.
Ты, любя их, изволь
Заглушить в себе боль,
Если молния в сердце ударит.

* * *

Во взоре и море и горы
Как горе — слепая старушка,
И рушатся волны и скалы,
Что зря путь к светилу искали.

Спасибо, судьба, что не слеп я,
В нелепой земле проживая
У края чудовищной бездны,
Где счастья искать бесполезно,

Где стужа сменяется зноем,
Где зори лишь в думах о хлебе,
Где небо — те бельма старушки.
Под небом — дворцы и лачужки.

* * *

На дорогу в деревню указывал знак —
Как наивен до сих на Руси человек! —
Я свернул на ночлег, стал глазастей идти,
Но в пути и окрест нет и скромного крова,
Словно жизнь протекала здесь с жизнью в разлуке.
При разрухе такой только призраки крыши
Свищут с ветром да в сад под шумок, словно нищий,
Сквозь прогнивший забор возвращается лес.

* * *

Из-под лапника под лапник справив перелет,
Дружелюбная зарянка рядышком поет.

Приседаю, наклоняюсь, вглядываюсь в сутемь —
Вот она, певунья, серая по сути.

Серая, как жизнь моя, серая, хоть тресни,
Серая, как соловей, а не наши песни.

Обнимаю кроху взглядом и — в стихотворенье.
С ней берем мы сердцем, а не опереньем.

Все отличие, что я пламя не кажу на вид,
А на грудке у зарянки огонек горит.

* * *

Комариный хор несносен,
Никакой не знает меры
Средь полуденных болот,
А покинул их — и вот
Меж верхушек ближних сосен
Взгляд совиный у Венеры.
Может, и наоборот.

Вот ни сосен и ни елей —
Ночью все они деревья
В скрипе хриплых дергачей —
Но на этом мир ничей
Входит в область разделенья:
Слева — вон — моя деревня,
Справа — дачи богачей.

Обойду-ка их сторонкой
И тропинкой на опушку
Выйду к росной тишине,
Выйду к звездам и луне,
Льющим, словно сквозь воронку,
Нежность на мою избушку,
Крайнюю на всей земле.

* * *

Ни лето, ни осень. Осин изумруды трепещут,
И хлещут дождейки, без жалости жаля, как осы.
Ни осень, ни лето, а после зима подкрадется,
И льется, и льется, и льется, когда же конец?
Венец всей природы, торчу я в избушке печальный,
Не чаю ведь выпить (другое уж вышло давно).
В окно, как старушка клюкою, стучится калина,
И длинные сумерки ткут паутину тоски...

* * *

В радость встречная сторожка,
Крепкая, на курьих ножках,
А за крохотным окошком
Серебрят над речкой иву
Ливень, дождь и снова ливень.

Схоронился, словно в кокон,
Хорошо так, одиноко,
А за крохотным окошком
Серебрят над речкой иву
Ливень, дождь и снова ливень.

Как созвучно одичанью
Монотонное звучанье.
Под мелодию печали
Серебрят над речкой иву
Ливень, дождь и снова ливень.

Пол сосновый мне диваном,
Дрожь моя мне одеялом
В этой жизни идеальной.
Серебрят над речкой иву
Ливень, дождь и снова ливень.

Это тело — мое тело,
И кому какое дело,
Вот уж год или неделю
Серебрят над речкой иву
Ливень, дождь и снова ливень.

* * *

Одинокая рыба внутри косяка,
Иссякающей жизнью иду я на дно,
И теперь не дано мне мирское вино,
Ведь оно для других, кому жить все равно.

Мне давно не певала морская волна,
Глубина мне ночная была суждена,
Лишь, мальку, мне мелькнула другая страна,
И моя ли вина, что я выжил тогда?

На прощанье скажу, что родная страна
Всех прекраснее в мире для вечного сна.

Александр ОЛЕКСЮК

О ВЕЩАХ И ЛЮДЯХ

Р а с с к а з ы

Яйцеварка

Семен Крыжовников, еще относительно молодой человек с аккуратным, округлым животиком и реденькой эспаньолкой, умоляюще смотрел на жену.

— Лен, ты уверена, что прямо сейчас нужно туда ехать? — страдальчески спросил он, делая брови домиком. — Ночь на дворе.

В ЖК «Медведково» тускло горели фонари, детей с игровой площадки уже загнали по домам, вдоль длинной, напоминающей парус двадцатиэтажки гуляли редкие жильцы с маленькими злыми собачками.

— Акция сегодня заканчивается. Понимаешь? Последний день! — раздраженно сказала Лена — склонная к полноте молодая женщина с острыми, как у гарпии, ногтями и решительным, но немного вздорным характером.

Лена сидела в декрете и днями напролет смотрела ролики о здоровом питании. Когда по вечерам она надевала безразмерную бледно-розовую полупижаму и шла гулять с малышом, то одной рукой катила коляску, а другой держала телефон, хитроумно согнув кисть под прямым углом. Аппарат балансировал на одних ногтях и почему-то не падал. Лена автоматной очередью наговаривала в него емкие, отрывистые истины о диетах, раздельном питании, клетчатке и куриных грудках.

Ее истории разлетались по трем тематическим чатам в вайбере, утробно булькая желудочно-кишечной терминологией и специфическим, нажористым сленгом. Например, углеводы она называла «углем», правильное питание — «пэпэшкой», а всех женщин, которые не придерживаются священных принципов «пэпэшки», — «жирухами».

— Одна девушка сидела на сушке. Высохла, как урюк, а потом у нее упал сахар. Надо было гейнер пить или грудочки добавить, а она, глупая

дура, стала наедаться по ночам и сама не заметила, как превратилась в жируху! — тараторила Лена, внушая страх и трепет подписчицам.

В тот день вместе с мужем, мелким столоначальником из городского департамента озеленения и малых архитектурных форм, Лена задумала поехать в торговый центр «Хризоплав» за яйцеваркой.

— Ленок, мы не успеем. Торговый центр закроется через час, а туда добираться еще минут двадцать минимум, — тонким, как у мышки-норушки, голоском пропищал Семен.

— Успеем! — гаркнула Лена, заталкивая в бежевый «Киа Рио» автомобильную люльку, в которой мирно дремал розовощекий младенец.

Семен Крыжовников сник лицом, со свистом вздохнул и покорно завел машину. Он немного побаивался жену и, когда говорил с ней, с отворачиванием замечал, что его голос непроизвольно становится писклявым и каким-то умоляюще жалким. Впрочем, общались они нечасто.

— А зачем тебе яйцеварка? Яйца же можно сварить в обычной кастрюле, — дружелюбно поинтересовался Семен, поглядывая на супругу в зеркало заднего вида.

— Тебе что, жалко, что ли? Я сама за нее заплачу, из своих денег, — огрызнулась Лена.

Замолчали.

Поздним вечером понедельника город готовился ко сну. Улицы постепенно пустели, пыльные троллейбусы и трамваи без остановок бежали в депо. А Крыжовниковы ехали за яйцеваркой. Почти всю дорогу до торгового центра светофоры мигали желтым, деликатно пропуская семью без очереди.

На подземную парковку, пугающую своей бетонной, давящей тяжестью, заехали в 23:00. До закрытия магазина оставалось полчаса.

Семен заглушил машину, задумчиво причмокнул и полез открывать заднюю дверь, чтобы достать ребенка — первенца Мирошу. Родив, Лена решила не давать сыну грудь, поскольку до ужаса боялась, что та утратит упругость, вытянется, пожухнет и станет походить на уши соседского спаниеля Клементины. В своих «пэпэшных» чатах они так и называли обвисшие груди «жирух» — «ушки спаниеля».

Однако мальчик не голодал — мама щедро кормила его специальными смесями для грудничков. Он не артачился, привык есть за троих, а когда не давали добавки, так яростно визжал, что Лена, спотыкаясь, бежала на кухню замешивать и подогревать очередную порцию порошковой бурды. Так уж повелось у Крыжовниковых, что на плач малыша, неважно, по какому поводу, оперативно выезжала пожарная команда и тушила детские крики калорийной белково-банановой жижицей.

От такой диеты Мироша активно набирал вес и с каждым днем становился все больше и больше похож на плюшевого Винни Пуха. Лена умилялась, сюсюкала, называла сына «мой Винни» и расставляла пустые банки из-под смесей аккуратной пирамидкой на холодильнике. Кстати, холодильник Крыжовниковых был, словно ветрянкой, усеян сотней

разноцветных стикеров с idiotскими мотивирующими цитатами вроде: «Возненавидь хомячка внутри себя».

— Тсс, не буди его, — зашикала Лена. — Здесь оставим. Мы туда и обратно. Десять минут, не больше.

— Вроде ж нельзя оставлять, — робко промямлил Семен, потом словно спохватился, приподнял плечи и, отводя глаза от свиного взгляда жены, мелко закивал, как ароматизатор-собачка на торпеде их бежевого «Киа Рио».

Лена фыркнула и уверенно зашагала к светлому пятну входа в торговый комплекс. Пустая, циклопических размеров парковка отозвалась глухим эхом ее шагов.

Вопреки надежде быстро и без затей купить яйцеварку, супруги задержались минут на сорок. Продавец долго не мог найти нужную модель и предлагал другую, но покупательница упрямылась. «У вас на сайте она была в наличии, мы специально приехали из Медведково, тащите ее скорее, у нас ребенок в машине», — тараторила Елена.

Флегматичный мальчишка в застиранном форменном поло устало смотрел на нее, густо краснел, заходил в интернет-магазин, несколько раз куда-то звонил и в итоге предложил компромиссный вариант — взять образец с витрины.

— Правда, коробки нет. Возьмете без коробки? — спросил продавец.

— Тьфу ты, какая разница. Чек, главное, дайте. Сколько на нее гарантия? — спросила Лена и вытащила из сумки кошелек.

Она, как и обещала, решила расплатиться сама. Скромный, можно сказать, диетический бюджет Крыжовниковых формировался из чиновничьего жалованья Семена. Его хватало впритык. При этом зарплатная карта «Мир» считалась общей, хотя у Лены имелась и своя кубышка, куда переводились декретные выплаты, а также гонорары за индивидуально подобранные диеты.

— Гарантия — год, — ответил консультант и добавил: — Давайте быстрее, сейчас касса заблокируется, а завтра срок акции истекает, выйдет в два раза дороже.

Когда Крыжовниковы наконец разделались с покупкой, комплекс уже закрыли, и спускаться на парковку нужно было из другого крыла ТРК.

Семен под мышкой нес яйцеварку, она весело поблескивала и напоминала первый искусственный спутник Земли, только без антеннок.

— А куда идти-то, ты понял? — глядя по сторонам, спросила Лена.

— По указателям «Выход», — угрюмо ответил Семен.

Огромный комплекс обезлюдел, еле слышно гудели лампы, в неведомой глубине здания что-то мерно поскрипывало и жужжало.

Сначала супруги просто скользили по начищенным полам, ведомые зелеными табличками с надписью «Выход». Потом, когда поняли, что те их никуда не ведут, стали внимательно смотреть по сторонам. Выхода не было.

— Мы секцию с кинотеатром проходили уже? — Елена вызывающе посмотрела на мужа. — Там сто процентов должна быть схема эвакуации.

— Кажется, проходили. Или нет, не знаю.

— Кажется ему, — зло прошипела Лена.

В разгар дня, в толпе и шуме Крыжовниковы без проблем выбрались бы из «Хризоплава», даже особо не раздумывая, интуитивно. Шли бы, шли да и вышли. Однако в пустом, тихом, полутемном торговом комплексе они оказались в шкуре заблудившихся грибников или, скорее, лабораторных крыс, бегающих по лабиринту вивария.

Супруги сворачивали влево, вправо, снова влево, нервничали, спускались и поднимались по застывшим эскалаторам и проходили мимо витрин, большинство из которых арендаторы наглухо закрыли железными рольставнями.

Витрины в металлических доспехах, похожие друга на друга как близнецы, еще больше запутывали Крыжовниковых, отнимая у них возможность ориентироваться.

Не помогли и вывески — они оказались скрыты за ставнями, а двуногие рекламные штендеры с названиями салонов нижнего белья, мягкой мебели и моющих пылесосов заблаговременно убрали в павильоны, чтобы они не мешали уборщикам.

Напряжение нарастало, не давал покоя оставленный в автомобиле ребенок.

«Может, его украли? Или увезли на эвакуаторе? Мало ли, вдруг здесь после закрытия ТРК нельзя на парковке оставлять машины и их увозят», — думала Лена.

— А люди-то где? Должны же здесь быть люди? Охранники там, уборщики. Почему никого нет? Так бы хоть дорогу спросили, — растерянно сказал Семен.

— Оно им надо? Сидят где-то в своих каптерках и чай гоняют, телик смотрят или какую-нибудь фигню в интернете, — не останавливаясь, ответила Лена.

Каждый раз, ожидая, что за поворотом окажется лестница или лифт, Крыжовниковы словно проваливались в очередной холл или коридор, похожий на предыдущий, в белых ребристых ставнях.

Лена от злости топала ногами, Семен нервно посмеивался. Ему ситуация виделась до смешного абсурдной, но вместе с тем жутковатой.

В принципе, Крыжовников прекрасно понимал: худшее, что может случиться с Мирошей, — это пробуждение в одиночестве и плач до хрипоты. Никакой по-настоящему серьезной опасности нет. Ну испугается, поорет. Главное, в машине не холодно и не жарко, она закрыта, все нормально.

С другой стороны, с каждым новым бессмысленным поворотом в душе Семена закипало варево иррациональной, необъяснимой тревоги.

Пугала тяжелая бетонная пустота парковки, посреди которой сопел маленький человек.

Семен старался бодриться и не подавать виду, что боится.

— Сейчас по карте посмотрю в телефоне, — обрадовался он внезапной идее и полез в карман.

Сеть, увы, не ловила.

— Нет связи.

— Надо было тебе с малышом остаться, я б сама сбегала. Вдруг он проснулся и орет там? — нервно сказала Лена, размахивая черным зеркалом телефона. У нее тоже не было связи.

— Я и сказал, нельзя оставлять его одного, а ты на меня так посмотрела, что я это самое... — поспешно начал оправдываться Семен.

Тысячу раз он давал себе зарок больше никогда так не делать и «быть настоящим мужчиной» — уверенным, ироничным, снисходительным, — но гаденькие, предательские оправдания вылетали из его рта произвольно.

— Еще са-ма-е, — передразнила Лена, хотя где-то глубоко внутри понимала, что сама виновата.

Лена, подобно мужу, тоже чувствовала саднящую тревогу, но вдобавок к ней страдала какой-то устоявшейся, многолетней тоской, осевшей на сердце. Словно они уже очень давно потеряли ребенка в этом чудовищном лабиринте и теперь каждый год возвращаются сюда, чтобы снова и снова пройти по пустым коридорам без особой надежды разыскать малыша.

Лена по привычке трансформировала переживания в холодную враждебность к Семену. Она часто так делала, когда испытывала неприятные чувства, и довела этот навык до автоматизма.

Супруги продолжили бессмысленно кружить по зданию. Несколько раз они возвращались в одно и то же место — секцию с остывшими кафе и закусочными. Это был атриум восьмиугольной формы, пропахший до арматуры жареной картошкой и подгоревшим мясом.

В центре зала стоял выкрашенный белой краской симпатичный колодезный домик. По виду — часть какой-то рекламной кампании. На упитанных округлых бочках сруба отпечатались черные следы подошв. Набив животы, дети отправлялись на штурм колодца, пока их родители утробно переваривали бургеры и в соцсетях машинально читали «бизнес-цитаты», советы коучей и замороженных диетологов.

Семен аккуратно поставил яйцеварку у колодца и с надеждой заглянул в него. Вдруг там лежит подсказка, как им выбраться из «Хризоплава»? Но подсказки не оказалось. На дне приглушенно мерцал экран с рекламой микрофинансовой организации: «Колодец желаний! Оформляем кредиты до пятидесяти тысяч рублей по одному документу. Всего за пять минут!»

— Опять этот проклятый колодец, хоть топись в нем! — с досадой пробормотал Семен, опираясь на сруб.

— Коли ты такой умный, почему не настоял, чтобы я одна шла? — не унималась Лена. — Чё ты как баба? Вечно мямлишь. Сказал бы, что останешься с сыном, и точка. Так нет же, пошел за мной хвостиком.

— Если б я остался, ты бы одна тут плутала со своей дебильной яйцеваркой. Поняла? — впервые повысил голос Семен. — На хрен она тебе вообще сдалась?

Лена знала слабое место супруга — нехватка мужественности — и, когда особенно злилась, проходилась по благоверному каблуками. Дома Семен молча отступал на кухню и начинал мыть посуду, чтобы отвлечься. Но здесь такой возможности не было.

— Ну и плутала бы, от тебя все равно нет никакого толка. А зачем она мне — не твое дело. Яйца твои варить. Слышишь?! Хотя чего это я? У тебя ж их нет! — натужно засмеялась жена.

— Лучше молчи, Лена, — злобно прошипел Семен, играя желваками. Он сжал кулаки, глубоко вздохнул, медленно поднял с пола яйцоварку и, криво улыбаясь, сделал шаг в сторону супруги.

Взгляд Крыжовникова был нездешним, будто обращенным внутрь себя.

— Мол-чи-и, — одними губами сказал Семен и сделал еще один шаг к жене.

Лена отступила, поняв, что переборщила, и напряглась. В этот момент она почувствовала, как сильно любит сына и как хочет скорее к нему прижаться. Почему-то все ушло: ненависть к мужу, страх, раздражение. Осталось только желание проломить бетонный пол атриума и буром устремиться вниз, к машине, где, вероятно, захлебывается от плача Мироша.

— Смотри! — крикнула Лена.

Семен вздрогнул и словно проснулся.

В конце коридора, который вел в зал, церемониально проезжал уборщик на поломоечной машине, похожей на механическую свинью.

Семен поставил яйцоварку и бросился к уборщику, как к спасательной шляпке.

Лена побежала за ним. Уборщик плохо говорил на русском, слабо понимал, чего от него хотят эти люди и почему они так взволнованы, но все-таки объяснил, как выйти на парковку.

Оказалось, выход из этого крыла располагался неподалеку от атриума, но из-за крошечного павильона со смешными носочками, который воткнули в центре коридора, дверь вниз была едва различима.

Через минуту Крыжовниковы спускались в лифте. Молчали. На парковке слабо горели плафоны. «Киа Рио» спокойно стоял на месте и казался еще меньше, чем в реальности.

Мироша безмятежно сопел в своем кресле.

— Спит, — выдохнула Елена и погладила сына по щеке тыльной стороной ладони.

— Слава богу, — сказал Семен.

Он обнял жену, и они какое-то время стояли неподвижно. Лена плакала, как человек, мимо которого прошла смерть.

— Не плачь, родная, — успокаивал ее Семен. — Ничего ж не случилось, глупость какая-то, наваждение.

Когда ехали обратно, на улице уже светало.

— Слушай, а яйцоварка-то где? — спросила Лена, когда они заезжали в Медведково.

— Блин, я ее, похоже, у колодца оставил! Вернемся? — со смехом сказал Семен.

— Не надо, — тихо ответила жена.

На следующее утро Лена разобрала пирамидку из банок от питательных смесей, Семен вынес их на помойку.

ТПС-54

В антикварный магазин «Клавесин» вела петляющая тропинка, зажатая с одной стороны палисадниками, с другой — бетонными спинами гаражей. В палисадниках рос щавель и фиолетовые мальвы на длинных стеблях, напоминающих страусиные шеи, а гаражи тонули в зарослях крапивы и лопуха.

Узкая тропа терялась в бурьяне, текла сквозь него, как ручеек, но никогда не зарастала, отшлифованная тысячью ног. Магазин имел культовый статус, о нем знали абсолютно все местные алкоголики, тащившие туда гусей и оленей из фарфора, чайные пары и хрустальные вазы из старых советских сервантов, тяжелые угольные утюги и дореволюционные молитвословы. В «Клавесин» спешили также пожилые коллекционеры, похожие на городских сумасшедших, пронырливые перекупщики с серыми лицами и бегающими глазами, какие-то невнятные старички в беретках.

Я нес туда тяжелый ламповый радиоприемник «ТПС-54» в зеленом, «армейском» корпусе, из которого облезлым хвостом свисал кусок провода без вилки. Приемник хитрил и постоянно пытался выскользнуть из вспотевших рук, чтобы непременно разбиться вдребезги и оставить меня без надежды на деньги, которые можно выручить с его продажи. Я останавливался, кряхтя, укладывал его тушку в лопухи и, чтобы высушить руки, вытирал их о штаны.

Путь к «Клавесину» казался бесконечным, хотя ТПС весил не так уж и много, килограммов пятнадцать, не больше. Но конструкторы Петропавловского завода имени Кирова, которые сделали его в 1950-е годы, не предусмотрели в крепко сбитом ламповом теле ни ручки, ни выступов, ни желобка. Тащи как хочешь, хоть на санях вези, хоть на лошади, хоть волокушей.

Я трагически влачил радиолу в магазин, как на плаху, придерживая ее корпус растопыренными руками и животом. С каждым шагом мне все меньше нравилась идея продать отцовский приемник. Во-первых, жалко, я помнил его с детства, во-вторых, разве за него выручишь много?

ТПС-54 выглядел потрепанно и непрезентабельно — весь в маленьких коцках, царапинах, вмятинах и коррозии. В детстве я любил простукивать его сапожным молоточком. Аппарат уже давно не работал, даже вилка куда-то запропастилась. Все в нем было уныло и сломано: прозрачную линейку настройки частот, качающуюся маятником, заклинило; лампочка — индикатор включения с уютным зеленоватым светом — погасла; стекло шкалы треснуло.

Можно сказать, я нес к антиквару скелет ТПС-54 — мертвую радиолу, которая ловит только «радио мертвых». Однако больше у меня ничего не было — лишь трухлявый дед ТПС.

Магазин работал с понедельника по пятницу, без вывески, в подвале простой панельной девятиэтажки. Я с трудом дотащил приемник, посмотрел на мальвы — может, развернуться? Плюнул, открыл тугие двери и стал медленно, прислонившись бедром к стене, спускаться вниз. Запахло половыми тряпками и чем-то сладко-затхлым, то ли беляшами, то ли пельменями с уксусом.

Меня встретил высокий, близорукий человек около пятидесяти, с заостренным лицом и длинными волосами, такими сальными, что казалось, будто он специально смазал их жиром. Когда-то я читал, что так делали девушки на Чукотке. Хозяин «Клавесина» и сам был какой-то ветхий и антикварный — в синтетическом свитере в катышках, старых, затертых джинсах с выпуклыми, сморщенными и слегка желтоватыми коленками, с золотыми зубами во рту. Я решил, что он спустился в этот подвал лет тридцать назад, сплел там паутину и засел мизгирем.

— Что у вас? — резко спросил антиквар, щуря маленькие глаза за толстыми линзами очков.

Несмотря на обилие в продаже всякой мелкой бытовой чепухи, в лавке было тускло, а еще очень сыро. На лбу у фарфоровой девы с кувшином сидела мокрица.

— Приемник, ТПС-54, — как можно более приветливо сказал я и, охая, водрузил своего лампового товарища на прилавок.

— Ерунда, — скривился антиквар. — Сколько вы за него хотите?

Меня больно уколола грубость — все-таки отцовский приемник. Я вспомнил восьмидесятые годы. Папа что-то постоянно паял в своей камерке, курил, ловил по ТПС «Голос Америки» и пил крепкий чай прямо из литровой банки — «бабиной». А тут вдруг — «ерунда». Тем не менее ситуация с деньгами была настолько печальной и бесперспективной, что я проглотил колючий комок обиды и сказал:

— Ну, я смотрел объявления, там такие тысячи по четыре продают.

Про себя я подумал, что готов продать и за две.

— Так там нормальные приемники. У вас в каком состоянии? Видите? — Антиквар стукнул грязным ногтем по корпусу радиолы, на котором белели мои кривые инициалы, выцарапанные в детстве ножницами. Я прекрасно помнил, как их царапал во втором классе — на всякий случай, чтобы доказать право собственности, если ТПС вдруг похитят.

— Сколько? — спросил я уже суровее.

— Пятьсот рублей, не больше. На запчасти он никому не нужен. А корпус, в принципе, пригодится. Есть одна идейка для интерьера. — Продавец вытащил из ниши стола недоеденный беляш и с чавканьем откусил.

Мама рассказывала, как, будучи девятнадцатилетней девчонкой, под Новый год везла этого «железного канцлера» из Петропавловска в Лабитнанги в подарок своему мужу — моему отцу, который по

комсомольской путевке работал там радиотехником. Хотела сделать сюрприз, но едва не надорвалась, таская приемник в большом коричневом чемодане. Прямого сообщения между Петропавловском и Лабытнанги не было, и требовалось сделать несколько пересадок.

В Тюмени маму — худенькую даже в широкой, теплой дубленке — заметили обходчики путей. Она горько плакала на перроне, не в силах больше влачить тяжелый багаж. Железнодорожники помогли донести чемодан до вагона, а на прощание пригнали откуда-то детские санки с кривой алюминиевой спинкой. Подарили. Приемник ехал в санях барином, после того как вездеход «Урал», который перевозил маму из Салехарда в Лабытнанги по зимнику Обской губы, на подъезде к городу внезапно сломался и пять километров маме пришлось идти пешком.

С тех пор старик ТПС стал нашим спутником — хрипящим, кряхтящим, шипящим, говорящим разными голосами, — членом семьи, свидетелем печалей и радостей. Он был с нами, когда отпевали папу и когда мы навсегда покидали Север. Потом уже я тащил его в санях с алюминиевой спинкой по зимнику Обской губы, морщась от колючего снега и ветра. Папа когда-то говорил, будто ТПС такой старей, что сможет словить «радио мертвых». Мол, в какие-то особые дни можно настроиться на их частоту. Я часами крутил ручку в разные стороны, надеясь в шипении уловить «мертвые» позывные, но ничего не улавливал, и успокоился, лишь когда вырос и догадался, что отец пошутил.

Долгие годы приемник стоял под столом на кухне, иногда я ставил на него ноги, зная точно, что он не обидится и даже, наверное, рад.

— Как-то мало для такой вещи. Она ж вечная, тогда все на совесть делали, — сказал я, плохо скрывая отвращение к жующему беляш продавцу. Я уже несколько дней нормально не ел, разве что заварил бич-пакет перед выходом, но гнилостный запах фарша почему-то не пробуждал аппетит, а наоборот — притуплял и вызывал приступы тошноты.

— Что делали на совесть? — чавкая, спросил антиквар. — В совке-то? На совесть? Вы меня не смешите. Тоже мне.

— Ну да. Машины на Кубе до сих пор ездят — «победы» всякие, «Волги». И холодильники работают — ЗИЛ и ТПС опять же.

Антиквар зло рассмеялся:

— Холодильники они делали на совесть, а мы — знаете что? Ходили в один унитаз. На весь дом один унитаз, представляете?

Подвальный паук заиграл желваками и заметно покраснел.

— Я в детстве жил в Свердловске, и у нас на весь дом стоял один унитаз, — чуть не кричал мужчина. — В один унитаз гадили! Подумать только. В нормальных странах такого быть не может, а вы говорите — на совесть...

— Зато в космос летали, — парировал я. — И в области балета, как пел Визбор, мы впереди планеты всей.

Мне стало весело и смешно, мужчина показался очень комичным в своем подzemелье в окружении ненужного, пыльного хлама, с беляшом во

рту. Такие персонажи часто бывают на митингах за все хорошее против всего плохого — с лозунгами на картонках.

— В космос они летали и срали в один унитаз! — перешел на крик антиквар, из его рта полетели кусочки фарша, я едва успевал от них уворачиваться. — В коммуналке жили, коридор длинный-длинный, а в конце коридора туалет, и там один унитаз. На всех! Рассказывайте мне про космос! Кому нужен ваш космос и ваш балет, когда в конце коридора один унитаз!

— Зато у каждого свой стульчак на стене. — Я вспомнил рассказы своего приятеля, он провел детство и отрочество в коммуналке и много, со знанием дела описывал ее специфический быт.

— Ну да, — слегка успокоился продавец. — На стене стульчак. Это обязательно. Строго. У нас голубой был. В общем, пятьсот рублей. Не больше. Отдаете? — Антиквар окончательно взял себя в руки.

— Нет, конечно, вы его в жертву принесете, распотрошите, как рыбу. Я взял ТПС и медленно потащил к выходу.

— Ну как хотите, — сказал вдогонку продавец и вздохнул.

Вечером я заварил себе бич-пакет, купленный на последние пятнадцать рублей, накрошил туда щавеля, надерганного в палисаднике у «Клавесина», и не спеша, торжественно приступил к трапезе. Настроение было светлым и праздничным. Занавеску трепал теплый летний ветер, мотылек бился в стекло, ноги под столом упирались в прохладные бока «радиолы для мертвых».

Наталья ДЕНИСОВА

БАСНИ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ*

Миниатюры

Спорщики

Ты в Пинеги-то бывал, нет? Наведайся-ка сюды, не пожалешь! Я вот тут всю жись живу, никуды не хочу в други места. Все-то здесь у нас по-особу... Зимой глаза отковырнул, пока туды-сюды кочкаешься, глядь — ужо темно, а летом... Все переделано, и делов-то боле нет, а все светло, хошь — дак шей садись.

Ну дак я чево эту басню завел-ти, тетка у меня тут живё, ужа вспомню, сколько годов-то ей, дак скажу опосля. Хороша така жёнка, боева, управна. А каки шаньги печет — скусны, румяны... Дак вот, как-то напекла она, окромя шанёг, иша и козуль. К девке своей на города ездила, насмотрелась, ей тоже нать, значит, на городской манер. Малых своих уважить захотела, есь у ей двое внучат. Ничево, неплохи козули получились, таки порато размалеваны, баски. Разложила на тарелки — сюды шаньги, туды козули, сама пошла до соседки, потароболить.

А шаньги да козули ети ляжали, ляжали, да давай спорить, кто скуснее да баще. Шаньги трещат: «Мы-то уж скуснее вас, вон каки ноздреваты, пышны, а вы-то сухари сухарями!» Козули визжат: «Да ничево вы не ведаете, мы-то вон каки нарядны, у вас-то рубаха проста, а у нас-то платье, а дух какой!» А шаньги: «Што ваш дух, мы-то хлебом пахнем! Куды вы лезете со своим духом!»

Услыхала теткина собака Жучка, што говорко в избе-то, пошла проведать. «Чево шумим тут?» — спрашиват. А шаньги да козули и говорят: «Дак вот спор у нас, не знам, кто из нас лучше!» «Ну давай хоть помогу, у меня нос-от на то и дан», — говорит Жучка. И начала пробовать: одну понюхат, куснё, другу, одну, другу... Тут и малы подбежали со двора, тоже помогать стали. Так скоро, хорошо подмогли, смотрят — а тарелки-ти пусты! Андели, андели! Так и не развели, што скуснее. Наведайся-ка ты к нам давай. Тетка иша напечет и шанёг, и козуль, вместяк и решим!

---

* В тексте по возможности сохранены особенности пинежского говора. — *Примеч. ред.*

Ефимыч

Куды бежишь-то? Все со своей чикалкой леташь? Успешь иша начикать-то. Давай, заходи хоть ненадольшко. Я, вишь, дрова в сараюгу спяхал, а то, чую, дожди зарядят, когды просушишь. Грязник как-никак на дворе-то хозяйничат. На Фому-то, гляди, остатки развезё...

Не хошь в избу-то зайти? Давай тогды на угор сбродим, я тебе тако место покажу, хоть зачикайся... Обожди малёхо, щас опорки-то ети переодену да батог к дверям поставлю. Батог-то етот не простой, я его Ефимыч зову. С им ведь така история была...

Раньше в деревнях-то как было? Вся жись на виду... Заборов-то высотой с версту не ставили. Замков не держали. Куды пошли — батог к дверям. Нет, значит, хозяев-то дома. Дак никто и не зайдё. Как можно? Ноне-то уж не так...

Ну вот. Ефимыч мой у бабки одной в соседней деревне жил. Бабку-то Ефимья кликали, то и Ефимыч. Ну чево, бабка-то ета померла. Внук ейный из города прикатил, бабку схоронил и давай дом-то перекраивать. Всё на новый манер... «Дачу, — сказал, — сделаю!» А домичок-то иша хороший был, ничево, што бабки-то старше. А ей уж за восьмой десяток перевалило, когды померла-то. Окошечки таки маленьки, приветливо глядели... Бревнышки сереньки, а кокни палкой — звенят. Гладки таки... живы... дышат... А внучку чево-то ето все не по нраву. Железом домичок-то обвесил, не помню, как по-нонешному-то называется, то ли «сайгак», то ли «синдаг», тьфу с им. Окна каки-то запяжал из полиэтилену. Вишь, слово како знаю! Ну чево дале-то? Целу машину барахла притаранил. И дверь железну — три замка! Да забор — така крепость! На што тут батог? Ну Ефимыча и швырнули куды-то... Ляжал он, ляжал сколько-то. Да не ляжалось ему, не привык ляжать-то... «Ну, — думат, — нать куды-то подаваться». А в ето время внучонок-то стал всё со двора-то собирать, чево ему не нать, да в телегу... Ну и полетели туды бабкины тряпки... подушечки, салфеточки, платочки, туесочки, шаечки, крынки... и Ефимыч... Свезли их за деревню и вывалили в овраг...

Ну чево. Я вот как-то мимо етого оврагу-то шел, из леса кабыть, слышу — зовё кто-то: «Обожди, добрый человек! Возьми меня с собой!» Я остановился, слушаю, откуда голос-то, а самому-то боязно так, место тако не шибко хорошо. Вдруг опять: «Тут я! Можно с тобой пойду? Послужу тебе иша». Я в овраг-то глянул, андели, — а ето батог! Ну, думаю, чево бояться, што он мне сделает? Слез в ямину-то, достал. Смотрю — старый, гладкий... Сколько годов-то ему? Ну он мне про жись-то свою и рассказал.

С тех пор вот у меня и живё, дельный такой оказался. Быват, с им вместяк и в лес ходим. Я до его-то метелку, бывалоче, к дверям ставил. Теперь у ей своя работа.

А потом оказалось, што Ефимыч-то мой последний был с той-то деревни... Ноне ведь всё на замках... И дома, и люди... А каки деревни есь и совсем пусты... на што там батоги-то? Нонешни ворины по деревням-то промышляют, дак им ничево не помеха... В моей-то иша, слава богу, служат штук пять батовгов-то. Живем...

Бывают же тако!

Ну чево, пошли. Черники-то в лесу полно, только ленивый не наберёт! Поболе короб-то возьмём али какой? Ты пошто чоботки-то ети напялил свои городски, промочишь лапы-то. На, сапоги напяливай да пошли. Дуська вчерась бегала за Осиновец, коробейку хорошу таку притащила. Дак и мы нагребем. Пошли за Осиновец. Ты под ноги-то гляди, идет шелкат своей чикалкой. Чик-чик, чик-чик. И чево вы в еко окошечко-то и видите? Туды чикай не чикай, все равно всего-то не запахашь... Во кака ширь, смотри! Чево хоть чикашь-то? Навернешься в мургу-то, куды полез? Туды не сворачивай! Мы там не пойдём. Мне бабка моя сказывала про ту дорогу таку басню! Я тамотке с тех пор не хожу! Хошь расскажу?

Вот. Была она, бабка-то моя Марфа, иша девкой, годов, может, семь. И пошли они с робятами в лес, тоже за ягодами. Брат ейный был, Василий, да иша кака-то девка. Дак вот, шли они дорогой-то етой, а дорога-то ета вдоль озера вьется. Ну шли как нать, знают куды, сколько разов уж тут бегали. Малы, говорит, бежим, смеемся, корзинушками машем... К озерине-то подходить стали, глядят: на камне-то, большой там камень-то на берегу ляжал, девки две сидят, в годах уж... Бабка говорила, красивы таки... Сами белы, ажно светятся, волосы черны, как смоль, кудрявы, длинны, до земли свесились. А платья, дак и не видывали таких, как чешуя горят, все серебряны... В травы затерялись, ног и не видать... В деревни-то девки еких не нашивали. А глаза... Бабка говорила, таки глаза... Большашши, темняшши... Глядят на тебя, а ты и стоишь как вкопанный, не сдвинисся. Ну чево, робята-то и встали. Ни туды ни сюды... На девок глядят, а девки-то на их... И молчат... Тут Василий-то как заорёт: «Отче наш...» Бабка-то сказывала, они тут и опомнились, глядят, а девки-то ети и пропали, как их и не было... Каки уж тут ягоды, робята бегом домой... Во как... Потому етой дорогой-то и не хожу, пусть и короche будё. Ты-то знашь «Отче наш»? Не?

Глиняна любовь

У меня в Заозерьи-то сестрица двоюродна живёт. Имя у ей тако красиво-о-о — Серафима! Она из етих, из староверов будё. Строга така женка. Старинной веры держится. Книги-то у ей молельны древни таки, писанина мудрёна, от бабки иша остались. И в избы-то ейной всё на старый лад. Из современного-то мало чево. Не признаёт бабка нынешнего-то барахла. Ни машин-стиралок, ни кастрюль самоварных, ни телевизеров, ни чикалок твоих... Для лентяев, говорит, ето всё. Электричество — то да! Есть у ей, работат. Мало ли чево. Не така уж темна, не с лучиной сидит.

Ну вот. У ей в хозяйстве-то така басня случилась... Всё дивлюсь! Как Серафима-то проглядела? Уж все у ей к ногтю прижаты, никто ни кыркнет, а тут еко... Хошь, дак расскажу?

Ну чево. Как дело-то было...

Изба у Серафимы стара. Печка русска. Готовит Серафима на старьёй лад, в чугунах. А особо любит кашу пшенну парить в крыночке. Така она вкусна получается, рассыпчата, под золотистой корочкой. Крыночка-то у Серафимы последняя осталась, таких уж в нонешно-то время не купишь. Бережёт ее старуха. У ей под крыночку под ету и ухватик. Понял, нет? Ухватиком-то крыночку в печь отправляют.

Ну вот, эта крыночка-то да ухватик дружно жили. Крыночке без ухватика никуды, ни в печь, ни из печи, и ухватик без крыночки-то ни к чему. Никуды больше не гожд, под крынку сроблен.

Ну чево. Как-то к Серафимы-то родня пожаловала с городов откудова-то. Молодка с девкой малой. В еких длинных юбках ходили. Долго гостили, потом укатили. Ну и привезли они бабке-то гостинцы. А среди гостинцев-то кастрюлька така была, нонешня. Небольша, беленька, а по бочкам-то у ей цветы да ягодки выписаны. Крышечка ека нарядна, с завитушкой. Посмотрела Серафима на кастрюльку-то да и запяхала на полку, возле печи-то. Вот стоит эта мадама на полки-то, боками сверкат, похохатыват, то с одним чугуном, то с другим. Увидал её ухватик-то, думат: «Во кака красавица, а моя крынка што?.. Вечно в саже...» И стал ухватик-то с кастрюлькой беседы вести, а потом и вовсе перебрался к кастрюльке-то поближе. А крыночка што... Прыг с полки-то, где стояла, да в запечье. Больше никто ее и не видал. Ухватик-то и не заметил. Всё перед кастрюлькой-то гонорится. «Я, — говорит, — за тебя хоть в огонь». А та похохатыват над им. То одно попросит, то друго, а он и рад. Расшибусь, да сделаю. Кастрюлька думат: «Вот дурень, размечтался! Я дама городская, буду я ещё с таким остолопом грязным жить. Вон какой тут графин красивящийся стоит, сразу видно — знатных кровей». И прыг к графину этому. Хи-хи, ха-ха. С ухватиком-то даже и не попрощалась... А тот што, понял, не вовсе дурак-то...

А тут Серафима. Кашу решила сготовить. Полезла крыночку-то искать, а той нет нигде. Вся придивилась, куды могла деваться. Взяла старуха кастрюлю-то нову, кашу завела, а в печь-то етаку не пяхнёшь. Ну поставила на новьёй манер на плиточку электрическу, эта-то была у ей. Сидит, ждё. Поддала жару-то, думат, скусне буде, как в печи. А каша-то возьми да и сгори. Вонишша в избы-то, дымишша. Серафима кастрюлю-то глянула, а та уж всё, никуды не годна, она ей в сердцах-то и вышвырнула в сенцы. Вот тебе и каша! Тут и ухватик в запечье полетел, куды он нужен без крыночки-то...

Лежит ухватик в запечьи-то, осмотрелся, глядь — крыночка. Стал он уж перед ей виниться, понял, што родне у его никого и не было... Крыночка не злобна — простила, куды они друг без друга-то...

А после Серафима полезла за чем-то в запечье-то, на тебе! И крыночка, и ухватик там! Подивилась, обрадовалась. Ноне они опять на своих местах в избы-то стоят, рядышком...

Деревенска философия

Нако-те! Когда прикатил-то? Надолго ли? Ты проходи, проходи. Чево стоишь-то в дверях. Я думаю, кто там шабаркается, а это ты. Давай проходи сюды. Чайку хоть пофёркам. У меня ноне чаек-то скусной такой — знашь, нет? — иван-чай! Давай приземляйся на лавку-то. Андели, кака у тебя рубаха-то красивяшша, жоних! Жоних! Чево смеешься-то? Мне вот ноне невесело... Третью ночь не сплю... Все думаю... Говорил мне тата: «Ты шибко-то не задумывайся, без тебя все удумано, главно, по-божески живи!» А тут... Иша што будет!

Пошел я байну топить, кочкаюсь у каменки-то... оскобелок какой-то пяхаю посуше, растопить-то нать. Тихо так... Раненько иша было-то. На дворе тёмно... Коня в поле не видать... Вдруг слышу: «Шур, шур. Шур, шур». В сенцах-то баенных. Думаю, чево еко, кто там? Бывает, мышь кака забралась? Притих, сижу слушаю. А самому-то боязно так. А там, на тебе, иша и говорко чево-то стало. Я уж думаю, ну всё, одурел. Ну да ладно, крест-то на шеи, бват, и ничево. Даё, думаю, послушаю хоть, о чем судят-то, бват, чево неладно удумали, а бват, и дельно чево скажут. Сижу, одним-то глазом зыркаю, кто хоть там беседы-то ведё. Ты што думаешь? Андели... Это голик с веником-то банным березовым. Таки говорки оказались! Голик тот в углу поставлен, а веник-то висит под потолком, его и не видать. Пошто-то тут один оказался, тех, што впереди-то висели, уж и нет. Я в байну-то, бывалоче, пойду, веничек тутотки и возьму... Ну дак чево я другу-то басню завел, ты меня повертывай, когда друго-то заплету чево.

Ты знашь, чево тако голик-то, не? Ну когда веником-то уж отхвостались, лист опал, одны вицы, боле хвостаться-то негоден. Тогда можно им полы в байны-то мести, вместо метлы. Ну дак чево, голик-то смиренный такой оказался, с веником-то так уважительно говорит, а тот не, с гонором! Сижу не шелóхнусь, слушаю... Ну, голик и говорит венику: «Ты, дяденька, сколько уж тут висишь?» Веник отвечает: «Я уж и не помню, когда из леса-то, а вишь, всё иша целой, это вы, дурачины, всё вперед лезете, нет бы помалкивали. Даки они не! Всё хотят послужить, прок от их какой-то был штобы. Чево от етого проку-то? Ты вот недавно из леса принесен, а уж и листочка на тебе нет, спрятался бы, глупень, за другими-то вениками, как я, даки иша бы год какой провисел». Голик слушат, молчит. Слушал, слушал и спрашивает: «Ты, дяденька, тут висишь сколько уж, хорошо ли тебе? Ничево ведь не выдашь, всё в темени, всё в пыли, всё один, сам собой... Я даки больно своей жизнью доволен. Сначала вот в байны служил, хозяина от хвори избавил, малого поправил, жёнку... Листья, правда, потерял... Да и пусть, куды я с има, с листьями-то? Сейчас вот полы мету, все лучше, чем в темени висеть да за братьёв своих прятаться, а потом уж... не знай куды...» Веник ему бурчит в ответ: «В печь тебя сунут, и всё тут... не знат он».

Тут я чево-то повернулся, пяхнул локтем лохань-то, котора на скамейки-то стояла. Она на пол и ухнула. Шумко так... Я охолонулся. Вышел в сенцы-то, смотрю: голик в углу, веник на месте, молчат... Ну, думаю, бват, я спал, приблазнилось мне еко... Никаких разговоров не слышать... Дай, думаю, гляну, чево хоть за веник-то. Снял, а он уж старюший, листья так и летят, ветки крошатся. Чево я его раньше-то не видал, во как схоронился. Так никуды и не пригодился, все провисел... Куды такой? Голик — тот уж тоже высох весь, отробил свое... Взял я их — да и в печь...

Ну так вот, чево я завел басню-то эту. Думаю теперича... Как жись-то лучше прожить? Я-то каков? Ты-то как думаешь? Така вот деревенска философия, как там у вас по-умному-то говорят...

Катанцы

Ты пошто давно вести-то никакой не подаешь? Ладно ли там у тебя все? Али забыл нас? Городски нынче, дак што вы! Некогда вам, куды-то всё торопитесь, а каки дела-то у вас? Да ладно, ладно, ужа сам приеду, погляжу, чево вы там и делаете. Я чево тебе рассказать-то хотел, така история у нас тут ноне была интересна. К Дуське-то, ну, знашь ли, на почте работат, девка старша приезжала из города. Она у ей на фельшеру учится. Ну так вот, приехала, вся така модна, ничево, што наша, деревенска, в городах-то научилась форсить. И были у ей таки сапожки, черненьки, узеньки, на каблучках. Она в их ну прям как ярка скачет, как и может-то? Так чево, стояли эти сапожки в сенцах, а там иша и стары Дуськины сапожищи да катанцы притулились. Сапожки-то эти стали глядеть по сторонам, зырк, зырк. Видят, сапожищи рядом стоят, чево-то они им сразу не пондравились, может, фасону не того, а может, навозом пахнут, не знай чево. Только горожахи ети аж сморщились, носы задрали, отвернулись. Глядят, катанцы поставлены. Катанцы-то им больше приглянулись, те и почище будут, и не вонючи. И стали ети сапожки с катанцами-то беседы вести. Ладно так рассказывают: как на городах живут, чево видали, где бывали, а катанцы слушают, дивятся. Катанцы-то просты, им што сказали, то и правда. И стали они думать: «А чево это мы тут сидим, ничево не видали, други вон как живут, а мы чево, хуже?» И вот засобиралась девка-то Дуськина на города обратно, а катанцы скок — да и залезли ей в котомки. Котомок-то полно, мать и того, и другого напяхала девке-то. Ну чево, приехали в город. Девка котомки-то растрясла, глядит — катанцы! «На што они мне тут», — думат, да и швырк их в угол. А сапожки — те стоят на почетном месте, про катанцы и думать позабыли. Ну а те — ждут, когда жись-то городска начнется. Ну чево, сапожки всё где-то летают... Катанцы думают: «Нам бы хоть глянуть, што за город-то, из чево хоть сроблен». Заскочили на окошко — глядят... «У как... где тут и земля-то у их, камнем-то все заложено, и травинке-то

где расти. Домищи большашши, серы, хошь даль-то увидеть, а некак...» Загрустили катанцы. Ляжат в углу... скучают, Дуську вспоминают. Так до зимы доляжали. Пыльны уж все стали. Вот и зима прикатила... Ну, думают катанцы, может, теперя сгодимся? Ан нет... Всё ляжат, девка в их сторону и не глянет. Опять к окну они, значит, прыгнули. «Может, чево у их тут в городах с зимой не так, кто знат?» — думают. Ну и правда. В окно-то уставились, а там... На дорогах-то не снег, а каша кака-то, грязно, мокро, куды тут в катанцах. Завыли в голос, ляжат в углу, жись свою в деревни-ти вспоминают. Как, бывало, выскочат на снежок, то по двору, за дровами, то на реку до майны, то в лес за метелками бегут... А снежок легкий, щечочет, аж до чихоты... Али, бывало, в храм Дуська-то пойдё зимой, а там хорошо, тепло, жёнки поют... Бывало, и домой забегали, и в гостях бывали. Все новости узнашь, бывалоче. А тут чево... Глядишь, и моль сожрё...

А тут девка-то к матери опять засобиралась, а катанцы тут как тут, скок в котомки, сидят не шелóхнутся, лишь бы к Дуське скорее, в деревню. Добрались, горемыки. Дуська котомки-то прибирала, глядит — катанцы! Обрадовалась! Она их ведь сколь искала, думала, куды девались-то. Без их-то как? Зима! А катанцы радешеньки, никаких им городов не нать, одно поняли: «Где родился — там и пригодился!»

Как мужик от смерти бегал

Знашь, наверно, Кузьмича-то? Нет? Да как не знашь? Изба у его иша така нарядна, наличнички резны, кружевны, ни у кого в деревни еких-то нет? Не знашь? Да его иша Дельным на деревне-то кличут! Ну! Ему ведь сей год девяносто пять стукнуло! О как! А он все летат! Глянeshь, ни свет ни заря, а он уж из леса бежит! То с грибами, то с ягодами. А зимой вицы все для метелок таскат, на всю деревню принесё. Я, бывалоче, только иша вылезая во двор, а он уж дрова колет! Я только повернусь, а етот уж с рыбалки летит, полный пехтерёк рыбы-то. Все он кружится, то копат, то строгат, то колотит, то пилит... А в огороде у его всё по линеечке! Грядочки таки ровны-ы... Каждый год Кузьмич с урожаем. У баб сорняки, каки-то жуки да гниль орудуют, а у етого — красота, всё так и прё. И самому хватат, иша и нам раздават. А мастеровой!.. Ничево, што три класса кончал. Што хошь починит. Хошь часы, хошь уют, хошь радиво, хошь мотор лодочный... За то его в деревни-то Дельным и кличут.

Я ему как-то говорю: «Ты, Кузьмич, хошь бы отдохнул, всего не переделашь...» А он мне знашь чево: «Не-е-е, Степаныч, ты што! Я как робить-то оступлюсь, смерть меня так и сцапат. Она баба хитра! Зазевался, и всё! Собирайся, голубеюшка! А так — догони попробуй! Она только ко мне лыжи-то наострит, а я в лес, али иша чево. Смерть-то за мной не поспеват! Застать не можё! Главно, без дела сидеть-то не нать! Безделье-то время крадё... От безделья-то вся дрянь и лезет в душу-то! Оттого и бодем! Ладно, давай! Побежал я. Делов-то иша сколько не делано...»

Там, где живет Сиверко...

Я тебе щас такую историю расскажу. Хошь верь, хошь не верь. Ты садись давай, садись, хоть вон на чурку-то али на крылечко. Куды хошь садись. Давай я тужурку свою постелю.

Ну чево. Пошел я тутотке на днях в лес, за груздями. Место одно хорошо знаю, опосля и тебе покажу. Мне чево, не жалко. Иду по леску-то, а там хорошо... Гляжу, листочки жёлты уж проглядывают, то тут, то там, сигналият — знамо, осень рядом! Паутинки за нос цепляются... Солнышко глядит сквозь ветки, подмигиват. Светло так... А дух какой! Всё в ём! И земля, и воздух, и водица, и вся жись лесна...

Ну чево. Я к месту-то подхожу, гляжу: оно — не оно. Оно! Заметина у меня там есть одна, не ошибешься. А груздочки-то меня уж поджидают, глядят: «Чево припозднился сей год?» Ну, поздоровался я с има да давай в короб-то складывать. А они таки крепки, туги, которы поболе, дак сами в руки идут, а малы в травку прячутся да под листья лезут. Ну, набрал я короб — доволен. Нать домой поворачивать. И што ты думаешь? Гляжу, а куды идти-то, не знаю! Во как закружило! Сколько по лесам хожу, ни в жись такого не бывало, малым иша все нашенски-то леса обегал! А тут на тебе, голова седа, а ума все мало! Срам! Кому скажи — засмеют! Да што поделашь, нать до дому-то попадать как-то. Всяко дальше городов-то не ушел.

Тут слышу... сучья-то затрещали. Я аж присел, ну, думаю, Потапыч! Время-то к тому — медвежьи свадьбы! У меня в головы-то одна мысля, куды бы схорониться! А тут! Андели! Мужик! Выкатыват из-за куста! Я екого-то и не видывал в наших-то местах. Смотрю, высочашший, плечиши широки, крепкий такой. Богатырь! Волоса — те белы, длинны. Борода густяшша, кудрява, седа. Рубашка у его така интересна, домоткана, расшита, кушаком нарядным подпоясана. Каки штаны-то, не упомянул, а вот сапожки — те перед глазами до сих пор стоят. Красны, камнями расшиты, носы кверху! Ноне такой одежи-то и не носят. Смотрю я на мужика-то, а он на меня глядит. Глаза сини-и!

«Здорово, — говорит, — Степаныч, ты меня не бойся. Вижу, закружило тебя, бывает, бывает».

Я гляжу, мужик-то, кажись, ничево, ну и осмелел. «Здорово, — говорю, — коль не шутишь. Ты откудава меня знаешь-то?» А он мне: «Как не знать, я иша и татку твоего знал, и дедку. Сколько раз в лесу встречал. Мороз не мороз, жара не жара, лес-то для вас што дом родной! То по дрова, то по ягоды-грибы... Всё у вас с умом, уж никого не обидели из лесного-то царства, лишнего-то не бирывали, беды не приносили...»

Я стою, дивлюсь еким словам-то. Гадаю, кто таков? А мужик-то говорит: «Ну чево стоять-то, пошли в гости ко мне, а после я тебя до дому-то провожу, ты не пужайся, не обижу!»

Ну чево, делать-то нечево, пойду, думаю, разведаю, кто хоть таков. Пошли. Мужик впереди идё, я за им едва поспеваю. Подошли к пещеры. У нас на Пинежье-то пещеры — дело не удивительно. Всяки есть:

и больши, и малы. И жись в их особа! Приезжай, погляди! Не пожалешь!

Мужик говорит: «Ну вот, пришли! Тут и живу! Проходи!» Зашел я в пещеру-то, а там красота!

Андели! Стены переливаются голубым, розовым, зеленым, будто северно сияние развесили по стенам-то. Под ногами-то лед! Прозрачный, яко хрусталь, каменя видно! А на потолку-то снежны кристаллы, кружевны, серебристы, звездами горят! Сверху-то вниз да снизу вверх — столбы леяны, яко колонны... Я стою, дивлюсь!

Мужик говорит: «Сиверко я! Ветер северный, студеный! Всю землю облетел, лучше здешних мест не нашел! Пещеры мне леяны приглянулись! Зимой в их студено, да и летом холодком не обидят! Всё по мне! Сколько веков уж тут живу, никуды не хочу боле! Дела свои по миру-то управлю — и сюды! Нету лучше мест!»

Вот оно как! «Это ты, значит, метели-то нам нагоняшь, снега метешь?» — спрашиваю я. Отвечат Сиверко: «Как без этого-то, Север никак, все по природному закону... Давай я тебя чаем напою!»

Попили мы чаю. Скусной такой, дух травяной... Я такого не пивал. «Хорошо у тебя тут, — говорю я Сиверко, — да пора бы и до дому попать...»

Собрались мы, пошли... Сиверко впереди, какими-то тропами меня ведё, я еких и не знавал. Глядь, уж и лесу конец... Я только хотел Сиверко-то поблагодарить, а его уж и нет... только ветерком холодным обдало...

Добро найдет дорогу

В деревни люди разны живут... Вот я. У меня вся жись — деревня, я, окромя ей, ничево не видал, да и не хочу, и руки у меня под деревенску работу заточены. Тутотке родился, тутотке и помру, как татка, дедка, прадедка... Не я один екой-то. Старожилы мы... Слово-то како. До пенсии дожили в деревни, куды нам теперича, в городах-то с тоски помрем... Вот и сторожим деревню-то, кто иша остался... А в иных деревнях и «старожить» некому... Есь люди, которы в деревни поневоле, уехали бы, да некуды и некак, лишной копейки нет. Город — он деньги любит, а где их взять-то? Так и живут, своим трудом. Жись-то им ека по наследству досталась, родители выпягнуть в городá-то не смогли... Есть совсем пропащши, те ни деревне, ни городу не нужны. У их одна забота — как бы нажориться да забыться. Так и живут, маются... Есть идейны! Ну еки, которы города-то бросают — да в деревню. И давай... Кто во что горазд... У нас еких-то нет. У нас всё боле дачники. Лето в деревни, в родительских домах, а на зиму-то на города подаются.

А есть и таки, которы когды-то укатили на города-то, а на старости-то лет их в родны края потянуло... Вот ето у нас Анастасия Ивановна така. По молодости уехала из деревни-то. На учителку выучилась да в городе и осталась. А там семья, дети... Летом навевывались к бабке-то с

дедкой на неделю, другу — и опять на города. Так и жись прошла... Дети разлетелись, мужик помер. Стало у Анастасии сердце ныть, в деревню проситься, в родной дом...

Приехала. Избу подправила, жить стала. Дак тоже спокойно сидеть-то не можё, куды учительску-то закваску денешь... Удумала в деревне-то музей сделать. У ей стара изба есть бабкина, ну вот она там и затеяла котовасию-то ету. Всякой утвари насобирала, что свое, что у бабок выманила. Ничево так получилось. В одной комнаты изба деревенска устроенна — кухня. И половички в ей, и всяки горшки, и скамейки, и даже печка русска стоит, правда, уж не действует, куды, столько годов-то ей. В другой комнаты кровать поставлена, и люлька детска, и буфетик, и сундуки есть, станок тканый старюший, и даже баба така ненатуральна стоит, в одёжу-то ранешну обряжена. А рядом с ей и мужик. Во как!

В другой избы — советско время. Там и шкафчики еки, годов сороковых, и помоложе, патефон откуда-то, да иша и играт. Даже парта притаранена школьна, с крышками-то екими, они иша поднимались-то. И игрушки. Всяки разны, разных годов. Игрушки-то Анастасия особливо любит. Стрась ейна. В городе коллекцию-то свою собирать начала, давненько уж, а потом и в деревню перетащила с собой. Хороши есть игрушки — редки, интересны.

Ну вот. Про музей-то в райцентре узнали, приезжали каки-то руководители, смотрели, хвалили, помочь обещали, чем нать. А потом стали к нам ездить туристы всяки. Ученики приезжают, бывает, с учительками из окрестных школ, смотрят. Наши-то деревенски все уж побывали, со всей родней. Анастасия Ивановна всех пускает, никому не отказывает, да и денег не берёт! Ей и жёнки наши помогать стали. Кто чево принесёт, кто подежурит, кто приберёт, кто гостей встретит. То посиделки каки устроят, мастерят чево-то, бывает, с робятами-то козули пекут да красят.

Ну вот. Был у Анастасии Ивановны-то однажды случай такой, с игрушками-то... Пришли в музей жёнка со старушкой. Мать да дочь. В годах уж. Они в соседней деревне жили у родни, гостевали. Ну чево, ходят они по избы-то, смотрят, дивятся. Городски они, не видывали екого-то. Анастасия Ивановна им сказывает басни-то свои про жись деревенску, показыват убранство. Те довольны!

Дошли до избы-то с игрушками, заохали. И ека у их была, и еку видали. Тут старушка увидала медведика, екий буренький, плюшевый, в уголке посажен был. У ей слезы и побежали по щекам-то ручьем. Жёнка, что с бабушкой-то была, испугалась, подскочила: «Мамочка, мамуля, ты что, тебе плохо?» А старушка на медведика-то показыват, сквозь слезы причитат: «Это мой, мой... Мой Борька... Я когда в Ленинграде жила, мне его папа подарил, перед уходом на фронт... Сказал: “Береги Борьку!” Мне четыре годика было... А тут блокада... Как-то бомбить начали... Мы в убежище с мамой побежали, не успела я Борьку с собой забрать... Вернулись — дома нет... Я тогда долго редела... Не наши мы с мамой Борьку... И папа не пришел...» Старушка рыдала, тянула

трясущиеся руки к медведику. Конечно, это был не Борька... Анастасии-то точно известно, откуда эта игрушка. Долго за ей гонялась. Нашла. Больши деньги отдала — редкость. Таких в довоенно-то время вручную делали, опилки в их, лапки движутся. По тем временам невидаль. Да ведь не Борька... А... пусть будет Борька, пусть...

Анастасия Ивановна взяла медведика и подала старушке. А та, как девчушка, начала обнимать его, целовать в потертую бурую голову... «Можно... можно забрать его?» — лепетала бабулька с надеждой в голо-се. — Борька, милый, ты прости меня...» — «Конечно, конечно, берите, это ведь ваш Борька, ваш...» — «Ой спасибо тебе, милая, спасибо!»

И старушка, что малый ребенок, начала крутить игрушку в руках, вертеть лапки, расправлять уши, гладить по ветхой спинке и что-то говорить, говорить... Дочь, та денег предлагала, за медведика. Анастасия Ивановна наотрез отказалась: «За память деньги не берут».

А потом, каким-то чудным образом, попали к Анастасии-то аж три таких медведика, и всех подарили... Вот ведь как бывает. Добро-то всегда найдет дорогу...

Чум-камень

Ну чево. Давай чайку пофыркам? Куды торописся, не? Не! Ну тогда уважь старика. Садись давай. Не часто и забегаешь. У меня ноне чаёк-то из чаги! Слыхал про таку, нет? Ето гриб такой, на березы растет. Больша удача гриб-то етот найти. Найдешь, с березы сымешь (надо токо с живой), почистишь, высушишь, на кусочки раскокашь, и всё — чай заваривай! От всех болезней! Ты пей, не бойся, не помрешь! А я тебе каку ли басню опять скажу. Хошь, нет? Хошь, ну давай!

Я когды иша малым-то был, мне бабка моя сказывала, што в лесу-то нашем, где-то у Рак-ручья, лежит Чум-камень. А под им клад спрятан. Кто камень тот сумет сдвинуть, тому и клад! Во как! Ну чево. Я пока малым-то был, все бегал туды, искал. Ничево не нашел. Мужиком стал, чево уж бабкиным байкам верить, ан нет, бывалоче, хаживал — опять искал. Ничево! Теперя уж старик, и то бродил... Не, ничево! А тут на днях, андели! Спать-то лег, засопел уж, вдруг во сни-то и вижу! Стою я в лесу, осень уж, светло так... Бабка моя, Анна Ивановна! В сарафане-синяке, в платочке беленьком, в лапоточках. Бруснику берё! Корзиночка у ей светленька така, а брусника... крупна, сочна, бура аж. Бабка меня-то увидала, заулыбалась. «Што, — говорит, — голубеюшка, всё Чум-камень ишшешь? А ты в души-то у себя поишши, в жизни своей... Чум-камень-то — ето грехи наши, дела худы. Давят... гнетут... Нать их помалёху-то колупать, сразу-то, бывает, и не подымешь... Тут уж Бог в помощь! Ты как с има-то разбересся, тебе такой клад откроется! Лучше нет награды-то! Главно, до смерти успеть! Я-то уж знаю!» И пропала... Тут я и проснулся...

Словарик

- Андели* — ангелы; здесь: вот это да!
Байна — баня.
Баски — красивые.
Басня — рассказ; от слова «баять» (рассказывать что-то необычное).
Батог — палка, посох.
Бват — может быть.
Бирывать — брать.
Вица — прут.
Вместяк — вместе.
Говорко — шумно.
Голубеюшка — голубчик.
Грязник — октябрь.
Дельный — полезный, нужный.
Запечье — пространство в избе за печкой, где часто хранили домашнюю утварь.
Иша — еще.
Еко, екий — это, этот.
Катанцы — валенки.
Козули — пряники.
Кокнуть — ударить.
Короб — корзина.
Кочкаться — что-то делать.
Крынка — глиняная чаша небольшого размера для приготовления каши, жаркого.
Кыркать — возражать.
Майна — прорубь.
Мурга — провал в лесу.
Нажориться — напиться (алкоголя).
Нать — надо.
Нашто — зачем.
Оскобелок — обломок полена, доски.
Остатки — совсем.
Пехтерёк — емкость для рыбы.
Порато — очень.
Потароболить — поболтать.
Приблзниться — привидеться, присниться.
Тамотке — там.
Тата — отец.
Тужурка — куртка.
Тутотке — тут.
Чикалка — мобильный телефон.
Чихота — чихание.
Ярка — овца.

Феруза ИБРАЕВА

ПОВЕСТКА

Р а с с к а з

Памяти Сажиды Валиахметовой

В половине одиннадцатого вышла подышать у входа в кафе. Из динамика долетает гимн. Понятно: недалеко, на площади, где Вечный огонь, — отправка мобилизованных. Еле слышно — чья-то речь. Грянул марш. Отправка, точно. Стылый осенний дождь. Представляю, как холодно, склизко, плохо в душах провожающих, а мужики держатся, теперь они солдаты.

Минут через сорок снова вышла. Нехорошо мне, тревожно. Зазвучала сирена. На дороге показалась машина с мигалкой, за ней громадный красно-черный автобус. Лучше бы желтый, веселее. Я проводила его взглядом, послала вслед мысленное пожелание — возвращайтесь. Живыми.

Интересно, глава региона приехал в промозглый, дождливый день к Вечному огню или работает в кабинете? Спросить некого. И почему у первых лиц в основном дочери?

Вернулась работать в свой цех холодных закусок. Кафе на хорошем счету, едоки не переводятся.

Я не знаю, где правда. У каждого она своя. У меня «свой огород», потому публично вопросов не задаю. Каких? Извечных: кто виноват, что делать, как закалялась сталь. Это смелые задаются суровыми вопросами.

Несколько месяцев назад во время торжественной церемонии прощания с погибшим воином обычная российская женщина, получив звезду Героя России за ратный подвиг сына, произнесла речь: «Многие матери, потерявшие в этой спецоперации сыновей, дочерей, скажут: почему мой, почему он?» Естественный возглас скорбящих матерей. Но она неожиданно спросила: «Но почему должен быть другой, почему не твой?»

Давненько не задавался этот простой вопрос гражданам и гражданкам. Привыкли они по-другому вопрошать: «А почему я? Чуть что, так сразу — Косой, Косой». И тут же практическая мысль: надобно уклониться, улизнуть, дельце-то не из приятных. Общий интерес — не личный, за который и в огонь и в воду. Говорят: «Надо, Федя, надо». А кому — надо?

Вопрос матери героя взбудоражил многих. Одни в «Почему не твой?» услышали откровение. Другие усмотрели бахвальство перед камерой. Третьи злословили: «Гордится, что лишилась сына? Что поимела? (Так и говорили — “поимела”.) Посмертный кусок железяки?»

В свете последних событий вопрос вроде как забылся, всплыл недавно. «Последние события» в нашей истории никак не прекратятся: то надо соседям помочь, то, наоборот, защититься от них. Сжимается пространство вокруг, сдавливает сердце.

Обычно в выходные листаю соцсети. У меня ритуал — смотреть ролики в память героев СВО. Единственное, что могу сделать для погибших, — взглянуть в их глаза на экране и искренне сожалеть, что так скоротечна была их жизнь. Удивляюсь разнообразию лиц и фамилий. До чего же все разные — и до чего красивые (в мундирах, в камуфляже все мужчины смотрятся brutальными красавцами). Нарезки эти смотрю до конца, как бы ни хотелось скорее переключиться на легкую тематику. Моих на фронте нет. Под мобилизацию не попадают. Пока. Но за тех, кто сейчас там, болит душа.

Сосредоточилась на работе, надеясь, что ком в груди рассосется. Заказов немного, будний день, в зале несколько преданных заведению посетителей. Среди них два ВИПа. Бармен Артем уверяет, будто это эфэсбэшник и криминальный авторитет. Они приезжают в полностью тонированных автомобилях. Кто из них кто — не различить. У них здесь место встречи, продают друг другу информацию, смеется Артем. Из-за важных персон парень иногда задерживается почти до утра, а ему добираться до дома в частный сектор, в темень, пешком. Но клиент всегда прав.

Разгоряченные выпивкой, ВИПы беседуют активно, включают темперамент. Фразы долетают до кухни, когда официанты открывают-закрывают дверь.

— Лучше отсидеть за уклонение, чем на поле...

— ...За Родину, вперед! А потом обратно. — Чокаются так, что слышно в кухне. — Освобождаем сознание!..

— ...Двести тысяч в Казахстан двинуло.

— Мобилизацию там проведем.

— Ха-ха.

— И оставшихся «мобиков» хватит. И на замену, и на подмену.

И опять хохочут. Нет, сегодня не мой день, нервы на пределе. Перед глазами — красно-черный автобус. Мне надо двигаться, чтоб усмирить

растущий внутри гнев. Схватила тарелку с нарезкой («силовик» и «бандит» повторили заказ), вынесла — вместо официантки — и со стуком поставила на стол перед ВИПами. Мужчины посмотрели на меня как на дурочку и вернулись к беседе.

— Вот, глянь. — Один другому протягивает телефон. — Он труп, а она — ни слезинки, представь? Я специально пересматривал.

Мельком увидела картинку на экране смартфона. Похоже, с тех самых похорон, где мать прощалась с сыном-героем. Казалось, мужчины не смеялись, они расстреливали своим смехом ту женщину, а заодно и меня. И я сорвалась.

— Да что вы знаете о слезах?! — закричала я на важных клиентов. — Вы хоронили кого-нибудь, когда ни слезинки не выдавить? Собственными глазами видишь, человек в гробу, но это не он, кто-то похожий на него! Информация не оседает в голове, потому что этого не должно быть, это невозможно! Этого не может быть, и этого нет!

Один из них поднялся.

— Девушка, я не танцую.

— У вас дети есть? — Остричь я не собиралась.

— Да не волнуйтесь вы так. Всё мы понимаем. — Второй тоже встал. Успокаивает — увидел, что иду на штурм.

— Понимаете?! Она жить не смогла, а вы — «плакать»! — Мне все еще казалось, что они обсуждали мать героя. — Скончалась она уже, полгода не протянула без сына! А вы о ней... Вас кто родил, растил?!

Я не помню, что говорила дальше. Подошел Артем, попытался увести меня от их стола.

Открылась дверь. В кафе вошел скукоженный от холода мужчина. Остановился, как-то растерянно оглядывая помещение. Все отвлеклись на него. Я замолчала, переводя дыхание. Мужчина поздоровался, сказал, что ищет Ларису. Это наш сушеф. Девочка-официант побежала в кухню. Появилась Лариса, на ходу поправляя колпак. Встала в наш полукруг. Приготовилась слушать.

— Я работаю в медколледже. Нас... мы... Мне вручить повестку надо, — запинаясь, сказал посетитель.

Бедные подневольные бюджетники. Их заставляют доставлять повестки по городу. Военкоматские не успевают.

— Вчера был по адресу, стучался, не открыли. Соседи сказали, вы недалеко работаете. Извините, распишетесь, что получили за сына повестку в руки? — Посыльный стал копошиться в сумке на боку. — Для подстраховки.

Меня холодом сковало: за сыном Ларисы пришли. Он всего год назад вернулся со срочной, служил поваром. Мы еще шутили: повезло. Если в мать, то простодушный парень. Живет отдельно, с девушкой, поэтому его не застали дома.

— Не бери в руки, имеешь право. — Артем заговорил громко, прикрыл руку Ларисы своей. ВИП-персоны с напряжением следили за происходящим. — Они должны вручить самому...

— Олегу.

— ...Олегу. Распишешься — повестка считается врученной. Доказывай потом, что это не его подпись. Сын должен будет явиться, иначе...

— ...судебное дело, — закончил мужчина из медколледжа.

На несколько секунд Лариса ушла в себя. Потом протянула руку:

— Где расписаться?

Посыльный обрадовался, даже не скрывая этого. Быстро передал военкоматский квиток. Присутствующие молчали.

— Он должен...

— Знаю, — резко оборвала его Лариса. — Там все написано.

Расписалась в судьбе сына. Развернулась и ушла в кухню.

Лариса сидела с повесткой в руке, оперевшись о стену спиной, ни на что не реагируя. Ее никто не трогал. Я села рядом, обмякнув после нервного срыва.

Артем принес нам какао. Он угощает персонал вкусным какао. Мы грели руки о свои бокалы, отхлебывали маленькими глоточками.

— Бабушка рассказывала, ей вручили повестку деда. Наверное, поэтому и я подписала. Дура! — обозвала себя Лариса.

Что я могла ей сказать? Лишь бы Олежек вернулся, иначе вдруг она не позволит себе жить, как и та женщина.

В последующие дни Лариса держала нас в курсе, что и как. Знакомые с ситуацией ребята просветили: не суетиться особо, главное — иметь крепкий бронезилет. Подключился Артем, нашел бронезилет, персонал скинулся, купили. Олег — стрелок, пока под Воронежем. Пока звонит. «Пойдет на задачу, не сможет звонить», — готовит Ларису к предстоящим треволнениям бармен. Не расстраивайтесь раньше времени, говорит, так бывает.

А я не могу не расстраиваться. Ставлю себя на место Ларисы и той женщины. Думаю, почему одни следуют долгу, вторые — укрываются за спинами первых. За себя-то ответить не могу, к какой группе сама принадлежу, тем более не могу объяснить, по какому принципу мы распределяемся на первых и вторых. Следовать долгу трудно, порою губительно, он тяжелый, требует жертв. А мы хотим, чтоб жертвовали не мы, ради нас. И страх понятен. «Почему мой, не ее?» «Я? Не сейчас, потом». «И вообще, я никому ничего не должен».

Время от времени взываю к богу Марсу и его замам, военкомам, спрашиваю, почему забираете? Нужны, отвечают, без них не управимся. А не управимся — всем будет плохо.

Елена БАСАЛАЕВА

У ДЕТЕЙ СВОЯ ВОЙНА

Экскурс в прошлое

Великая Отечественная война — одна из основных тем в современном российском информационном пространстве. Ей уделяют внимание власти всех уровней, ее освещают в средствах массовой информации, о ней рассказывают в школе и детском саду. К каждой годовщине Великой Победы на машинах появляются наклейки «Спасибо деду за победу» и «Можем повторить», по телевидению показывают фильмы о войне, на улицах проводят акции «Бессмертный полк», в магазинах продают пилотки и раздают георгиевские ленточки. Юбилеи Победы отмечаются особенно торжественно. Не так много времени — всего двадцать три года! — осталось до момента, когда мы сможем отметить столетие дня, когда была повержена нацистская Германия. По умолчанию предполагается, что подрастающее поколение, видя, как много мероприятий посвящено теме Великой Отечественной, проникнется уважительным и благоговейным отношением к ней.

На практике в СССР и постсоветской России отношение народа, включая детей и подростков, к Великой Отечественной не единожды менялось. Определялось оно многими факторами. Тема предстоящей большой войны стала разрабатываться в советской литературе с конца 1930-х годов. Появились произведения, которые описывали будущую войну как короткий победоносный поход. Советские средства массовой информации пытались внушить гражданам СССР мысль, что военные конфликты стране не страшны — противник будет разбит быстро, малой кровью и на чужой территории. Самым известным из подобных произведений является повесть Н. Н. Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне» (1939). И в первые послевоенные годы доминировали фильмы, представлявшие прошедшую войну как серию успешных сражений под руководством гениального полководца Сталина («Падение Берлина», 1949). Просчеты довоенной политики сближения с Германией, стратегические ошибки начала войны, реальные цифры потерь замалчивались, чтобы настоящая цена победы не шокировала людей. Парадную картину войны портили вернувшиеся с фронта калеки, у которых зачастую не оставалось ни дома, ни близких. Были разрушены сотни городов, тысячи деревень, горе пришло в каждую семью. Все силы государства были брошены на восстановление народного хозяйства. Миллионы жителей СССР оказались за чертой бедности. Бывшие фронтовики долгие годы после войны в качестве повседневной одежды носили гимнастерки. Широко праздновать День Победы в таких условиях было все равно, что сыпать соль на рану. Недаром 9 мая стало нерабочим праздничным днем только в 1965 году.

Трансформация художественного отображения великой войны

Память о войне зависит не только от официальной информационной повестки. Крупные исторические события начинают играть новыми красками по мере того, как отодвигаются от нас в даль прошедшего. Поэтому с течением времени безжалостные, натуралистичные строки поэтов-фронтовиков Иона Дегена, Семена Гудзенко, Бориса Слуцкого, пронзительные стихи Константина Симонова и Александра Твардовского уступили место очеркам и рассказам. Публикация в 1946 году повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» дала отсчет началу литературного направления под названием «лейтенантская проза».

Со времен так называемой хрущевской оттепели в конце 1950-х советские литераторы стали поднимать вопрос о том, что значила Великая Отечественная война не для целого народа, а лично для конкретного человека. В автобиографичных произведениях Виктора Некрасова, Григория Бакланова, Константина Воробьева, Василя Быкова и других писателей о ней говорилось не в героико-романтическом ключе советского официоза, а максимально искренне, с опорой на собственный фронтовой опыт. Не умаляя подвига героев, авторы «лейтенантской прозы» подвергли критике военную доктрину сталинизма, из-за которой солдат бросали на убой и в первые месяцы войны были потеряны огромные территории. Эти же писатели рассказали о проявлениях шкурничества и карьеризма, о конфликтах между командирами и подчиненными и вообще о таких сторонах войны, которые до наступления хрущевской оттепели было не принято освещать. При этом, показывая ужас и неприглядность войны, будучи максимально честными в ее освещении, Бондарев, Бакланов, Быков, Воробьев и другие прославляли мужество и духовную стойкость советского человека на войне, никогда не обесценивали принесенные на ней жертвы.

В брежневскую эпоху с середины 1960-х подвиг фронтовиков также не подвергался сомнению. Но все острее вставал вопрос о том, что делать с плодами победы детям, как жить спустя десятилетия после войны. Коммунистическая идеология уже плохо выполняла роль несущей опоры государства. Общность народов Советского Союза слабела. Практически единственным событием, которое воспринималось как общее дело всех советских людей, оставалась Великая Отечественная война. Один за другим стали сниматься киношедевры о войне, публиковались маршальские и генеральские мемуары, возводились новые музеи боевой славы, обелиски и монументы. Фронтовики получили социальные льготы и были окружены почетом. Продолжали выходить передачи, основанные на свидетельствах очевидцев, была опубликована «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина о массовом голоде в окруженном гитлеровцами Ленинграде.

Возникла противоречивая ситуация: с одной стороны, советским официозом насаждался героический миф о победе, с другой — общество, все более недовольное существующей политической системой, желало отторгнуть формализованный образ войны и узнать скрываемую правду о событиях 1941—1945 годов. Представление о войне как об абстрактном зле оформилось в социуме вследствие непопулярной советской войны в Афганистане в 1979—1989 годах.

Мировоззренческий кризис 1990-х

Развал СССР как великой державы не мог не повлиять на отношение к Великой Победе. В рубежные годы имелись или как минимум тиражировались иллюзии о том, что мы избавились от тягостного прошлого и вот-вот приобщимся к великой западной культуре, «вернемся в общий европейский дом» и со странами «развитого капитализма» теперь будем только дружить, торговать и сотрудничать.

В идущей на смену социалистической РСФСР капиталистической России все громче раздавались голоса, что цена за Великую Победу заплачена непомерно большая, что было проще сдать немцам и от этого наша страна стала бы наконец «культурной» и «европейской». Первыми ласточками кризиса в головах стали творческие люди. Советский писатель В. П. Астафьев в интервью газете «Правда» в 1989 году говорил о напрасных жертвах в блокадном Ленинграде: «Миллионы жизней — за город, за коробки?»¹ Вину за трагедию Виктор Астафьев возлагал на военачальников, извергами показывал замполитов, на фоне которых даже уголовники выглядели героями.

Слова известного писателя-фронтовика повергли в шок миллионы читателей: неужели Великая Отечественная война была просто чередой бессмысленных кровопролитий? Астафьевские идеи, переданные в романе «Прокляты и убиты», в постсоветские 1990-е годы широко использовались официальной пропагандой.

В 1991 году президент России Б. Н. Ельцин в прозападной эйфории заявлял о готовности России присоединиться к НАТО. Однако уже в 1993 году, после включения в эту организацию стран Центральной и Восточной Европы и приближения передовых баз НАТО к границам РФ, стало понятно, что она сохраняет антироссийскую направленность. Окончательно иллюзию дружественного отношения стран Европы к России развеял 1999 год, когда западный милитаристский блок в целях смены нелояльного ему режима под предлогом защиты прав человека вмешался во внутренние дела исторического союзника России — Югославии и начал массовые бомбардировки городов.

На заре XXI века культурная политика РФ сделала новый разворот. С благословения государства стали снимать картины, в которых необходимость Великой Отечественной войны подавалась как данность. Ценность победы более не оспаривалась, но сохранилось неприятие замполитов и высшего командного состава. В фильмах «Диверсанты» (2004), «Штрафбат» (2004), «Первый после Бога» (2005) они выглядят непригляднее представителей противника. Например, в «Штрафбате» продемонстрировано, как бегущих с поля бойцов штрафбата расстреливают «заградотряды» НКВД. Этот сериал продолжил моду на «грязную правду» о том, что войну выиграла осужденные. Когда эти фильмы увидели свет, автор заканчивала среднюю школу и помнит господствовавшие тогда в обществе настроения. Признавалось, что война 1941—1945 годов была страшна, жутка и кровава. Однако некоторые считали, что лучше бы ее не было — глядишь, после сдачи в плен войскам «просвещенной нации» мы бы осуществили евроинтеграцию и пили баварское.

¹ Воронина Т. Ю. О старом по-старому: блокада Ленинграда в литературе эпохи перемен. <http://intelros.ru/readroom/nlo/nlo137-2016/29493-o-starom-po-staromu-blokada-leningrada-v-literature-epohi-peremen.html>

После 2010 года возникла мода на патриотизм. Молодое поколение перестало отдавать предпочтение одежде с принтами USA, NY и California. Вновь стал пропагандироваться образ сильной и могучей России. До сих пор в ходу словосочетание «тучные нулевые». Однако российское благополучие тех лет было во многом иллюзорным. Благополучие населения относительно 1990-х выросло, потребительские расходы увеличились, но основной причиной этого стал рекордный рост банковского кредитования, мировых цен на нефть и газ. Росли энерготарифы, как минимум в два раза вырос чиновничий аппарат, зато в результате «оптимизации» уменьшилось количество учреждений здравоохранения.

Основные мировоззренческие проблемы не были решены. Как всегда неожиданно, обнаружилось, что в стране нет другой общей «духовной скрепы», кроме Великой Отечественной войны. Сам факт победы стал неким социальным клеем, который используется, чтобы скреплять, объединять всех членов нашего общества. С присоединением к России Крыма в 2014 году патриотические настроения еще более усилились, появилась надежда на укрепление страны, на позитивные социальные изменения. Однако законному чувству гордости за прошлое не хватало уверенности в настоящем. Чем больше времени проходит с победной весны 1945 года, тем сложнее становится донести до зрителя, особенно юного, что это была за война и какой ценой в ней выстоял советский народ. С годами истончается «мостик» из прошлого в настоящее. Герой современных фильмов о войне должен быть понятен и близок нынешнему молодому человеку, подростку. Каким нам сегодня показывают этого героя?

Образ героя в современных фильмах о войне

Первое, что бросается в глаза при просмотре современных (начиная с 2010 года выхода на экран) фильмов о Великой Отечественной войне, — идеальный внешний вид героев и особенно героинь. Считаю, живут в окопах, а форма с иголочки, обувь сияет, ни на ком ни царапинки! Например, в фильме «Танки» женщина, член экипажа, несмотря на то, что передвигается в лишенном бытовых удобств танке, предстает перед зрителями в идеально белой блузке. В сериалах «Снайперы: любовь под прицелом» (2012) и «По законам военного времени» (2015—2019) героини отличаются прекрасным макияжем и уложенными волосами. В известной киноленте «Т-34» (2018) герой и героиня, по сюжету фильма отсидевшие не один год в концентрационном лагере, тоже выглядят неестественно хорошо и здорово. Согласно западным лекалам, подчеркнутый эстетизм призван выделить обязательную для военных фильмов любовную линию (даже в ленте о концлагере «Собибор» она есть!) и подчеркнуть, что и на войне есть место для прекрасного, дабы костюмированные красавцы любили красавиц взаимной любовью и все заканчивалось хеппи-эндом.

Примечательно, что в современных военных фильмах немцы не так чтобы очень враги. С ними борются, но без ожесточения. Как Темные со Светлыми в книгах Лукьяненко или гвардейцы с мушкетерами в романах Александра Дюма-отца, которые враждуют, недолюбливают друг друга, но не сильно различаются. Настоящие враги, ушлые, постоянно вставляющие палки в колеса, — это особисты, садисты-смершевцы. А немцы что? Пришлось нашим прадедам с ними воевать, но в целом они ребята неплохие. У них красивая военная форма, ведут себя интеллигентно, уважительно. Галантны по отношению к дамам.

Поэтому наши киногероини не могут устоять перед обворожительными фрицами. Например, перед Алексом и Гюнтером из сериала «Снайперы: любовь под прицелом». В этом сериале постреливают, но не очень серьезно, вроде компьютерных танчиков. После чего герои и героини противоборствующих сторон, забросив игры в войнушку, предаются любви то в заброшенном здании, то в лесу. При этом немец Алекс признается русской девушке Кате, что он барон, а та чрезвычайно радуется его классово́й чуждости. Да и как не радоваться, когда жених интеллигентный, воспитанный и, наверное, богатый — не то что некоторые...

А если серьезно, получается, что отечественному зрителю продают гламурную картинку о Великой Отечественной войне, выхолащивая этическую составляющую. За кадром остается то, что герой-любовник и ему подобные пришли убивать советских людей, объявленных недочеловеками. Причем если рядовые гитлеровцы могли оказаться на войне по мобилизации, то немецкие аристократы и промышленники были идейными сторонниками фашизма и главными выгодоприобретателями войны, боролись с советским народом не за страх, а за совесть. Самое ужасное, что нам на голубом глазу с экрана преподносят высокие моральные качества офицеров-нацистов. Фильмов с подобным сюжетом (связь немца и русской) наштамповали немало. Характерный сериал — «Когда растаял снег» (2009), в котором немец-подводник Вальтер хорош хотя бы тем, что носит при себе томик стихов запрещенного в фашистской Германии поэта Генриха Гейне.

Если в сюжете современных кинолент нет любви между гитлеровским воином и русской разведчицей/снайпершей, значит, есть доброе чувство товарищества между нашими и вражескими бойцами. В фильме «Время собирать камни» (2005) немецкий сапер по доброй воле указывает советским коллегам, где его подразделение заложило взрывчатку. Почему? Из уважения к достойному противнику! В «Т-34» раненый танкист Ивушкин попадает в плен к немцам, где его всячески выхаживают. По ходу действия мы узнаем, что он семь раз пытался бежать из плена, но до сих пор жив. Немец-офицер стреляет в отчаянного беглеца при очередном побеге, пистолет дает осечку, но — удивительное дело! — «злбный фриц» вторую попытку не делает. Убежал, так убежал... Переводчицу Аню без особых проблем отпускают из немецкого концлагеря на волю. Ближе к финалу герой актера Александра Петрова подает руку нацисту Клаусу перед тем, как тот падает с моста. Дальше — больше! В фильме «Зоя» (2021) сентиментальный гауптман Зоммер сначала приказывает зверски мучить юную партизанку, но потом проникается к ней уважением, восхищается Зоиним мужеством и предлагает ей перейти на немецкую сторону. Да и как не восхищаться! Ведь она так храбро сражается за...

За что сражались советские люди?

Тут мы переходим к самому животрепещущему. За что сражаются на страшной кровавой войне современные киногерои? В фильме «Сталинград» (2013) бойцов больше судьбы города-героя на Волге интересует девушка Катя. В «Т-34» на переднем плане опять любовная история. В картине «Зоя» героиня откровенно говорит, что воюет за трамвайчик, булочку, за то, чтобы брат Шурка окончил школу... Это признание остроумно высмеивает блогер BadComedian².

² [BadComedian] — Зоя (Спасение рядового Иисуса). https://www.youtube.com/watch?v=nkH6C3_CX8

Однако многие зрители воспринимают слова киношной Зои всерьез. Аргументы просты: за что еще воевать, как не за милую сердцу привычную жизнь и родных?

Человеческое стремление вернуться к мирной жизни с ее простыми радостями объяснимо и понятно. Желание защитить родных и любимых тоже естественно. Но для победы в масштабной ожесточенной войне такой мотивации недостаточно. Потому что, если собственная семья (а тем более личное благополучие) для человека — единственная ценность, логичнее не воевать, а договориться. Не рвать на себе рубаху, пытаясь оказать сопротивление, не рисковать и жертвовать жизнью, а подумать о безопасности семьи. Этой логике следовал библейский Авраам, когда из соображений собственной безопасности сказал египетскому фараону, что Сарра — его сестра, а не жена, тем самым избежав неприятностей.

Некоторые из моих учеников спрашивают: «Разве нельзя было во время Второй мировой (символично, что российские дети и подростки редко употребляют термин «Великая Отечественная») остаться в стороне от этих кровавых событий? Не выступить ни на чьей стороне, отсидеться, скрыться за границей со всей семьей?» Школьникам старших классов часто привожу в пример гениальную повесть Валентина Распутина «Живи и помни», в которой герой стремился только к одному — уйти от войны, вернуться домой, а в итоге стал дезертиром и косвенным убийцей собственной жены и ребенка.

Я родилась в 1987 году и о событиях 1941—1945 годов могу рассуждать лишь теоретически. Но уверена: во время Великой Отечественной войны ситуация часто складывалась так, что нужно было или рискнуть своей жизнью (а то и заранее знать, что будешь убит), или обречь на верную смерть кого-то другого. В декабре 2021 года мы с учениками шестого класса ходили на фильм «Летчик». Эта кинолента отличается от многих современных фильмов о войне в лучшую сторону. Со мной было двадцать ребят, половина из которых после просмотра активно делилась впечатлениями. Более всего их поразили два момента. Первый — то, что хрупкий интеллигентный студент-медик Миша тащил волоком до своих главного героя. По мнению большинства, раненого летчика Мише следовало бросить в лесу и спасаться самому. Двое мальчиков и вовсе утверждали, что в фильме показана ложь: «На войне каждый сам за себя, это очень жестокое время», «Летчик уже воевать не мог, только мешал». В общем, продемонстрировали рассуждения в духе философии Ницше: «Падающего — толкни!» Я дала им жесткий отпор, но они стояли на своем. И тут мне сделалось страшно: не хотелось бы оказаться с ними, выросшими, рядом в трудной ситуации, тем более на войне...

Также учеников поразило поступок деревенского деда. Мало того, что он, подобрав в лесу еле живого летчика, притащил его на себе в избу и вместе с женой за ним ухаживал. Так дед до последнего скрывал его и партизана Мишу от нацистов, отвечая по поводу насторожившего их шума, что в погребе никого нет — там скребется крыса. Школьники были сильно возмущены, когда тайна раскрылась и старика со старухой повесили посреди деревни. «Они же не виноваты! Они жили своей жизнью, а впутались в это дело и пострадали ни за что», — сокрушалась одна девочка. Я объяснила ей, что во время войны позиция «моя хата с краю» невозможна — требуется сделать свой выбор...

Логика самосохранения подсказывает: сначала спрячь, обмани, притворись, а потом — «умри ты сегодня, а я завтра». Но если стремиться спасти только

свое, личное, возникает риск стать предателем. Василь Быков красочно описал этот процесс в повести «Сотников». Партизан Рыбак был удачливым, ловким бойцом, он не отсиживался в тылу и честно сражался с нацистами. Но в определенный момент Рыбак допустил мысль: если умрет его товарищ Сотников, это будет хорошо. Затем Рыбак выдает полицаям, где находится партизанский отряд Дубового. Чужой, не свой, отряд вроде не жалко. С этого поступка дальнейшего нравственное падение антигероя становится очевидным.

Сегодня многим российским подросткам и взрослым не очевидно, что в долгие страшные 1941—1945 годы наши предки воевали не только за своих близких, но и за незнакомых соотечественников, за всю страну. Воевали не каждый отдельно за свое, а все вместе против одной угрозы. Автор опубликованной в 2019 году книги «За что сражались советские люди?» историк и публицист А. Р. Дюков подчеркивает: сейчас забывается, какие страшные вещи творились на оккупированных территориях, что война шла на уничтожение и порабощение нашего народа — и этот факт забвения сравним «с ужасом поражений летом и осенью сорок первого»³.

Александр Дюков пишет: «Книги и статьи, оправдывающие оккупантов и очерняющие сопротивлявшихся им людей, появляются все чаще и чаще; общепотребительными стали рассказы о том, что оккупационный фашистский режим был с радостью встречен населением, что при оккупации жилось лучше, чем при советской власти, что сотрудничество с нацистами было предпочтительнее поддержки Сталина. Более того — сам факт проведения нацистами истребительной политики против народов СССР уже ставится под сомнение!»⁴ Книга Дюкова убедительно показывает: в этой войне никак нельзя было забрать семью и спрятаться в тихом, надежном месте. Предстояло воевать против фашистов не на жизнь, а на смерть.

Хороший, плохой, злой

Потрясающая книга А. Р. Дюкова так ярко и доказательно живописует зверства нацистов на оккупированных территориях СССР, что не остается сомнений в том, кто был прав, а кто виноват. Она развеивает миф о том, что насиловали, вешали, выкалывали глаза, избивали, жгли только эсэсовцы, но не военнотруженики вермахта.

Гитлер говорил: «Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюдением, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить. Это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитии ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви!»⁵

Точка зрения, что тяжесть немецко-фашистских преступлений ложится на СС и гестапо, а «простые» немецкие оккупанты не виноваты, преобладает в большинстве современных российских военных фильмов. Наглядно демонстрируют отношение к нашим соотечественникам как к унтерменшам, недостойным

³ Дюков А. Р. За что сражались советские люди? <https://www.litmir.me/br/?b=86804&p=1>

⁴ Там же.

⁵ Нюрнбергский процесс. Портал «История России, всемирная история». http://www.istorya.ru/articles/vov/vov_93.html

уважения и самой жизни, выдержки из переписки «простых» воюющих в СССР немецких солдат с фатерляндом.

Чтение немецких писем этого исторического периода избавляет от иллюзии, что военнотружущие вермахта о людоедских планах своего руководства не знали и против России ничего не имели. Например, ефрейтор Феликс Кандельс пишет другу: «Пошарив по сундукам и организовав хороший ужин, мы стали веселиться. Девочка попала злая, но мы ее тоже организовали. Не беда, что всем отделением... Не беспокойся. Я помню совет лейтенанта, и девочка мертва, как могила...» Геббельсовская пропаганда работала исправно — у женщин в Германии тоже складывалось впечатление о русских как о недочеловеках: «Мой дорогой Ганс, сегодня я была счастлива получить снова от тебя письмо... Недельные обозрения хорошо показывают нам, какие они там ужасные, что с трудом можно их смотреть. Это прямо позор, что такой отвратительный сброд живет на этой земле, даже когда видишь ужасные лица пленных, то становится противно от этих рож»⁶.

Главный ужас Второй мировой заключался в том, как быстро простые германские обыватели теряли человеческий облик. Вирус фашизма проник в сознание немецких граждан, настроил их на истребление других народов. И о процессе этого шокирующего превращения лучше самих немцев не расскажет никто.

Очень показательны книги Эриха Марии Ремарка. Этот немецкий писатель не включен в школьную программу, но современные российские подростки с 6-го по 11-й класс с удовольствием читают «Трех товарищей», «Триумфальную арку», «Черный обелиск» и «Время жить и время умирать». Школьникам духовно близок и понятен герой Ремарка — неплохой одинокий человек, не знающий семьи и дома, пытающийся прорваться к счастью. Он не одобряет фашизм, но лишен опоры в жизни и не знает других ориентиров. Растерянность немцев после поражения в Первой мировой войне, грабительских аннексий и контрибуций, а также крушения Веймарской республики созвучна настроениям в нынешнем российском обществе. Парадоксально, но факт: сегодняшним подросткам проще понять людей, живших в Германии накануне Второй мировой войны, нежели соотечественников этой поры.

Однако Ремарка читают только «продвинутые» подростки. Большинство черпает свои представления о тех временах из кинолент. Благородный образ врага в современных военных фильмах вызывает закономерный интерес к немецкому военному искусству и военной технике, а также к германским солдатам. Прежде чем ужасаться тому, что потомки победителей с вниманием, а то и с симпатией относятся к тем, кто хотел нас уничтожить, попробуем разобраться в причинах этого явления. Первая причина очевидна: чем дальше отодвигаются от нас события Великой Отечественной войны, тем меньше живых свидетелей войны. Многие мировоззренческие парадигмы, очевидные для старшего поколения и даже моих ровесников, для современных подростков не очевидны.

Другая причина прохладного отношения подростков к подвигам дедов и прадедов в 1941—1945 годах состоит в том, что патриотизм предков современной молодежи непонятен. Для советских людей патриотизм был органичен, потому что они воочию видели строящиеся города, развитие науки, рост промышленности. Советский человек в массе своей верил, что государство работает в его интересах. Он знал, что получит образование, работу и жилье за то, что

⁶ Андреев А. Вторая мировая война в письмах немецких солдат. <https://pandia.ru/text/80/197/2253.php>

трудится для Родины, и был готов добровольно ее защищать. В противоположность этому уже мое поколение (рожденные в 1980-е) воспитывалось в убеждении, что каждый сам за себя, что от государства не стоит ждать поддержки и даже друзьям нельзя верить.

Благо по сравнению с тем периодом, когда я училась в школе (1994—2004), нынешнее время принесло позитивные перемены. Стало очевидно, что в странах Западной Европы и в США нас никто не ждет и там есть свои трудности, начали воспитываться уважение и интерес к истории своей страны. Однако коллективизм советских людей (о котором я сужу по рассказам старших знакомых, по фильмам и книгам советских времен) непонятен большинству моих сверстников и ребятам, которые сейчас учатся в школе. Утеряна связь между поколениями. Воевавшие и просто заставшие войну прадеды предстают перед большинством современников как представители ушедшей эпохи, носители иного мировоззрения, не такие, как все.

Благодаря поделкам российской массовой культуры Великая Отечественная война видится непритязательным школьникам как спортивное состязание, в котором участники играют по правилам. Причем сражаются один на один. Картины такого плана — «Т-34», «Несокрушимый», «Крепкая броня», «Танки». Так, в фильме «Т-34» мы видим поединок немецкого танкиста с русским. Пусть русский танкист не уступает немецкому в храбрости, уме и других положительных личных качествах, немецкое вооружение очевидно превосходит русское. А если не видно разницы между личными качествами бойцов, выигрышное впечатление производят те, у кого армия «четче» и «спортивнее». Сейчас растет поколение индивидуалистов, им чуждо понимание того, что выстоять мы могли только потому, что «...нам нужна одна победа. Одна на всех — мы за ценой не постоим».

Об этом подробно пишет блогер Виталий Илинич: «...людям хочется выигранных дуэлей, без влияния внешних факторов, ведь только так можно “попацански” выяснить, кто сильнее. Но война — не спортивное соревнование. В ней свои правила, очень многосторонние и понятные не каждому»⁷. В качестве причин «гламурной немцефилии» автор приводит интерес к запретному плоду, каковым являлся на протяжении десятилетий фашизм, установку «все немецкое — качественное» и симпатию к красивой немецкой военной форме («Мундир, один мундир...» — верно подметил еще А. С. Грибоедов).

Герой нашего времени

Каждый год я, как учитель, показываю школьникам видеоролики о событиях Великой Отечественной войны, рассказываю о блокаде Ленинграда, Хатыни, Сталинградской битве. Это предусмотрено планом воспитательной и учебной работы общеобразовательных учреждений. Но современных детей все меньше трогают рассказы о героях, о подвигах наших предков. Большинство из них равнодушно к песням и стихотворениям военных лет. Им, за редким исключением, неинтересны стихи Александра Твардовского про приключения Василия Теркина. После бесед с другими учителями я поняла, что это общая проблема: детям показывают ужасы блокады, а они скучают и смотрят в телефон. Более того, стоит только объявить, что предстоит урок или какое-либо мероприятие на военную тему, как они недовольно восклицают что-то типа «Опять это старье!».

⁷ Илинич В. О том, почему подростки становятся гитлеропоклонниками. <https://mikhael-mark.livejournal.com/1069376.html>

Такое равнодушие и отрицание вызвано тем, что современные школьники не ассоциируют себя с бойцами Красной армии в Великую Отечественную войну. Ребятам непонятен подвиг 60-летнего генерала инженерных войск РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) Д. М. Карбышева, который, как его ни склоняли к переходу на сторону вермахта (предлагали звание генерал-лейтенанта, квартиру и полное материальное обеспечение), предпочел предательству страшную смерть от обливания водой на морозе. С точки зрения некоторых учащихся, Дмитрию Михайловичу надо было поступить по знаменитому совету Савельича из «Капитанской дочки»: «Не упрямясь. Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... тьфу! Поцелуй у него ручку».

Недоумение детей может вызвать и подвиг летчика-истребителя Алексея Маресьева (его образ лег в основу фильма «Летчик»), который вследствие ранения и обморожения лишился ступней обеих ног, но нашел в себе силы снова летать и сбивать вражеские самолеты. Дескать, он уже достаточно повоевал, зачем лезть на рожон? Такая же ситуация с Зоей Космодемьянской. Величие подвига девушки нынешнему подростку невозможно осмыслить. Ведь все его цели индивидуальные. Конечно, в школе ведется воспитательная работа, подразумевающая командообразование, каждый июнь классные руководители пишут отчеты, как они сплывали подопечных в минувшем учебном году. Но поскольку нет предпосылок и условий для его создания, настоящего коллектива школьники собой не представляют. Нет совместного труда, общих целей и задач. Современная семья тоже не пример дружной, слаженной жизни. Сегодня даже на дачу мало где выезжают все вместе. По этой причине работа на общие цели какого-то коллектива или всего социума вызывает глубокое недоумение ребят. Поэтому им так сложно понять и принять психологию советских людей, вообще людей другой эпохи.

Выше я писала об интересе нынешних подростков к Э. М. Ремарку и вообще немецкой стороне во время Второй мировой. Когда на уроке мы с семиклассниками прочитали несколько писем немцев, воевавших в СССР с 1941 по 1945 год (я сделала специальную подборку из книги А. Р. Дюкова), это вызвало у ребят шок. Они стали задавать вопросы о том, как могло получиться, что люди, жившие в развитой европейской стране, неизвестно по какому праву пришли к выводу, что каждой немецкой семье полагается по четыре русских раба-унтерменша. «Ведь они не сами так решили! Они только согласились с этим», — стали оправдывать немцев ребята. Тут мне пригодилась цитата из любимого подростками Ремарка. В одном из первых эпизодов книги «Время жить и время умирать» к немецким бойцам приходит из лесу пес, который уже какое-то время питается мертвечиной, и один из солдат, Фрезенбург, утверждает, что все они людоеды, такие же, как эта собака: «Мы, как и он, воображаем, что мы хорошие. И нам, как ему, хочется немножко тепла, и света, и дружбы»⁸. Далее Фрезенбург говорит, что солдат вермахта нагло обманывали: «Подчиняться каждому дураку, каждому шарлатану, каждому приказу — разве это значит быть нацией господ?» Главный герой книги Гребер спрашивает у товарища: «Если тебе все ясно, то почему ты здесь?» Фрезенбург отвечает: «Почему я здесь? Вместо того чтобы сидеть в концлагере? Или быть расстрелянным за уклонение от военной службы?»

⁸ Ремарк Э. М. Время жить и время умирать. <https://www.litmir.me/br/?b=23102&p=7>

Закономерно возникает вопрос: был ли у немецких солдат Второй мировой реальный выбор? Мнение моих школьников разделяется. В итоге мы согласились: выбор трудный, но он был. Осуждение войн в толстовском духе «непротивления злу насилием» популярно в молодежной среде. Поэтому немцы, которые уклонились от участия в войне против СССР, воспринимаются ребятами как герои. Поскольку им хочется верить, что во времена Второй мировой были «хорошие» немцы, не поддерживавшие политику Гитлера, рассказываю о них.

Например, Георг Эльзер, террорист-одиночка, совершил в 1939 году неудачное покушение на Гитлера. Лотар Крейссиг, немецкий церковный деятель и судья, открыто выступил против политики нацистов и был ими уволен за противодействие евгенической программе «Т-4». Название этой программе дал адрес дома, в котором она разрабатывалась, — Тиргартенштрассе, 4. Согласно этой программе уничтожению подлежали все, кто болел более пяти лет, дети, у которых наблюдались наследственные физические или психические патологии, а также люди с неизлечимыми психическими болезнями. Руководство рейха при осуществлении программы «Т-4» ссылалось на мнение медиков, которые полагали, что узаконенное убийство больных людей — благо, поскольку прекратит страдания несчастных.

Протестантский пастор Мартин Нимеллер поначалу поддерживал Гитлера, однако после того как в 1935 году начали действовать «Арийские параграфы» (то есть в уставы образовательных, спортивных и других организаций включили пункт, согласно которому в них запрещено было находиться евреям), пересмотрел свои убеждения и стал критиковать политику фюрера. За свою смелость он был арестован и брошен в концлагерь Дахау, где провел шесть лет, пока его не освободили американские войска.

Немцы, которые отправились на войну, но не хотели воевать, находили способ начать бороться с фашизмом. Так, помощник командира пулемета Хайнц Кесслер в самом начале войны, 15 июля 1941 года, перешел в расположение частей РККА и в течение всей войны занимался антифашистской пропагандой, проводил радиопередачи для немецких частей. После войны Кесслер вступил в Социалистическую единую партию Германии, стал председателем Союза немецкой молодежи и до распада СССР сотрудничал с нашей страной, пока новые немецкие власти в 1993 году его не отстранили. Еще более известен ефрейтор Альфред Лисков, сдавшийся советским пограничникам и сообщивший о готовящемся немецком вторжении. Лисков также участвовал в советской пропагандистской кампании.

Большой интерес школьников вызывает история подпольной немецкой молодежной организации «Белая роза» во главе со студентом Гансом Шоллем и его сестрой Софи и антигитлеровское молодежное движение «Пираты Эдельвейса». «Белая роза» была организована в 1942 году и состояла всего из девяти постоянных членов, один из которых (Александр Шморель) был эмигрантом из России. Молодые люди писали и распространяли антигитлеровские листовки, писали на зданиях в Мюнхене «Долой Гитлера!» и «Свобода!». Трое студентов — Софи, Ганс, Кристоф Пробст — были схвачены и казнены после трех дней допросов и пыток. «Пираты Эдельвейса» представляли собой молодежную субкультуру, которая зародилась во второй половине 1930-х как стихийный бунт против официального гитлерюгенда. Чтобы не вступать в ряды молодежной организации НСДАП, ребята попросту бросали школу. Совсем юные (14—18 лет) «пираты» протестовали против скучной муштровки и монотонной формы

юных гитлеровцев, предпочитая пикники на природе, песни под гитару (иногда русские!) и яркие одежды со значком эдельвейса на рукаве. Формами протеста чаще всего были драки с членами гитлерюгенда и разрисовывание стен, однако некоторые из «пиратов» с началом войны прятали дезертиров и русских военнопленных, разносили по почтовым ящикам антифашистские листовки. «Пираты Эдельвейса» были зачастую связаны с уголовниками, устраивали набеги на продуктовые склады, поэтому в Германии после войны о них предпочли забыть, назвав обыкновенными хулиганами. Однако в 1944 году тринадцать ребят из этого движения были повешены по прямому указанию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, немало других попало «на перевоспитание» в концлагеря.

Старшее поколение может недоумевать и возмущаться: зачем рассказывать об образцово-показательных немцах, когда в российских городах каждая вторая улица названа именем советского героя войны? Объяснение лежит на поверхности: в гитлеровской Германии было очень сложно выживать антифашистам. Чтобы донести до нынешних школьников, сколько мужества требовалось для противостояния нацистской идеологии, нужны яркие и как можно более близкие им примеры. И тогда, рассказывая о «Белой розе», можно говорить и о «Молодой гвардии» Фадеева, изучение которой с 2023 года возвращается в школьную программу.

Прежде чем заговорили пушки, с приходом в 1933 году к власти нацистов в Германии началась мощная информационная кампания. Пропаганда национал-социализма включала в себя общественные мероприятия, контроль над книгоизданием, выпуск «идеологически выдержанных» фильмов для разных возрастных категорий, учреждение массовой молодежной организации гитлерюгенд для мальчиков от 10 до 18 лет. Для девочек существовал такой же направленности Союз немецких девушек. Чтобы оправдать планы экспансии на восток и человеконенавистническую политику национал-социалистической рабочей партии Германии, официальная пропаганда утверждала, что страна перенаселена. Кроме того, на шее «избранной арийской расы» висят «неполноценные» этнические и социальные группы (славяне, цыгане, евреи, безнадежно больные и инвалиды). Все инструменты массовой культуры и СМИ (скульптура, живопись, газеты, журналы, радио) использовались для поддержки и распространения национал-социалистической идеологии.

Если бы вышеупомянутые идеи были совсем чужды немцам, то не нашли бы широкого распространения. Одно дело — иметь склонности и особо их не проявлять, другое — активно поддерживать режим. При тогдашнем пропагандистском прессинге действительно нужно было быть умным, стойким, смелым человеком, чтобы, во-первых, осознать лживость этих убеждений, а во-вторых, оказать им сопротивление. С этой точки зрения советский пропагандист немец Кесслер — истинный герой информационной войны.

Искажение истории как элемент гибридной войны

В России велись и продолжают вестись сражения за умы граждан. С достойным лучшим приложением размахом звучат призывы переименовать День Победы в День примирения или День скорби. Общеизвестно выступление школьника Николая из Уренгоя, призвавшего одинаково скорбеть как по погибшим во Второй мировой войне борцам с фашизмом, так и по их противникам. На Западе договариваются до того, что СССР в той войне был агрессором.

Якобы Советский Союз готовил нападение на Третий рейх, не освободил многие страны Европы от фашизма, а стал оккупантом Прибалтики и других стран Восточной Европы, прервавшим их «сытую, спокойную» жизнь под крылом нацистской Германии.

Против празднования Дня Победы высказывались политики Алексей Навальный и Любовь Соболь, артист Максим Виторган, эмигрировавший в Великобританию бизнесмен Евгений Чичваркин и другие известные в нашей стране люди. Делается акцент на том, что стоит сочувствовать жертвам войны с обеих сторон, что на войне нет правых и виноватых — все одинаково пострадавшие. Получается, в отношении к Дню Победы есть две крайности: с одной стороны, либералы с их примирением ужа с ежом, с другой — лишённое глубины официальное преподнесение 9 мая как дня национальной военной гордости и милитаризма (вспомним хотя бы наклейки «Можем повторить!»).

Эти идеи муслируются в российском информационном пространстве не одно десятилетие. Стоит ли удивляться тому, что наши подростки идеологически дезориентированы и им трудно сформировать собственное отношение к событиям Второй мировой войны.

Важность информационного фронта недооценивать нельзя. Вспомним, как герой романа Ремарка «Тени в раю» эмигрант Роберт Росс нанимается в Голливуд консультантом на съемках фильма о нацистской Германии. Он пытается объяснить режиссеру, что эсэсовцы, которые каждый день убивали сотни людей в концлагерях, были не звероподобными чудовищами, а ответственными, гордящимися своим «трудом» работниками, до мозга костей убежденными в правоте национал-социалистических идей. Несмотря на старания Росса, фильм получился сделанным по лекалам ковбойских вестернов: «Та же гангстерская мораль, те же банальные ситуации, когда противники одновременно выхватывают пистолеты и каждый старается выстрелить первым. Все это по сравнению с тем, что происходило в Германии, с ее бюрократически рассчитанными убийствами, с воем бомб и грохотом орудий, производило впечатление безобидного фейерверка»⁹. Американскому режиссеру выгоднее представить на экране Вторую мировую войну несерьезной игрой. Так фильм станет занимательнее, будет лучше смотреться и покупаться, а значит, принесет больше денег.

Наверное, и российские фильмы о войне без кровавых комиссаров, садистов-особистов, пьяных солдат, изнасилований и братания с фашистами будут не так зрелищны и европоцентричны. Многие отечественные киноделы не столько сознательно ориентируются на западного «заказчика», сколько сами глубоко прониклись «международными гуманитарными ценностями», не умеют и не хотят снимать иначе. Да и наш молодой потребитель уже воспитан на таком «продукте». Как бороться с этой угрозой?

Что стоит смотреть

Многие советские фильмы о войне великолепны по замыслу, сюжету и игре актеров. Но для подрастающего поколения они недостаточно динамичны, слишком стабильны и размеренны, а советские киногерои кажутся нереалистичными. Один мальчик объяснял мне: «Советские люди слишком правильные, как роботы».

⁹ Ремарк Э. М. Тени в раю. <https://readli.net/chitat-online/?b=107969&pg=26>

Правдивые современные фильмы о Великой Отечественной войне, которые стоит показывать детям, тоже есть. Среди них упомянутый «Летчик» (2021), «28 панфиловцев» (2016), «Подольские курсанты» (2020).

И в этих картинах герои-панфиловцы или летчик Алексей Маресьев могут показаться слишком идеальными, но компьютерные эффекты, яркий визуальный ряд, привычно быстрая смена кадров смогут расположить к себе требовательного юного зрителя. Поэтому хорошие новые фильмы о войне нужны. Они, как и книга Дюкова «За что сражались советские люди?», доходчиво расскажут о чувстве долга, верности своей Родине и не оставят зрителя равнодушным.

Интерес к событиям Второй мировой войны 1939—1945 годов в нашем обществе не ослабевает. Есть он и у подростков. Просто у них он иной, чем у людей старших поколений, и выражается иначе. Школьные учебники истории дают только голые факты, из которых непонятно главное: какое отношение эта война имеет к каждому читателю и имеет ли вообще. Если мы хотим, чтобы Великая Отечественная была для ребят значимым событием, надо не только говорить о статистике, но и показывать фотографии из семейных архивов, рассказывать личные истории, память о которых сохранилась во многих семьях. Если это вызывает отклик, можно рассказать об антифашистском движении Сопротивления, о Хайнце Кесслере; прочитать, обсудить книги Ремарка и Экзюпери. Подойдет все, что не искажает историю, что способно красочно передать мысли и чувства живших в те времена людей, что поможет школьнику вырасти смелым, сознательным и ответственным членом российского общества.

Для этой цели годятся не только произведения военной тематики, но и любые рассказы, повести, фильмы, где герою необходимо делать нравственный выбор между подлостью и честностью, равнодушием и участием к ближнему, эгоизмом и самоотверженностью. Тема подвига советского народа в Великой Отечественной войне достойна всяческого уважения и всегда актуальна. Но внимание к ней не привьешь искусственно. Слащавое славословие в новостях на День Победы или демонстрация очередной дежурной киноподделки только отобьет у молодого человека желание погружаться в эту тему. Да, Пушкин сказал: «Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности». Но, кланяясь до земли всем, кто воевал против фашизма, мы должны понимать, что этот подвиг совершил другой народ — советский. Мы — российский народ — сильно отличаемся от него.

Будущее зависит от всех нас

Я питаю надежду на то, что поколение нынешних молодых людей и подростков сможет стать свободнее и сильнее. Дети, выросшие во времена финансовых кризисов, стрельбы в школах и терроризма, чутко реагируют на происходящее и привыкают самостоятельно размышлять о настоящем и будущем. Пусть их выводы бывают поспешны и неверны, главное — привычка к осознанности, а еще — интерес к собственной стране, имеющий шансы перерасти в искреннее уважение и осознание себя русским человеком. Когда школьницей была я, мы воспитывались на западной видеопродукции. Постоянно и всюду мы слышали о прекрасной прогрессивной Америке, которая противопоставлялась в бозе почившему отсталому «совку». Мое поколение и люди чуть старше — в основном поколение либералов, главными ценностями которых

являются неприкосновенность личной жизни, защита частной собственности, индивидуализм и плюрализм. Именно эти люди, вступившие в пору среднего возраста, создают вышеописанные фильмы о Великой Отечественной войне, в которых герой действует не вместе со всем народом, а сам по себе во имя своеобразно понимаемой им свободы.

Кроме работы в школе, будучи преподавателем молодежной литературной студии, я общаюсь с подростками, юношами и девушками 18—23 лет. Среди них уже не так, как среди моих сверстников, популярен культ личных достижений и успешности. Они доброжелательнее относятся к людям с отклонениями в развитии и ограниченными возможностями здоровья. Они хотят заниматься не тем, что престижно, а тем, что им нравится. Многие из них очень эгоцентричны (сказывается влияние родителей), но немало и тех, кто высоко ценит дружбу и хотел бы жить в мире, где человек человеку — друг, товарищ и брат, а труд не отчужден и интересен. Изрядная часть ребят постарше симпатизирует левым идеям. Такие представители молодого поколения с симпатией относятся к СССР, но в поисках идеалов больше ориентируются на зарубежные образцы. Они глубоко уважают подвиг героев Великой Отечественной, но им недостаточно ретроспективной гордости за прошлое. Самые развитые и совестливые из них понимают, что впереди новые битвы и строительство нового мира, в котором они будут принимать самое непосредственное участие.

Один из моих любимых учеников Саша С., когда я упрекнула его, что он невнимательно смотрит ролик о Великой Отечественной, честно парировал: «Елена Михайловна, у нас просто будет своя война». Боюсь, его слова могут оказаться пророческими. Нынешняя политическая ситуация показала, что времена стабильности прошли. Древнегреческий философ Платон писал: «Сильные люди создают хорошие времена. Хорошие времена рождают слабых людей. Слабые люди создают трудные времена». Я думаю, что, когда поколение современных подростков войдет во взрослую жизнь, его будет ожидать немало серьезных, возможно, жестоких испытаний. Наша задача — помочь им с ними справиться. Для этого нужно быть честными с современными молодыми людьми, рассказывать о героях, которые могут стать для них примером и моральным ориентиром, будь это соотечественники или жители других государств. И тогда мы обязательно найдем взаимопонимание.

Литературная премия «Иду на грозу»

Леонид ТЕРУШКИН

«...И НА ИХ ПРИМЕРЕ ВОСПИТЫВАТЬ МЕДИЦИНСКУЮ МОЛОДЕЖЬ»

И. Б. Фридлянд — врач, фронтовик, ученый

Семейные архивы хранят интереснейшие сведения о событиях недавней истории и судьбах тысяч людей. Как погибших, так и тех, кому посчастливилось остаться в живых. То, что поступило в государственные архивы, обязательно будет изучено и введено в научный оборот. Но этим документам уже сейчас обеспечены сохранность, оцифровка и надлежащие условия хранения. А вот уникальные порой документы, хранящиеся дома (на дачах, на антресолях и т. д.), подвержены опасности физической утраты и забвения... Причем нас, историков-архивистов, исследователей прошлого, беспокоит не только это. Часто интереснейшие документы попадают к нам без всякой возможности получить комментарии, узнать подробности об отправителях и адресатах писем, авторах воспоминаний, дневников, о биографиях и судьбах людей. Старшее поколение покинуло сей мир, а потомки часто не интересуются вышеперечисленным или делают это слишком поздно...

В рамках данной статьи хочется привести обратный пример, рассказать об изучении документов и восстановлении биографии интереснейшего, незаслуженно забытого человека, ученого-медика, фронтовика Иосифа Бенциановича Фридлянда (1907—1981).

Его сын М. И. Фридлянд, по специальности тоже врач, на протяжении многих лет изучает и восстанавливает архив своего отца. По его словам, «...текст воспоминаний был готов к концу 1960-х годов, но попал мне в руки после 2000 года, через 20 лет после смерти автора. Прошло еще много лет, прежде чем я дозрел до оцифровки семейных архивов. Очень жалею, что много информации потеряно безвозвратно, поэтому хочу сохранить оставшуюся в такой форме, чтобы она была доступна другим».

Личный фонд И. Б. Фридлянда в составе архива научно-просветительного центра «Холокост» включает воспоминания, военные дневники, переписку, фотографии времен Великой Отечественной войны и послевоенного периода. Было бы сложно, если не невозможно погрузиться в особенности и детали практической и научной деятельности И. Б. Фридлянда, подробности его биографии без консультаций, пояснений его сына.

Немного биографии

Иосиф Бенцианович Фридлянд родился в 1907 году в местечке Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии. Внук раввина Мордехая Фрида, погибшего в Минском гетто в 1941—1942 годах. Мать Хася Мордуховна Фридлянд (урожденная Фрид), отец Бенциан Семенович Фридлянд.

В 1919—1924 годах Иосиф обучался в школе второй ступени в городе Сердобске, в 1927—1931 годах — во Втором Московском медицинском институте (ныне Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова).

Хочется отметить, что в 1927 году И. Б. Фридлянд поступал и был принят сразу в три института, в том числе физико-математический и медицинский, так как в вузы можно было подавать копии документов. После этого он пошел за советом к своему дяде Семену Марковичу Фриду, врачу и ученому, служившему врачом в Русской императорской армии и в Красной армии во время Гражданской войны. С. М. Фрид сказал, что математика, конечно, вещь интересная, но в такое время прокормить может только медицинский диплом. В данной среде семейные традиции в отношении профессии врача весь XX век были очень устойчивыми и сильными.

Специальность, которую выбрал молодой ученый — биохимия, заключается в изучении химических процессов, происходящих в живом организме и обеспечивающих его существование. В 1931 году молодой человек окончил медицинский вуз и был оставлен в аспирантуре на кафедре биологической и органической химии у профессора Бориса Ильича Збарского. Окончил аспирантуру в 1934 году, после чего был направлен в открытый в 1932 году Архангельский медицинский институт. Здесь Фридлянд с июля 1934 по июль 1937 года работал ассистентом на кафедре биохимии под руководством профессора Лазаря Давидовича Кашевника (первый зав. кафедрой биохимии с 1933 по 1939 год). Иосиф Бенцианович провел экспериментальное исследование и собрал основной материал по актуальной теме — скорбут (цинга). Работа завершилась в 1939 году защитой кандидатской диссертации «К вопросу о белковом обмене при экспериментальном скорбуте». Проблема была весьма актуальная и на биохимическом уровне малоизученная. К этой теме И. Б. Фридлянд время от времени возвращался на протяжении многих лет. С 1937 года до начала Великой Отечественной войны молодой ученый работал ассистентом на кафедре биохимии Второго Московского медицинского института. В 1939—1940 годах обучался в вечернем институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

Супруга Иосифа Бенциановича Нинель Григорьевна Фридлянд-Приворотская родилась в 1923 году в Москве. В 1941 году окончила 586-ю школу

И. Б. Фридлянд. 1945 г.

и была принята во Второй Московский медицинский институт. В этом же году уехала в город Киров в эвакуацию вместе с родителями. С августа 1941 по февраль 1942 года обучалась на курсах медицинских сестер при Кировском обкоме Красного Креста, затем работала в госпитале, после чего добровольно вступила в ряды Красной армии. С апреля 1942 по июль 1945 года служила на должностях рядового и сержантского состава (сначала разведчиком и санитаром, потом связистом и радистом) в 54-й зенитной артиллерийской дивизии Особой Московской армии ПВО. В 1945 году вернулась во Второй ММИ, который окончила в 1951 году. После окончания института с февраля 1953-го работала подростковым психиатром в психоневрологическом диспансере № 12. В 1991 году выехала с семьей дочери в Израиль, где умерла в 2001 году.

Н. Г. Приворотская. Июнь 1942 г.

Письма с фронта и на фронт

Сохранилась переписка И. Б. Фридлянда, характеризующая его отношения с родственниками и друзьями. Из письма коллегам по Второму ММИ (январь 1942 года):

«...Несколько дней тому назад я думал, что буду иметь возможность внезапно появиться перед изумленными биохимиками: в Москву летел “Дуглас”, и я получил разрешение на полет. Из-за плохой погоды полет задержали, а в день полета началось наступление нашей армии. Идут тяжелые бои. Немцы за все цепляются — не хотят уходить с нашей земли. Но Победа — наша! Вместо Москвы я попал на передний край и только сегодня получил возможность отдохнуть немного и ответить на целый ряд полученных писем, а также написать Вам. Служу в армии в звании майора м/с армейским специалистом (токсикологом) и благодаря этому довольно хорошо знаю медицинский состав армии. Я не встречал дивизии, где бы не было воспитанников 2[-го] ММИ. С ними я особенно радостно встречаюсь, а от последних выпусков узнаю о жизни нашего института, который после армии является наиболее близким мне учреждением». Далее три строки зачеркнуты военной цензурой.

«Если эта боевая операция для меня окончится благополучно — думаю, что увидимся. Мне только что сообщили, что один из моих товарищей сегодня погиб, в связи с этим я вспомнил о наших воспитанниках — врачах 2[-го] ММИ, которые сложили головы за независимость Родины. Память о них надо увековечить, по крайней мере в стенах института, и на их примере воспитывать медицинскую молодежь в патриотическом духе. <...> Сердечный привет коллективу кафедры биохимии и вам, моим товарищам. Будьте здоровы. Пишите. Крепко жму руку. И. Фридлянд».

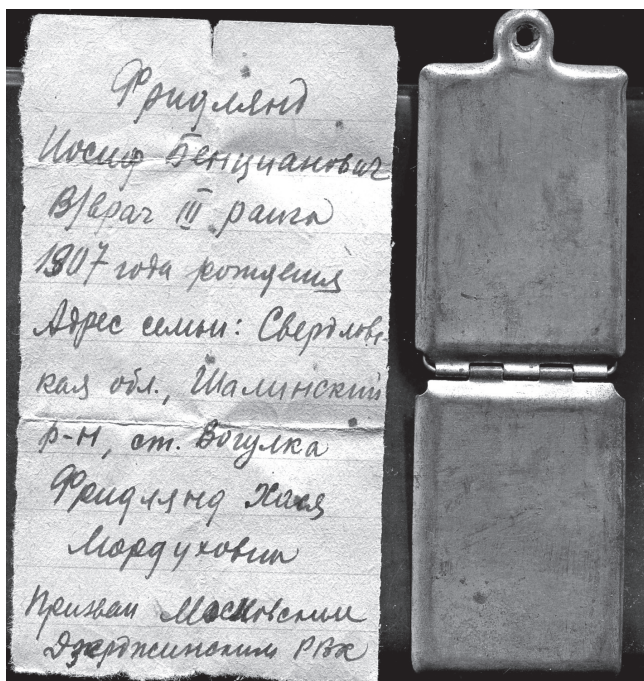

А вот письма И. Б. Фридлянду от дяди — упоминавшегося выше С. М. Фрида (1891—1946) из Самарканда, из эвакуации. Семен Маркович в 1941—1943 годах был профессором кафедры микробиологии Военно-медицинской академии. В 1944—1946 годах — директором Белорусского института микробиологии и эпидемиологии.

«14 августа 1942 г. Родной мой Ёжик! Мы бесконечно обрадовались твоему письму. Последнее время Елена Петровна каждое утро напоминала, что “от Иосифа уже давно нет сведений”, вдруг — собственноручное письмо. Ценю твою дружбу, твоё внимание, и впредь прошу не забывать. Живем мы по-прежнему. В Академии я уже как будто акклиматизировался, работа идет интенсивная и плодотворная, не только в области преподавания, но и по исследовательской части. В бытовом отношении устроились не пышно, не комфортабельно, но нужды не знаем. Питаемся прилично. Беда одна: с литературой дело обстоит неважно. По ходу работы следует просмотреть ряд иностранных статей, а их здесь не найдешь. И было бы совсем хорошо, если бы удалось уже покончить с коричневой чумой, разгромить фашистских каннибалов. Но я не сомневаюсь, что день расплаты близок и над нашей замечательной Родиной вновь засияет заря счастливой жизни. Тыл работает интенсивно, каждый день мы читаем о замечательных делах наших бойцов на фронте — и в этом залог Победы. Валерий продолжает учебу. Пишет какие-то новеллы, сценарии и недавно заключил со своим литератором контракт на перевод 2-х американских сценариев. И это даже замечательно, что парень работает, встает своими ногами на твердую землю и идет вперед. В Алма-Ате живут некоторые наши друзья, которые с Валериком встречаются. Они отзываются о нем очень лестно и дают высокую оценку его работе. Адрес Валеры: Каз[ахская] ССР, Алма-Ата, Заводская ул[ица], д. 2, общежитие ВГИК.

Пиши чаще!! Обнимаю тебя и крепко целую. Дядя Сеня».

«Смертный
медальон»
И. Б. Фридлянда
с текстом-
вкладышем

«5 сентября 1943 г. Дорогой Иосиф! Твое молчание крайне беспокоит. Все время вел себя прилично и вдруг перестал писать. Только вчера получил письмо от Сони и успокоился. Убедительно прошу “не играть на нервах”. У нас ничего нового. Мы работаем на старых местах. Валерик был у нас два месяца тому назад, гостил три недели. Сейчас работает в колхозе. Меня зовут в Ярославль, где открылся белор[усский] мед[ицинский] институт, но, так как я состою в кадрах, дело следующее: по-видимому, без ЦК взять меня не удастся. Пиши, ради Бога, почаще. Крепко обнимаю тебя. Дядька».

В этих письмах упоминается еще одна интересная творческая личность — Валерий Семенович Фрид (1922—1998) — двоюродный брат И. Фридлянда, соавтор сценариев знаменитых фильмов «Служили два товарища» (1969), «Экипаж» (1981) и других. Уже тогда в семье Фридлянд (Фрид) кое-кто «изменил» медицине и выбрал другую профессию. Но это тема для отдельной истории.

История фронтовых записок

Война занимает в биографии И. Б. Фридлянда особое место. «Фронтовой дневник армейского токсиколога (22.06.1941—25.08.1945 гг.)» — так И. Б. Фридлянд назвал фронтовые записки, дополненные и восстановленные спустя почти четверть века. В оригинале сохранилась лишь часть дневника, датированная июнем 1941 — июлем 1944 года. Последующие записи (до августа 1945-го) были утрачены в 1960-е годы и восстанавливались много позже.

Иосиф Бенцианович вспоминал: «23 августа 1939 г. из окна своего рабочего кабинета во 2-м медицинском институте я увидел огромный по тому времени самолет, облетающий Москву настолько низко, что на нем даже невооруженным глазом легко можно было разглядеть черную свастику. На этом самолете прилетел министр иностранных дел фашистской Германии фон Риббентроп для заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Для чего Риббентроп сделал круг на самолете над Москвой? По свидетельствам очевидцев, во время переговоров в Кремле в руках у главы германской делегации был небольшой чемодан, с которым он не расставался ни на минуту. Возможно, в чемодане хранилась фотопленка с расположением важных стратегических объектов, необходимая для успешного налета немецких бомбардировщиков на Москву.

Спустя менее двух лет наступил самый длинный и самый черный день для нашей Родины. У меня сохранились письма и краткий дневник, который я регулярно вел во время Великой Отечественной войны, полагая, что в будущем, если останусь жив, сумею восстановить в памяти все, что видел или в чем непосредственно принимал участие.

Прошли годы, и многие события военных лет забылись. И все же сейчас, через 24 года после окончания войны, я решил разобраться в своих записках и воспоминаниях».

В 1941 году наш герой добровольцем вступил в 5-ю дивизию народного ополчения Фрунзенского района Москвы. С 30 августа по 13 октября 1941 года учился на курсах токсикологов при Московском военном округе. С 15 октября 1941 года до окончания войны находился на фронте в 38-й, затем 60-й армиях, с которыми прошел боевой путь до Праги. В 38-й армии Фридлянд служил начальником токсикологической группы усиления (ТГУ),

в 60-й армии — главным токсикологом армии. 13 июня 1943 года в селе Волоска-Балаклейка, около Харькова, был контужен. Войну закончил в звании майора медслужбы. Оказывал медицинскую помощь бывшим заключенным концлагеря города Славута. Участвовал в освобождении концлагеря Аушвиц (Освенцим). По его настоянию там были развернуты первые два терапевтических госпиталя для оказания помощи бывшим узникам. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией».

Военные мемуары 1941—1944 годов

Приводим ряд фрагментов из дневниковых записей И. Б. Фридлянда.

«28 июля 1941 г. Первый налет. Вокруг щели, у выхода которой я сидел, упали 3 зажигательные бомбы. Одну из них я накрыл песком, который высыпал из бака. 1 зажиг[ательная] б[омба] упала на чердак (пробив крышу) над комнатой, а 1 на другую крышу. Все бомбы были потушены. Самолет сбросил бомбы на всем пути от Неглинки до Колхозной площади. На углу Сретенки около церкви сгорела дерев[янная] палатка. На Ср[етенский] бул[ьвар] упала фугаска. Вся улица была покрыта осколками стекла. Фугаска была сброшена вскоре после зажигательных. Незабываемо впечатление от обстрела светящимися пулями самолета, попавшего в луч прожектора.

22 января [1942 г.]. В 6 часов был послан в 64 госп[италь]. Работал до 12 ночи. Очень хорошо запомнил 2-х раненых: один во время перевязки раненой ноги, чтобы удержаться от боли и не кричать, стиснул зубы, говоря: “держишься комвзвод”, и держался. Другой при разрезе руки — подозрение на газ[овую] г[ангрену] под местной анестезией молчал, терял 2—3 раза сознание, но ни разу не застонал. Когда я указал ему на его выдержку, он заявил: “Поверьте на честное слово, в бою держался до последнего, пока не потерял сознание и не упал”.

И. Б. Фридлянд ведет занятия по токсикологии. 1942 г.

23 марта 1942. Часа в 3 ночи село [1-е Советское (ныне — Графское), Харьковская обл.] подверглось минометному обстрелу. Раненых не было. Проводил подготовку врачей и сестер. Перед обедом наблюдал лихую пляску 2-х гвардейцев. На баяне играл рослый рыжий еврей. Хорошее впечатление оставил нач[альник] МСБ [медсанбата] Тытыкало и ком[андир] Берлин. Из 1-го Сов[етского] уехал на машине с ранеными в Белый Колодец. Один из раненых скончался на столе во время операции.

1 мая 1942. В группу включен Байер. Б[айер] несколько месяцев назад вышел из окружения. Отрывки, которые мне удалось слышать, указывают на тяжелые испытания, которые он прошел. Несколько замкнут. Молодой парень 25 лет. Способный.

11 июня [1942 г.]. Вчера вечером приехал в Заг[рызово] начсанарм и вызвал меня. Дал задание прорваться в МСБ около Волоско-Балаклейки и выяснить относительно прим[енения] ОВ [отравляющих веществ]. К месту назначения я выехал вместе с Шишкиным на паре хороших лошадей. Ехали ночью. По мере приближения к Вол. Бал. встречали крестьян, кот[орые] со своим скарбом и скотом покидали линию фронта. Часов около 2-х ночи мы были в Вол. Бал. Пробовали поехать дальше, но один старик отговорил нас — темно, а дорога нам неизвестна. Вернулись в село и, поставив лошадей под навес, дали им корм и решили ждать рассвета. Шишкин спал, а я дремал около него. С началом рассвета над селом появилось несколько немецких самолетов. Я не придавал этому большого значения, расспросил жителей относительно Колесниковки и решил туда ехать. Запрягли лошадей и выехали из-под навеса. Не успели мы отъехать и 5 метров, как над нами появился самолет. В тот момент, когда я посмотрел вверх, от него отделилась бомба. Я и Шишкин спрыгнули с телеги и направились к погребу, а возница дернул лошадей и поехал куда-то. Когда я открывал дверь погреба, бомба взорвалась, волной меня толкнуло в погреб.

В погребе сидели женщины, дети. За первой бомбой просвистели 2-я, за ней 3-я и т. д. Бомбы рвались близко. Над головой то и дело был слышен свист, а дверь погреба все время “вздрагивала”. Бесперывная бомбежка продолжалась с 5:50 до 7:20. Нельзя было поднять голову. Интервал между разрывами редко доходил до 2—3 [минут]. Дважды я пользовался этими интервалами, чтобы узнать, где лошади. Обитатели погреба при этом кричали на меня. Лошадей нигде не было. В дом (против нас) попала бомба, рядом также, через дом также, в нашем доме окна и двери вылетели. К нам в погреб прибежал боец с оторванными пальцами правой руки. С помощью хозяйкиной марли сделали ему перевязку. В 7:20 мы вышли из погреба. Самолеты улетели. Мы с Ш. обыскали село, лошадей не нашли и решили идти обратно. Отойдя шагов 20—30, я вспомнил приказ пробиться в Кол[есниково]. Позвал Ш., и пошли туда пешком. По дороге лежал убитый осколком. На самой дороге сидел парень и о чем-то жалобно просил. Подошли. Над правым глазом у него разбита кожа и мышцы. Я хотел отвезти его в сторону, но у него оказалась пробита нога и рука. Лежал он около небольшой воронки. От смерти спасла каска, которая была пробита осколком над глазом. Вместе с Ш. мы отнесли его на луг. Положили.

В этот [момент] появились опять самолеты. Мы отбежали в поле на горку. Смотрим на то место, где мы скрывались в погребе. Взлетает в воздух один дом и погреб, в котором мы сидели (решил проверить это, но сделать этого не удалось), загорелся др[угой]. Самолеты улетели, и мы пошли дальше. Бомбежки продолжались, бомбили все села восточней, северней и западней Вол. Бал. по

И. Б. Фридлянд (крайний слева) с сослуживцами. Июнь 1945 г.

очереди. Когда в Кол[есниково] я беседовал с начсандивом и комбатом, бомбили село за 1 километр от нашего МСБ. Молодые врачи и сестры вели себя прекрасно, не отходили от больных и работали. Санитары при прилете неприятельских самолетов убегали в поля. Выехали обратно на крыльях машины, наполненной ранеными. По дороге то и дело попадались легко раненые, идущие в ППГ [полевой подвижный госпиталь], иногда на дороге лежали раненые (перевязанные). Класть некуда было, и мы ехали дальше. По дороге встречались трупы лошадей, убитая корова, встречались крестьяне, покидавшие район боев. За 1—1,5 км от Вол. Бал. остановил машину.

7 самолетов бомбили. Сделали 2 круга. Мы проскочили. Много зданий в селе горели. Что стало с нашим погребом, проверить не решились, т. к. ждали опять налета, и действительно, не успели мы отъехать несколько км, как в В. Б. опять рвались бомбы. Фашисты бомбят крестьянские хаты, стремятся уничтожить все живое. Я видел, как они бросили бомбу в пасущихся в поле лошадей. Крестьяне покидают деревни, маскируясь, передвигаются по дорогам, угоняют скот. Линия фронта сохранена. По дороге в окопчиках лежат замаскированные бойцы с ПТР [противотанковым ружьем]. Читал нем[ецкую] листовку, в которой они обращаются даже к комиссарам. Клянутся в дружбе к русскому народу. Просят сдаваться в плен. Листовка подделана под тон сов[етского] языка. Очевидно, составлена или отредактирована перебежчиком, правда, не совсем грамотным».

Как раз в этих местах на следующий день И. Б. Фридлянд был контужен и записи продолжились после значительного перерыва.

«16 августа [1942 г.]. Среди раненых привезли скончавшуюся от ран в пути 22-летнюю санитарку Зою Иванову. Подруги описывают ее как веселую девушку. “Погиб «синий платочек»”, — сказала одна подруга. Зоя любила эту

песню и часто ее пела. Вместе с З. И. привезли еще 2-х санитарок. К раненым мужчинам и их страданиям как-то привык, но видеть убитых и раненых девушек очень тяжело. Вскрыл раненого разрывной пулей в голень левой ноги старшего лейтенанта Лосько. Его обступили товарищи по оружию, многие при встрече целовали его. Л[осько] лежал взволнованный и рассказывал о наступлении. Последнюю атаку немцев поднялись отражать не только здоровые, но и раненые бойцы 2-го батальона. “Здесь страшнее, чем там. Там не страшно”, — сказал одному товарищу.

07.12.1943. Выехал вместе с Френкелем и Черемишиным в Малин для эвакуации раненых. В больнице встретил Домбинского, с которым поехал на “санитарке” в здание бумажной фабрики. На дороге вооруженный пикет от госпиталя останавливал пустые машины. Мы присоединились к ним, т. к. было остановлено сразу 4 машины. Вдруг показались нем[ецкие] самолеты, повернули на нас и начали бомбить. Я лег около проволочного забора, затем продвинулся к дереву. Бомбежка усиливалась. Послышались крики и стоны раненых, которые сливались со свистом падающих гранат. (Комментарий М. И. Фридлянда: «Отец рассказывал о бомбежке контейнерами с гранатами. Контейнер раскрывался в воздухе, и гранаты, разлетаясь, накрывали довольно большую площадь».) Запомнился один момент: последний самолет бросает груз впереди меня, я сливаюсь с землей, шум падающих гранат все приближается и приближается, думаю: “конец”, потерял ощущение тела. Короткие секунды кажутся долгими, “скорей бы”. Хочется избавиться от кошмара ожидания. Гранаты рвутся поблизости, в ушах шум... Впереди себя около мостика заметил углубление, переползаю через проволочный забор туда, т. к. лежал просто на земле, щелей поблизости не было, но бомбежка перенесена по дороге дальше через мост вверх по дороге в Малин. Машины были исковерканы, несколько человек стонало на дороге, на углу лежал убитый боец, шагах в 15 от него лежал Борисов, убитый шофер машины Домбинского. Он, очевидно, не успел выскочить из машины и после того, как был смертельно ранен, вышел и тут же скончался. Вместе с замполитом ПЭПа [полевой эвакуационный пункт] И. И. Веселовским мы внесли убитого шофера в здание госпиталя. При выходе я столкнулся с Е. Н. Мешалкиным, Ц. И. Мулиной и сестрами из хирургической группы усиления, которые покидали госпиталь. Я остановил их и направил к машине, откуда все еще продолжали доноситься вопли и стоны раненых. Раненых пришлось вынести из машины, и повторно раненым была оказана необходимая помощь группой Мешалкина. На территории госпиталя на земле остались следы “прыгающих” гранат, напомилавшие следы лапок птиц, остающихся обычно на сырой почве.

В госпитале работа продолжалась, несмотря на то, что его начальник скрылся еще до нашего приезда. Обращались вновь поступившие раненые и эвакуировались имевшиеся.

Создавшаяся обстановка требовала, конечно, срочной эвакуации из Малина в более глубокий тыл. Не все хирурги тогда, так же как и я, были в курсе дела.

Я обошел все палаты, где работали различные группы усиления, и передал им приказ начсанарма немедленно после обработки эвакуировать раненых. Не все понимали, почему это делается, и один военврач из группы В. О. Калины (отделение отоларингологии) начал доказывать мне вред, приносимый раненым преждевременной эвакуацией. Я терпеливо выслушал пожилого опытного врача и посоветовал ему не мудрствовать и выполнять приказ начсанарма и тут

же после оказания необходимой помощи эвакуировать раненых. А время шло. Наступила ночь. Подходя к одному из зданий ППГ, я услышал спор и мат, в котором выделялся голос начальника ПЭПа Домбинского. Он кричал на возницу — маленького, тщедушного пожилого солдатика, которого вооруженная охрана завернула с его “тарантасом” — длинной телегой, на которой крестьяне обычно перевозят снопы к госпиталю. Домбинский кричал на солдата, а тот твердил свое: “Не могу я брать раненых, меня командир послал в соседнее село, и я должен через 2 часа вернуться к нему”. Домбинский вышел из себя, и его рука потянулась к пистолету. Я подошел и встал между ними. Домбинский опомнился, да и солдатик к тому времени принял нужное решение и сказал: “Грузите”, а я, шагая дальше с начальником ПЭПа, сказал ему: “Зря вы это, не по вине таких, как этот солдатик, фашисты оказались в этом районе”. В сущности, солдат был прав — приказ своего командира должен быть безоговорочно выполнен.

Около крыльца здания в глаза бросалась легковая машина. В ней один из подполковников тыла армии, ответственных за эвакуацию раненых из Малина, тискал красивую, пожалуй, самую красивую сестричку из ППГ 4342. Оно, конечно, не лишнее, не вредно для солдата или офицера при любых обстоятельствах, но не при данных. Но подлость заключалась в том, что это ответственное лицо проходило курс лечения от болезни, вызванной бледной спирохетой (сифилис).

9 января [1944 г.]. Хозяин дома перед уходом в армию крепко гулял с соседями. За разговорами выясняются темные дела многих односельчан. С опаской ждут приход “зеленых фуражек” (пограничные войска НКВД СССР).

14 января 1944. В ППГ из соседнего села привезли солдата, раненого бандеровцами. Бандеровцев удалось обнаружить в укрытии, которое забросали гранатами. Из укрытия извлекли 4 трупа.

18 апреля [1944 г.]. По дороге из Любянки в Залужье ко мне на телегу села пожилая женщина. “Сын мой прожил 17 лет и 2 недели. Он страстно хотел стать летчиком и все время мастерил модели самолетов. Немцы его убили”, — кончила она.

27 апреля 1944. Выехал вместе с Гинзбургом, подполковником Голиковым в Гай Ростоцкий для проверки готовности 107[-й стрелковой дивизии]. Встретил Железнову и Сурнину. Узнал о гибели врача Асланова. Полковник Петренко — высокий, здоровый, умный украинец. Замечания генерала Суркова не оспаривал, одергивал своего начальника штаба, который оправдывался. Впечатление такое, что П[етренко] нарочно ничего не оспаривал сейчас: уедут — и все будет сделано как он, П[етренко], найдет нужным».

Упоминаемый здесь Василий Яковлевич Петренко (1912—2003) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, командир 107-й стрелковой дивизии, освобождавшей в 1945 году концлагерь Аушвиц.

Записи 1945 года. Аушвиц и миссия врача

Дальнейшие записи представляют собой восстановленные части дневника с комментариями и пояснениями М. И. Фридлянда.

«30 января 1945 г. Выехал в Освенцим. (Комментарий М. И. Фридлянда: «Отец рассказывал, что к нему на улице подошли солдаты, бывавшие в Освенциме, и сказали: “Доктор, такого мы еще не видели. Вам обязательно надо посмотреть. Это что-то страшное” и буквально заставили его туда поехать»).

По дороге встречаются жители, везущие на саночках домашний скарб, направляющиеся в Краков. Встречаются группы с тележками, загруженными чемоданами. На каждой тележке развевается флаг той нации, к которой принадлежат обладатели транспорта. Флаги различных национальностей. На спинах людей опознавательные знаки в виде щита Давида, креста и др. Лица пастозные [бледные и отечные], измученные и даже страшные. Это бывшие заключенные, которые спешат покинуть лагерь, спешат на свою родину. Подъезжаем к воротам лагеря, на них надпись на немецком языке “ARBEIT MACHT FREI” (“Труд делает свободным”). В самом лагере есть еще много узников, которым, очевидно, пока что некуда податься. В отдельных бараках — склады с вещами, аккуратно разложенными по чемоданам. В каждом чемодане одинаковые предметы: пудра, губная помада, расчески, фонарики, ножницы, игрушки детские и т. д. Есть склады с огромным количеством предметов личного обихода — простыни, одеяла, полотенца, платки, тысячи пар обуви различных размеров — от детских туфелек до больших размеров взрослых женщин и мужчин. В одном бараке гора покрывал, надеваемых евреями во время молитвы (талес), в другом — тюки с запакованными человеческими волосами с адресами на них (тюках), указывающими место назначения “груза”.

Один барак служил домом терпимости. В дверях маленьких комнат глазки, в комнатах по 1 кровати и одному стулу. Девушек заключенные презрительно называли “пфенингами”, т. к. существовало мнение, что многие шли туда добровольно. Возможно, что некоторые думали спасти себе жизнь таким образом. В действительности несчастных женщин после определенного срока использования отправляли в газовые камеры. На смену им присылали других. Бывать у них могли только немцы (в том числе и заключенные).

В одном из складов натолкнулись на груды мыла, к которому никто из освобожденных не притрагивался: это мыло, приготовленное нацистами из человеческого жира. В “жилых” бараках лежат, иногда стоят истощенные, измученные,

Освобожденные узники Освенцима беседуют с бойцами Красной армии.
Освенцим. 1945 г.

издерганные люди — французы, венгры, голландцы, югославы, поляки и евреи (их подавляющее большинство) всех стран Европы. Подавляющее большинство оставшихся в лагере — евреи, но есть и русские и даже детишки. В Биркенау (внутренний лагерь в Освенциме в основном для евреев, своего рода гетто внутри лагеря уничтожения) я увидел сотни трупов людей, погибших от истощения, кожа и кости, поразительно, как они дожили до такого состояния. Эти трупы немцы не успели сжечь. Специальные крематории, около которых валяются еще “орудия труда” — железные тачки, большие и малые щипцы для сбрасывания трупов в печи, для выдергивания золотых зубов и т. д. В углу одного из барачков я обнаружил деревянный ящик с эрзац-деньгами из прессованного картона, окрашенными в серебристый цвет. Были монеты разного достоинства. Знаки были выпущены в Litzmannstadt в 1943 г.».

Как удалось выяснить М. И. Фридлянду у бывшей узницы Лодзинского гетто, а затем Освенцима, это были внутренние деньги Лодзинского гетто. Даже через 60 лет она вспомнила фамилию старосты. Но в обычное время всё, что было связано с пребыванием в гетто и концлагере, просто выпадало из ее памяти. Этого не существовало. Только монета ненадолго разбудила ее память. Евреи из этого гетто были отправлены в Аушвиц и почти все уничтожены.

«Наконец, склад с пустыми и заполненными банками “циклона Б”, с которым столкнулся еще в конце февраля 1943 г. в немецком госпитале, созданном фашистами на базе школы № 7 в г. Курске. На мой доклад (21 апреля 1943 г.) по поводу того, что, судя по устройству “дезкамеры” во дворе госпиталя, “циклон Б” применялся не для дезинфекции, а для уничтожения людей, тогда не обратили должного внимания. Такое варварство казалось слишком маловероятным.

Поздно вечером со страшной головной болью, подавленный и удрученный всем виденным, вернулся в санотдел и пошел к начсанарму. “В лагере столько несчастных, нуждающихся в немедленной медицинской помощи, что нельзя терять времени. Воспользуемся перерывом в боевых операциях и направим ТППГ [терапевтический полевой подвижный госпиталь] в лагерь”, — предложил я. “Да”, — сказал начальник, не поднимая головы, помолчал немного, поднял голову, посмотрел на меня и спросил: “Кого ж послать”. Назавтра в Освенцим прибыли 2 терапевтических госпиталя под руководством Мелая и Вейткова. Это были первые медицинские подразделения, начавшие оказывать помощь бывшим заключенным. В послевоенной литературе об Освенциме я нашел такую фразу бывших заключенных: “Советские врачи и медсестры осмотрели всех больных, стараясь спасти каждую жизнь”. Меня это радует, т. к. я был первым офицером-медиком, посетившим Освенцим и настоявшим на посылке туда госпиталей».

Как пояснил М. И. Фридлянд, «отец хорошо знал идиш, так что языкового барьера при общении с освобожденными узниками практически не было».

«1 февраля 1945 г. Меня окружают несколько бывших заключенных, и один из них — Гордон, еврей, врач из Белоруссии, находившийся в лагере несколько лет, говорит: “Я сюда был доставлен с отцом, матерью, сестрой, женой и ребенком. При сортировке прибывших меня направили на работы, а моих близких на сжигание. Они все были сожжены, но до сих пор меня мучает одна мысль — как погибла моя дочурка. Дело в том, что в составе зондеркоманды был один садист, который бросал детей живыми в раскаленную печь. Меня все время мучает мысль, не оказалась ли моя девочка среди сожженных заживо”.

Осмотр бывших узников советскими врачами. 1945 г.

6 февраля 1945 г. Вечером в Освенцим прибыли генералы Олейнин, Яшунин, Гришаев. Я был у генералов гидом по лагерю, показывал им взорванные печи для сжигания, орудия пыток, банки с “циклоном Б”, места отравления и обработки трупов и живых узников. Показал склады волос (7000 кг), которые гитлеровцы не успели отправить в Германию, массу чемоданов с губной помадой, расческами, ботинками и другими предметами, а также ящики с порошком из человеческих костей. Вопросов не было, все слушали молча, молчали и смотрели.

Сегодня вечером состоялся концерт артистов первого эшелона 60-й армии перед бывшими узниками Освенцима. Каждый номер выступавших сопровождался громом аплодисментов, свистом, топаньем ног, криками восторга собравшихся. Я сидел на каком-то возвышении и не сводил глаз с собравшихся. Лица их все время были в движении. У многих текли по щекам слезы. Люди поражены тем, что видят, и, может быть, еще не осознают полностью своего избавления от неминуемой гибели. Очень тяжело от всего виденного в Освенциме, и вместе с тем в душе какое-то чувство гордости за тех воинов 60-й армии, которые, рискуя своей, подарили этим несчастным жизнь».

«12 февраля 1945 г. В Освенциме провел несколько часов. Русская девушка лет 20—22 рассказала, каким издевательствам она подвергалась со стороны немецких фашистов. Жизнь ей сохранили потому, что она была кастрирована немецким врачом и находилась под его непосредственным наблюдением».

Все эти записи уточнялись И. Б. Фридляндом в послевоенные годы. Но сохранилось его письмо матери — Анне Марковне (Хасе Мордуховне) Фридлянд от 7 февраля 1945 года, написанное явно под влиянием увиденного в Освенциме (Аушвице): «Добрый день, дорогая. Мы по-прежнему понемногу двигаемся вперед. Повсюду встречаем следы жутких преступлений и издевательств немцев над людьми. Мы натолкнулись на лагерь, где были сожжены и замучены БОЛЕЕ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК. Несколько

тысяч больных остались, т. к. немцы не успели их добить. Об этом лагере еще много будут писать. Я в нем был несколько раз и каждый раз уходил с всё более и более тяжелым чувством. Такого ужаса люди никогда еще не переживали. Расплата должна быть жестокой. Будьте здоровы. Целую».

Иосиф Бенцианович пытался хотя бы приблизительно определить число жертв. В эти дни, в феврале 1945 года, цифра «шесть миллионов» уже встречается в письмах других участников освобождения концлагеря. Тут стоит провести отдельное исследование.

Массовые отравления

Много внимания в дневнике уделено спасению солдат и офицеров Красной армии, отравившихся метиловым спиртом. В конце января 1945 года в Кракове по своей методике И. Б. Фридлянд спас от отравления метиловым спиртом летчиков целого полка, которые нашли в подвале бочку этого ядовитого вещества. Еще в 1944 году он провел исследования и выпустил рекомендации по лечению отравлений алкогольсодержащими жидкостями. Настоящий ученый, тем более врач, работает всегда и при любых обстоятельствах.

И. Б. Фридлянд писал: «Перечитывая дневник в очередной раз, я обратил внимание, что проблема отравлений солдат появилась во второй половине войны и приняла такой масштаб, что потребовались специальные разработки методов лечения, занятия по обучению персонала, и что травились не только специально оставленными ядовитыми спиртными напитками, но и само население продавало отравленный алкоголь. У меня сохранились эти методики лечения».

Мирная карьера ученого

В сентябре 1945 года И. Б. Фридлянд был демобилизован и вернулся на гражданскую службу ассистентом на кафедру биохимии Второго ММИ. Еще на фронте он решил заняться биохимией газовой гангрены, от которой погибало много раненых. Как оказалось, это была малоисследованная проблема. В 1953 году Фридлянд защитил докторскую диссертацию по теме «Обмен веществ у морских свинок при экспериментальной газовой гангрене, вызванной *Vac. perfringens* типа А». В начале 1953 года, еще до защиты диссертации, ему было предложено уволиться из института «добровольно», по собственному желанию. Поскольку такого желания не было, а в середине года найти замену преподавателю было очень сложно (он вел много групп), быстро уволить ученого не удалось.

Приводим фрагмент воспоминаний И. Б. Фридлянда: «В начале 1953 г., когда я заканчивал докторскую диссертацию, меня вызвали в отдел кадров и сказали, что доктор наук не может работать ассистентом на кафедре, и предложили уйти “по собственному желанию”. Поскольку диссертация не была защищена, уход с работы автоматически лишил меня возможности защищаться, я сказал, что у меня нет желания уходить. Это произошло в середине учебного года, и я в то время вел 8 студенческих групп. Распределить такую нагрузку между имевшимися преподавателями было невозможно, и мне стали искать замену со стороны. Через какое-то время нашли женщину, которая ранее работала на кафедре, но ушла на пенсию. Она уже почти согласилась, только спросила, вместо кого ее берут. Когда ей сказали, что вместо меня, она категорически отказалась. Раньше мы работали вместе. В этот момент умер Сталин, и меня оставили в покое. Я подал диссертацию к защите, и, как положено, ее послали на

отзыв двум оппонентам. Оба прислали положительные отзывы, и я защитился на кафедре без единого “черного шара”. Когда диссертация поступила в ВАК [высшая аттестационная комиссия] на утверждение, там ее послали еще одному “черному” оппоненту (я знал, что это был известный антисемит), который дал резко отрицательный отзыв. На основании этого отзыва мне пришлось защищаться повторно в ВАКе. Защита прошла блестяще».

Уйдя после защиты диссертации из Второго ММИ, Иосиф Бендианович был принят на должность зав. кафедрой биохимии в Ярославском медицинском институте, где продолжал заниматься исследованиями анаэробной инфекции.

В 1956 году И. Б. Фридлянд получил звание профессора кафедры биохимии в Ярославском мединституте. Поскольку квартиры в Ярославле, несмотря на все обещания, ему не дали и семью взять к себе не удалось, он после окончания срока избрания вернулся в Москву. С сентября 1959 года заведовал лабораторией биохимии Всесоюзного института животноводства, где проводил исследования влияния избытка холестерина на обмен веществ в организме. Одним из первых начал разрабатывать и внедрять простейшие и очень дешевые азотистые пищевые добавки в корм сельскохозяйственных животных и доказал их эффективность в увеличении синтеза белка (т. е., собственно, веса животных). С конца 1961 года перешел на заведование биохимической лабораторией Московского научно-исследовательского рентгенорадиологического института и вновь сменил направление своих исследований. В течение более 10 лет занимался исследованиями влияния лучевой терапии и ионизирующей радиации на обмен веществ и лабораторной диагностикой злокачественных новообразований. Хотя результаты были очень обнадеживающими, ему не удалось завершить свои исследования в связи с выходом на пенсию в 1973 году.

Итоги жизни

Ученый-биохимик И. Б. Фридлянд оставил после себя более 60 научных работ. Под его руководством выполнены и защищены пять кандидатских и одна докторская диссертация. Его исследования в области биохимии посвящены обмену веществ в норме и при различных патологических состояниях (авитаминозы, злокачественные новообразования, облучение и др.). Профессор Фридлянд выступал с докладами на Международном биохимическом съезде в Москве в 1961 году, на двух всесоюзных съездах биохимиков (1964, 1969), других профессиональных форумах и конференциях. В частности, на симпозиумах по ферментальным соединениям (1966, 1971).

Последние годы жизни И. Б. Фридлянд активно работал над дневниками и воспоминаниями, надеясь их издать, опубликовать. Однако в 1970-е годы советские издательства рукописью не заинтересовались. «Пока Вам не удалось создать воспоминания, которые были бы интересны для широкого круга читателей» — таков был ответ Воениздата в 1979 году.

К счастью, личный архив И. Б. Фридлянда сохранен его сыном и вполне готов к изданию. В наши дни взгляды на достоинства и недостатки дневников и воспоминаний изменились. На историко-документальных выставках «Холокост: уничтожение, сопротивление, спасение» И. Б. Фридлянд включен в раздел о медиках, спасавших освобожденных узников Аушвица. Тема судеб и роли медиков в годы Великой Отечественной войны продолжает активно изучаться.

Евгения АКИМОВА

ЗАЗУБРИНСКАЯ «ЩЕПКА» СЕРГЕЯ АФАНАСЬЕВА

К 128-летию В. Я. Зазубрина

В 1990 году совсем молодой коллектив Новосибирского городского драматического театра под руководством Сергея Афанасьева выпустил спектакль по повести Владимира Зазубрина «Щепка». Повесть была написана в 1923 году, но опубликована в журнале «Сибирские огни» лишь в 1989-м. Это была первая в России театральная постановка по Зазубрину. К сожалению, тогда не было сделано ни одной видеозаписи, и спектакль остался лишь в памяти его создателей и зрителей той поры. Было сыграно всего пять спектаклей, но каких! Редакция «Сибирских огней» пригласила Сергея Николаевича и актеров, участвовавших в постановке, вместе погрузиться в историю любимого новосибирцами театра, чтобы поговорить о репетициях «Щепки», о самом спектакле и обо всем, что ему предшествовало. А еще — о том, что такое «театральный язык», о Някрошусе и его «Пиросмани», о переживаниях артистов и зрителей, о Хармсе, кинотеатре «Пионер» и волшебстве актерской природы.

Участники беседы:

Сергей Афанасьев — создатель театра и главный режиссер, режиссер-постановщик «Щепки»;

Николай Соловьев — актер театра, в «Щепке» играл Срубова;

Сергей Барсуков — актер театра, художник по свету, в «Щепке» играл Священника;

Ирина Ефимова — актриса театра, в «Щепке» играла Старуху.

На дворе затопали стальные ноги грузовиков. По всему каменному дому дрожь.

В. Зазубрин. Щепка

— Как текст «Щепки» попал к вам в руки?

Ирина Ефимова. Я хорошо помню журнал «Сибирские огни». Его открываешь, и первое произведение в оглавлении — сразу «Щепка»¹.

Сергей Афанасьев. В моем доме всегда лежало огромное количество всяких журналов, в то время мы выписывали всё, и в том числе «Сибирские огни». У меня читающая семья, в ней много журналистов, поэтому нельзя сказать, что мне журнал как-то случайно попался.

¹ Сибирские огни. 1989. № 2. — Здесь и далее примеч. ред.

Я прочитал «Щепку» именно потому, что Владимир Зазубрин — сибирский автор, это меня заинтересовало. Помню еще, что мне о нем рассказали или где-то был анонс, а до этого я ничего не слышал о Зазубрине и поэтому уже после стал смотреть, изучать.

«Щепка» — это история Срубова, который был начальником расстрельного отдела и потом сошел с ума. И вся философия, которую развивает Зазубрин на протяжении всего произведения, в спектакле звучала из уст Срубова — у него были мощные монологи на разные темы, начиная с Маркса и Энгельса и заканчивая Дзержинским.

Я прочитал повесть — и, конечно, «умер»; я, можно сказать, просто впал в кому от той жутчайшей правды, которая там была написана. Жутчайшей! А еще дело усугублялось тем, что я жил в доме, который был построен для сотрудников НКВД, — это улица Серебренниковская, 23. Этот дом раньше был полностью заселен сотрудниками НКВД. Напротив была поликлиника НКВД и ДК имени Дзержинского, также принадлежащий НКВД. Но самое интересное началось, когда я стал свою соседку расспрашивать про этот дом, и она сказала, что заселилась туда еще юной девочкой, у нее тетка работала в НКВД, и всю жизнь она прожила в этом доме. Рассказала, что ни для кого не было секретом, что под этим домом находились подвалы, и они по описанию были очень похожи на те подвалы, в которых происходило все действие в повести Зазубрина. Из этих подвалов вел подземный туннель, прямо под нашим двором, по нему ходили грузовики. Туннель выходил на тогдашнюю улицу Сибревкома, и оттуда грузовики что-то вывозили. Это не документальная информация, она от очевидцев, своеобразная городская легенда, перекликающаяся со «Щепкой». Поэтому, когда я начал работать над инсценировкой, сразу у меня встали перед глазами эти грузовики, мой дом, мой подвал — все это было до такой степени ощутимо, материально и видимо, что мороз по коже.

Я помню, что написал инсценировку. Обычно я не сторонник такой работы над спектаклем, всегда считал, что сначала надо литературу исследовать на сцене, но здесь я сел и написал инсценировку. Всего у меня написано две инсценировки — это «Щепка» Зазубрина и «Трудно быть богом» Стругацких (она до сих пор где-то лежит без движения).

— Где и как проходили репетиции?

Сергей Барсуков. В «Кобре» — в ДК имени Октябрьской революции. Весной 1989 года нас выперли из Дома актера. Мы погрузили на небольшую сценическую телегу весь свой скарб и поехали по улице Ленина в Дом культуры имени Октябрьской революции. Там репетировать пришлось в маленькой комнатке, из которой мы потом сделали сценическую площадку. Прорубили там своевольно дыру вниз...

Сергей Афанасьев. Соблюдая все пожарные нормы!

Сергей Барсуков. ...сделали там гримерку, костюмерную. И по этой лестнице наши артисты поднимались на сцену. Под лестницей был склад реквизита. Зимой 1990 года мы решили, что будем делать «Щепку», и начали репетировать. Репетировали мы там, а играли спектакли на разных площадках.

— Где состоялась премьера «Щепки»?

Сергей Барсуков. Ближе к премьере мы договорились со «Старым домом» — они уезжали на две недели, их площадка была свободной, и они пустили

Николай Соловьев в роли Срубова (слева) и Иван Вагнер в роли чекиста Пепла

нас. Играть в ДК Октябрьской революции мы не могли по самой простой причине: там не было аппаратуры, света не было. К тому времени мы там повесили несколько ламп, но для спектакля нам нужны были обязательно контрольные и боковые фонари. А в «Старом доме» было все, что нужно. Там 7 ноября 1990 года и состоялась премьера «Щепки».

Сергей Афанасьев. Я сейчас смотрю на строящийся театр, на новую сцену — вот где бы это играть².

— Как были распределены роли?

Сергей Афанасьев. Срубова играл Коля Соловьев, его заместителя Каца — Сергей Новиков. Священника играл Сергей Барсуков, а потом, помню, приехал Лавруха (Лаврентий Сорокин. — *Ред.*) и сыграл эту роль один раз. Старуху играла Ира Ефимова³.

— Как в спектакле выглядели сны Срубова?

Ирина Ефимова. Это были сюрреалистически решенные сцены с большой массовой: мы все были «червяками», и нас будто ветром носило из одной кулисы в другую, все катались по полу — медленно, в рапиде⁴. Очень жаль, что тогда не было возможности снять видео и все это не было записано. Это было очень красиво — даже тряпочки, подвешенные на сцене, начинали вместе с нами медленнее колыхаться.

² Беседа состоялась до переезда театра в здание бывшего кинотеатра «Пионер», на момент интервью там шел ремонт.

³ Также над спектаклем работали И. Вагнер, К. Ярлыков, К. Спасский, Г. Ефимов, Т. Кириченко, З. Терехова, И. Уразова, А. Сидоренко, К. Медведев, О. Рудаков, О. Лыткин. Грумер — Е. Хабарова, педагог по речи — Л. Горбаченко, художник по свету — С. Барсуков, помощник режиссера — Е. Лад.

⁴ Рапид — вид сценического действия, выраженный замедленными движениями актеров.

Сергей Барсуков. Вальс с участием Ленина был одним из снов. А еще был антивальс — там так же вывозили Ленина, но был страшный свет, в котором Ленин корежился, пока его везли, и вокруг все были как зомби. Еще один сон был с бабой-революцией, ее играла Байрашевская.

— *Как в спектакле были решены расстрелы?*

Ирина Ефимова. Сцены расстрела повторялись пять раз.

Сергей Барсуков. Сергей Николаевич подошел хитро. Четыре раза за спектакль сцена расстрела начиналась заново, зрители видели всю подготовку к расстрелу, но самого расстрела не происходило. И только на пятый раз, когда на сцене уже все накалилось, а зритель, наоборот, уже думал, что самого расстрела, смерти людей, ему так и не покажут, — происходил расстрел. Неожиданно гас свет, затем зажигался, и перед зрителем появлялись раздетые фигуры людей, которые идут к дверям — пяти уже окровавленным щитам. Сами выстрелы были решены так: актеры, игравшие чекистов, брали в горсти красную гуашь, перемешанную с опилками, и швыряли ее в голых людей. Трупы падали, затем разворачивались двери. Самый эмоциональный момент спектакля — и для зрителей, и для артистов.

Сергей Афанасьев. Да, помню, вы вставали туда, на эти приступочки, в этот свет, в вас бросалась эта красная грязь, двери разворачивались — и вы исчезали. Дальше опять все повторялось: чекисты снова бросали грязь, уже в двери, баграми разворачивали, опять бросали — это была такая «машина». И, что немаловажно, это все шло под музыку Мусоргского «Картинки с выставки» в обработке какого-то японского органиста.

В театре ведь не только оркестр, рампа, сцена. Театр — еще и зрители.

В. Зазубрин. Щепка

— *Как реагировали на спектакль зрители?*

Сергей Афанасьев. Как-то раз одному из зрителей натурально вызывали скорую. А однажды у рыдающей девушки из глаз линзы выпали, и мы, после спектакля, всем театром искали в зале эти линзы.

Я только одно знаю: когда на наши спектакли люди приходили, у них был шок открытия. Открытия нового театра. Они никогда не предполагали, что такое может быть.

— *Те артисты, которые были раздеты в спектакле, звали на «Щепку» родственников, друзей? Или стеснялись, никого не звали?*

Сергей Афанасьев. В этом спектакле я первым в стране раздел артистов в спектакле. Да, в какой-то момент артисты были полностью голыми на сцене. Но это не вызывало сексуальных эмоций. Это было просто страшно. Это усугубляло эмоцию страха, незащитности, с красной грязью на голых людях.

Впечатление от спектакля оставалось, конечно, мощнейшее. Оно не менее мощное, когда повесть читаешь, но когда ты это видишь... да еще и музыка... А музыка там звучала абсурдная, жестокая, в исполнении холодного японского органа. Невыносимо трагично. И когда эти люди, совершенно незащитные... помню, я этим моментом очень дорожил, потому что мне важно было, что эти незащитные, голые люди встали здесь, отошли туда, повернулись, встали

сюда — все же видно было, — и вот эта красная грязь ударила... а актеры были предупреждены: «закрывайте глаза», потому что это летели реальные жесткие деревянные опилки с красной, алой гуашью, и, когда их бросали, возникало полное ощущение, что эта пулеметная очередь убивала именно тебя. Еще музыка взрывалась к этому моменту... Было невыносимо страшно, натуралистично, но в то же время метафорично. Вот в чем дело.

«Щепка» Зазубрина... Как было безумно жаль, что этот спектакль сошел с нашей сцены. Не собираюсь давать никаких оценок, но мне кажется, что это было абсолютно новое слово в театре, новое прочтение прозы и так далее. Я уж не говорю, что тогда только-только рассекретили эти вещи и опубликовали Зазубрина. Владимира Яковлевича расстреляли в 1937 году. А «Щепку» он написал в 1923-м. Тогда — это вам не сейчас... Сейчас из каждой подворотни все твякают на государство, на власть, на все, что происходит, на все что угодно. А тогда про это просто никто не знал. Не то что не говорили, а просто не знали.

Видит Срубов во сне огромную машину. Много людей на ней. <...> И в самом низу, у колес, вертятся блестящие диски-ножи. Около них сослуживцы Срубова — чекисты. Вращаются диски в кровавой массе. Срубов приглядывается — черви. Колоннами ползут на машину, мягкие красные черви, грозят засорить, попортить ее механизм. Ножи их режут, режут. Сырое красное тесто валится под колеса, втаптывается в землю. Чекисты не отходят от ножей. Мясом пахнет около них. Не может только понять Срубов, почему не сырым, а жареным.

В. Зазубрин. Щепка

— Николай, расскажите про роль Срубова.

Николай Соловьев. Я об этом давно уже не вспоминал. Но хорошо помню одну сцену, как наплыв, — мать приносит мне котлеты. И я должен был сказать: «Мама, мама, зачем ты мне поставила мясо?» И так мне плохо было от этого мяса, я его выбрасывал. Эту сцену помню очень хорошо, я понимал, зачем она нужна. Любое мясо у Срубова ассоциируется с человечинной. Столько он собственноручно мяса перемолол...

Сергей Афанасьев. Мне кажется, что Коля Соловьев попал в десятку в этой роли. Он во всех ролях был «в десятку», но вот здесь особенно, он же такой отчаянный — в 1988 году первым в театре поставил Хармса.

Ирина Ефимова. Тогда еще и слова-то такого никто не знал. Мы Хармса читали в распечатках. Помню, в подъезде сидим и читаем Хармса.

Сергей Афанасьев. Я думаю, что вряд ли тогда кто-то инсценировал рассказы Хармса. А Коля это сделал. Его Хармс стал неким нашим театральным кредо, неким лозунгом театра, ориентиром, куда мы должны были идти. Кому, как не ему, было играть Срубова?! И потом Коля... не при Коле, конечно, будет сказано...

Николай Соловьев закрывает уши руками.

Сергей Афанасьев. ...как актер Коля — безумно талантливый человек, человек с абсолютно непредсказуемой актерской природой, которая до такой степени глубока, что, когда ты смотришь на него на сцене (Коле: «Открывай уже уши!»), у тебя полное ощущение, что ты смотришь на него впервые. В любой

роли, в любой! Я помню «Гамлета», где он играл и Клавдия, и тень отца Гамлета, — играл один человек, но это были два абсолютно разных персонажа.

Сергей Барсуков. А в «Плодах просвещения» он играл сумасшедшего профессора и он же был камердинер хромой.

Николай Соловьев. У которого голова тряслась и нога не сгибалась!

Сергей Афанасьев. И любой, любой текст, который только к нему попадает, делает его невероятным на сцене.

— *Вопрос к актерам: как вы справлялись с этим сложным материалом? Как вы переживали «Щепку»?*

Сергей Афанасьев. Ну актерство есть актерство. Я хочу сказать, что в современном театре актеры еще и не такое переживают!

Ирина Ефимова. У меня там маленький эпизод был. Изначально я там не участвовала, поскольку все равно занималась этим спектаклем — костюмами и прочим, я всегда присутствовала. На последних репетициях стало ясно, что не хватает финальной сцены, и Сергей Николаевич говорит: тут бы надо что-то такое... А в повести есть буквально два предложения о том, что какая-то старуха просит Срубова выпустить ее сына и невестку, которых арестовали, а у них остались пятеро детей. И вот я спрашиваю: «А что играть-то?» Афанасьев говорит: «Ну выходи, проси его». Я вышла, и тут, что называется, включилась генетическая память: у меня ведь есть своя подобная семейная история, с моими родственниками, дедом... И вот это все меня как шваркнуло изнутри! Получилась сцена очень страшная. Я даже сейчас говорю об этом — у меня мурашки. Я помню, когда я упала перед Срубовым, начала целовать его сапоги, Колю Соловьева так затрясло, что он начал меня отпинывать... это было что-то!

— *А что такое генетическая память? Как она сработала на сцене?*

Ирина Ефимова. Это трудно объяснить. Накатывают такие эмоции, что ты растворяешься в этих конкретных обстоятельствах и перемещаешься туда, в то время и место, и вся родня твоя в тебя внедряется и делает то, что надо. Чудо!

Я помню, когда мы за кулисами были, я помогала актерам переодеваться — они же после сцены расстрела все были в краске, грязные, их трясло, и нас, кто помогал, тоже трясло, зуб на зуб не попадал...

«Щепка» — это про то время, когда звериное, страшное в человеческой природе открывалось. Тогда все было так всему открыты, доверчивы! Сейчас не так, люди уже умеют защищаться. Это важно, потому что от такой открытости можно погибнуть, сгинуть, как главный герой «Щепки» Срубов.

Сергей Афанасьев. Тогда у нас было стойкое убеждение, что надо говорить со сцены правду. Правда в чем заключалась? В способе сценического существования. Мы хотели оживить театр, убрать все заштампованное. Мы хотели вернуть Русский Театр. Не создать, а вернуть тот театр, который когда-то был великим. Мы его, может быть, не знали, но я видел образцы этого театра.

— *Сергей Николаевич, на что вы опирались в работе над «Щепкой» как режиссер?*

Сергей Афанасьев. «Щепка» стала для меня страшным откровением. Стилистика спектакля родилась во многом благодаря моим впечатлениям от

театра Эймунтаса Някрошюса⁵. В 1984 году мы ездили к нему в Вильнюс на семинар, я посещал его творческую лабораторию. Молодежный театр смотрелся потрясающе красиво: белые глиномазанные стены такого неровного цвета, дерево старое... Он в таком стиле предстал перед нами — дух захватывало: какое-то очень живое, эстетически красивое здание. Там я увидел «Квадрат» Някрошюса, потом «Пегий пес, бегущий краем моря», «И дольше века длится день». Мы жили в Вильнюсе десять дней, смотрели спектакли Някрошюса, а потом их разбирали.

— Как повлияло на «Щепку» то, что вы увидели у Някрошюса?

Сергей Афанасьев. Его стилистика, его язык театральный повлиял. Мы смотрели каждый день спектакли на литовском языке, которого не знали, и через пять минут после начала спектакля уже не придавали этому значения. Потому что сила Някрошюса — в выработанном им театральном языке, который был невероятно захватывающим: метафорическое образное мышление, его мизансценирование, определенный ритм — все это оставляло громадное впечатление. Някрошюс — один из режиссеров, который сформировал меня. Его спектакль «Пиросмани» — потрясающий, это невероятно красивая история.

Николай Соловьев. У меня такое ощущение, что там мало текста вообще. Вот из чего, спрашивается, спектакль состоял? Это даже не пьеса, это просто его впечатления о художнике Пиросмани.

Сергей Афанасьев. Безумно красиво. Ты глаз не можешь оторвать от того, что на сцене происходит, потому что тебе в этот момент все понятно, — это и есть «театральный язык».

Николай Соловьев. Это когда не головой, а... (*прижимает руки к сердцу*).

Сергей Афанасьев. Мы все находились в этой странной его атмосфере, в его, абсолютно авторском, театре. И, конечно, впечатление от этого особого театрального языка в первую очередь воплотилось в «Щепке», которая стала первым спектаклем, где «выстрелила» някрошюсевичская стилистика. У меня ведь совершенно неуязвимый творческий фундамент: Някрошюс, Додин, Фоменко,

**Николай Соловьев (Срубов)
и Сергей Новиков (Кац)**

⁵ Советский и литовский театральный режиссер (1952—2018).

После премьеры.

Стоят: бутафор Л. Есаулкова, актер К. Спасский, гример Е. Хабарова, пом. реж. Е. Лад, актер Г. Ефимов, актриса Л. Дмитриенко, актер И. Вагнер, осветитель С. Барсуков, актер К. Ярлыков, актрисы Л. Байрашевская и Т. Кириченко.

Сидят (верхний ряд): актрисы З. Терехова, И. Ефимова и И. Уразова, режиссер С. Афанасьев, педагог по речи Л. Горбаченко, актер А. Сидоренко.

Сидят (нижний ряд): актеры С. Новиков и К. Медведев, директор театра Л. Воронова, актеры Н. Соловьев, О. Рудаков, О. Лыткин

Корогодский. Я никогда не забуду додинские спектакли «Братья и сестры» и «Дом» по Федору Абрамову. Эти два произведения были сделаны в абсолютно великой традиции русского психологического театра, но также там присутствовала и некая головокружительная театральная условность.

Например, в спектакле «Братья и сестры» на авансцене висели ворота из бревен, как в деревнях раньше были: жердина такая, своего рода шлагбаум подпертый, и они открывались — на размах. И вот эта жердина, во всю сцену, открывалась в сторону зала. Зритель сидел и думал, что сейчас ему башку снесет, потому что над ним каждый раз проносилась эта жердина. Эффект присутствия был максимальный!

Образность Додина в сочетании с психологизмом, абсолютная новая театральность Някрошюса и великое чувство юмора, замешанное на традиции русского театра, как у Петра Наумовича Фоменко, — вот такой «компот» во мне сварился ко времени «Щепки». В моей голове был густой замес из сильнейших театральных школ. А было мне тогда тридцать лет.

— *Что веселого вы можете вспомнить из того времени?*

Николай Соловьев. Самым веселым было, как мы билеты на спектакль продавали, — это было место напротив нынешней часовни! Тогда часовни еще не было, а стоял парапет, на который можно было присесть.

Сергей Афанасьев. Мы с утра приходили туда, часам к одиннадцати-двенадцати, брали что-нибудь, на чем играть можно было: я на гармошке, Витька Чулков с гитарой.

Николай Соловьев. А директор театра, им тогда был Вадик Воробьев, ходил, приставал к прохожим, распространял билеты на «Щепку», предлагал купить — по три рубля за билет!

Сергей Афанасьев. Мы «продавали зал», потом шли и играли спектакль. Наутро опять шли и продавали билеты.

Николай Соловьев. Не было интернета...

Ирина Ефимова. Не было кассира...

Николай Соловьев. Нас никто не знал. И вот мы приставали к прохожим. У нас существовало правило в театре — мы продавали людям билеты и говорили: «Если вам не понравится спектакль, мы вам деньги возвратим». За всю историю один раз кто-то после спектакля попросил деньги вернуть, забрал их, вышел, через две минуты вернулся и сказал: «Вы знаете, я это... мне спектакль-то понравился, но я просто хотел узнать, вернут или не вернут».

Сергей Афанасьев. Мы пели, кричали: приходите, вечером такой-то спектакль, мы вас ждем! Прохожие интересовались, останавливались. И никто нас не гонял, за что нас гонять, мы бродячие артисты со шляпой...

Чуть позже, когда мы официально оформились как театр, был случай, когда нам предлагали заселиться в кинотеатр «Пионер». Мы туда пришли, но оказалось, что уже занято: бывшие комсомольцы организовали там студию звукозаписи, и у нас не получилось. Но то, что «Пионер» потом к нам вернулся в другом виде, — в этом есть какая-то мистика!

— Блиц-опрос: назовите книгу, фильм или спектакль, который бы вы порекомендовали нашим читателям.

Николай Соловьев. Книги — читайте всего Чехова. Даже пьесы не надо — рассказы и повести. Фильмы — «Территория любви» и «Хороший мальчик» с Хабенским.

Ирина Ефимова. Из моих последних сильных впечатлений — фильм «Иваново счастье» в двух частях, в каждой по четыре маленькие короткометражки.

Сергей Афанасьев. Фильмы — «Аритмия» и «Ненастье». Что касается книги — Ремарк «Триумфальная арка». Мне кажется, что сейчас она многим полезна. Это книга про эмигрантов, которые уехали в другие страны. Прочитайте это прямо сейчас, посмотрите, что там происходит. А спектакли порекомендую наши — приходите в Новосибирский городской драматический театр на Толстого: «Анна» и «Левин».

Редакция журнала «Сибирские огни» от всей души поздравляет коллектив Новосибирского городского драматического театра под руководством Сергея Афанасьева с 35-летним юбилеем и долгожданным переездом на новую сцену!

Желаем, чтобы и в новом театральном зале не умолкали овации восторженных зрителей. Пусть вам всегда сопутствует творческое вдохновение, труппа пополняется талантливыми артистами, а репертуар — новыми прекрасными спектаклями!

Фотографии из личного архива Сергея Барсукова.

Елена САФРОНОВА

ВОЗМОЖНО ЛИ ДЕТЕКТИВНОЕ «ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ»?

В издательских кругах обсуждают последствия применения западных санкций против России. На книгоиздание и книжный рынок текущая ситуация повлияла так же сильно, как и на прочие отрасли экономики. В частности, многие ставшие нам привычными иностранные авторы приняли решение не допускать свои новинки в Россию. К примеру, от нас «ушла» Джоан Роулинг. Аналогичным образом поступили и несогласные с государственной политикой и обосновавшиеся на Западе российские писатели. В частности, Борис Акунин. В связи с этим представители издательств заговорили о «лакунах» в производственных планах. Грубо говоря, сегодня не получится выпустить многие книги, на которые ранее была надежда.

В этой статье мне хотелось бы затронуть не глобальные политические вопросы, а вполне прикладной аспект: возможно ли «импортозамещение», на которое сегодня уповают в промышленности, в узкой сфере развлекательной, прежде всего детективной, литературы. Зарубежные криминальные романы стали «культурным кодом» российского читателя, в том числе интеллектуального и подготовленного.

Литературный критик Александр Чанцев в книгу из статей и рецензий 2020 года «Ижицы на сюртуке из снов: книжная пятилетка» включил текст «Несбё и все-все-все» о феномене скандинавского детектива. На этом фоне критик уверенно особо выделил Ю Несбё и его героя Харри Холе. По его мнению, «Ю Несбё... изначально выламывается из моды — и делает это настолько красиво и мощно, что уже диктует ее сам. ...книги о Харри — детектив прекрасный, overdrive... Но это больше чем детектив, и отнюдь не меньше чем просто литература». Мне близка сделанная Чанцевым констатация факта, что один детектив является литературой, а другой — нет, как и любой роман любого жанра, и стремление отмечать в потоке художественной прозы романы, которые, так сказать, «делает» действие, а не рефлексия. Поэтому речь далее пойдет не о Несбё (он «заморозил» похождения Харри Холе и перешел на остросоциальные антиутопии, а такого добра у нас самих столько, что нужды в импортозамещении нет), а о книгах других авторов, также стоящих на «действии».

«Женская проза» и детективная проза

В поле «женской прозы» (я уже не раз оговаривалась, что употребляю это словосочетание как нейтральный, безоценочный, но безошибочный термин, указывающий на пол автора), вопреки расхожим предрассудкам, достаточно романов, основанных на действии, а не на эмоциях или игре с читателем. В силу широты темы попробуем сравнить детективы двух современных писательниц, достаточно полно представляющих жанр. Я имею в виду Джоан Роулинг и Елену Михалкову. Способна ли Михалкова «импортозаместить» британскую коллегу?

Выбираю эти два имени из возможного массива по причинам «две в одной». Оба автора, несмотря на принадлежность к прекрасному полу, не делают свои детективы «женской прозой», то есть не насыщают их семейно-любовными проблемами в ущерб детективной составляющей. Роулинг пишет детективы под мужским псевдонимом Роберт Гэлбрейт, и они достаточно «брутальны». Михалкова, кстати, тоже не настоящая фамилия автора. Для неё, как и для Гэлбрейта, детективное начало — на первом месте, а взаимоотношения героев с героинями — примерно на десятом. Тогда как в подавляющем большинстве образчиков детективного жанра, созданных россиянками, над собственно расследованием доминирует антураж и любовная линия. Таких «гламурных», любовных и даже эротических детективов в современном отечественном исполнении выходит так много, что жанр теряет «родовые черты»: закрученную интригу, динамичный сюжет, процесс постепенного вычисления злодея/первопричины злодейства, улики, рассеянные по тексту, и финальное торжество правопорядка над преступлением, то есть добра над злом. Как пример полного искажения жанра я приводила межавторский сборник «Эксмо» «Детектив-путешествие» 2019 года. Дальние страны, экзотические пейзажи, соблазнительные путешественницы и найденные в поездках возлюбленные на фоне решения детективных загадок «впроброс» произвели на меня такое скверное впечатление, что я перестала читать подобные сборники. Хотя в «нулевые» они были весьма интересны и давали животрепещущие срезы творчества современных российских детективщиков... Может быть, виноваты не столько авторы, сколько издательская политика. А вероятно, тут, как в даосском философском понятии «великий предел», изображаемом контрастными черно-белыми рыбками в круте, перемешаны причины и следствия. Поэтому невозможно определить, с чего началась деградация российского детектива XXI века. Для меня она, увы и ах, стала непреложным фактом.

Елена Михалкова — одна из немногих российских писателей, не изменяющих детективу как жанру. Это роднит ее с английской коллегой, как и тот факт, что в обеих сериях действуют частные детективы. Если для Запада это едва ли не классическая фигура детективного мира, то для России она нетипична. Может быть, в этом и секрет обаяния дуэта Макара Илюшина и Сергея Бабкина. И еще одна важная деталь: обе дамы-писательницы сделали своими героями мужчин. Считается, что персонаж похож на своего создателя. Наши авторы действовали от противного — формировали образы как можно более далекие от себя. Здесь я бы вспомнила «остранение» писателя, литературоведа и критика Виктора Шкловского применительно к легкому жанру («...не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “видения” его, а не “узнавания”»). — *Ред.*)

В январе 2019 года Михалкова рассказала в интервью portalу «Ревизор.ги», откуда взялся ее дуэт сыщиков: «После института я работала в РОВД. Двое

оперативников запомнились мне на всю жизнь: первый был одаренным пройдохой, второй — оперативником от Бога, ищейкой, которую можно было заставить бросить след, только пустив ей пулю в лоб. Из первого мог выйти гениальный мошенник или выдающийся адвокат; где бы он ни приложил свои способности, он добился бы успеха. Из него после соответствующей обработки получился Макар Илюшин. Из второго — его помощник, Сергей Бабкин: человек огромной физической силы и молниеносной реакции. Когда-то я считала, что будь у меня побольше опыта, я бы придумала героев оригинальнее. Но со временем стало очевидно, что в действительности это была удачная идея: я описывала людей, которые были мне знакомы. Возможно, благодаря этому они не осточертели мне к двадцатой книге, как, несомненно, случилось бы, будь герой чистым продуктом фантазии. Для меня очень важно любить своих персонажей».

От «поттерианы» к «страйкиане»

Продолжим про творчество Джоан Роулинг. Происхождение литературного образа Корморана Страйка, как говаривал дед Щукарь, «покрыто неизвестным мраком». Возможно, эфемерный Роберт Гэлбрейт чем-то похож на Корморана Страйка, но это лишь мое предположение. Его детективная «вселенная» пока меньше поттерианы Джоан Роулинг. В основной серии поттерианы восемь книг (считая с пьесой-автофанфиком «Гарри Поттер и Проклятое дитя») плюс три официальных дополнения и три коллекционных издания. В «сериале» о частном детективе Корморане Страйке на сегодня шесть томов. Но поттериана длится с 1997 года, а цикл детективов о Корморане Страйке стартовал в 2013 году. Роулинг публиковала эти сочинения под псевдонимом, дабы избежать шумихи. Секрет вскрылся через три месяца, но литературное имя для детективов автор не поменяла. Тут уместно сказать, что для нее детективная интрига не нова и с успехом использовалась уже в поттериане: в каждой книге сюжет держался на кознях неведомого злодея, которой выяснялся лишь к финалу. И то, что для цикла о Страйке писательница назвалась вымышленным мужским именем, подчеркивает самостоятельность чисто детективного проекта.

На русском языке издано пять книг о частном детективе Страйке. Если перечислять по порядку, это: «Зов кукушки», «Шелкопряд», «На службе зла», «Смертельная белизна» и «Дурная кровь». По мнению критиков, с третьего романа о маньяке стало очевидно: Роулинг в жанре детектива не менее успешна, чем в подростковом фэнтези. Не говоря о том, что есть основание отнести роман «На службе зла» к психологической прозе. В этом романе описаны не только личные истории Корморана Страйка и его помощницы Робин Эллакотт, но и моральные травмы, сделавшие этих персонажей такими, какими они полюбились читателям. Элемент психологизма дозирован аптекарски четко и не превалирует над увлекательным сюжетом о поимке современного Джека-потрошителя, что лично мне кажется главной удачей книги.

В конце лета 2022 года в свет вышла шестая книга цикла под названием *The Ink Black Heart* (в переводе на русский «Чернильно-черное сердце»). Из открытых источников известно, что в шестом романе цикла Страйк расследует убийство YouTube-блогера, подвергшейся травле за трансфобные и расистские настроения. Западная пресса предполагает, что в книге нашла отражение биография самой писательницы. Этой книги нам в обозримом будущем по вышеозначенным причинам не видать... Впрочем, для того чтобы изучить Роулинг как автора детективов, достаточно пяти имеющихся в русских переводах книг.

Литературная серия о Страйке — книжный «вертикальный сериал», связанный общими героями и развитием их отношений. Отметим, что существует и телевизионный сериал «Страйк», в разработке сценария которого Джоан Роулинг принимала непосредственное участие. Главные роли в нем исполняют Том Бёрк и Холлидей Грейнджер. В 2022 году состоялась экранизация «Дурной крови». Почти все книги цикла получили киноверсии, однако в Рунете легально найти телесериал «Дурная кровь» невозможно.

Книги Михалковой тоже активно экранизируют, но у нее экранизаций меньше, чем литературных первоисточников. Наличие экранизаций — еще одно сходство двух известных писателей. Создание киноверсий положительно характеризует текстовую основу. Во-первых, оно говорит о популярности книги у широкой аудитории. Во-вторых, указывает на наличие в текстах «несущего конфликта», динамичности, ярких образов и прочих элементов зрелищности. В экранизации за «прекрасный слог» без вынужденного и захватывающего сюжета не спрячешься. Кино демонстрирует, что обе наши героини умеют таковой выстраивать.

Частный детектив с нелегкой судьбой

Центральный герой Гэлбрейта Корморан Страйк интересен как литературный образ и как персонаж с тщательно продуманной биографией. Он внебрачный сын знаменитого рокера Джонни Рокби от супергруппы (известной поклонницы рок-группы. — Ред.) Леды Страйк. Мать Корморана прожила недолгую несчастливую жизнь: сходилась с недостойными типами, родила двоих детей от разных отцов, не умела вести домашнее хозяйство, налаживать быт, распоряжаться деньгами. Даже когда суд назначил ей алименты от Рокби, она подседа на наркотики и скончалась от передозировки. Ее старшему сыну было в это время 20 лет. Бесприютное детство привело сестру Корморана Люси к безусловному принятию «семейных ценностей». Она рано выходит замуж, растит троих сыновей, истово верит, что ее жизнь единственно правильная, а также стремится «оженить» брата. Страйк был много лет влюблен в красавицу-аристократку Шарлотту Кэмпбелл. Полтора десятка лет они провели бок о бок в постоянных ссорах, разрывах и воссоединениях, пока Шарлотта не бросила его и не вышла замуж за человека своего круга. После этого Страйк стал бояться длительных серьезных отношений. Несмотря на специфическую внешность — высокий, полный, без одной ноги, с перебитым носом и курчавыми волосами, которые сатирически сравниваются с лобковыми, он пользуется успехом у женщин. Однако отставляет любовниц, как только они начинают тянуться к большей близости. Памятуя, сколько волнений причиняли ему маленькому партнеру мамы, чурается женщин с детьми. Наверное, поэтому Страйк живет «на антресолях» над собственным агентством, в тесноте и неудобстве, но в блаженной независимости «от баб».

Шарлотта Кэмпбелл, позже Шарлотта Росс, — чистый энергетический вампир, «собака на сене», которая не хочет отпускать его же брошенного сожителя и таскается за ним на протяжении всех книг, взывая к былым чувствам, прикидываясь мученицей или звоня ему из психушки. Линия вампиризма Шарлотты связывает все романы серии, но остается в тени расследований Страйка и его симпатии к милейшей Робин, доросшей от временно нанятой секретарши до партнера — совладельца детективного агентства.

Наперекор рациональности и практичности Страйк поступает не только в отношениях с женщинами. После смерти матери он бросил Оксфорд и пошел

служить в военную полицию. В этом качестве главный герой несколько лет провёл в Афганистане, где подорвался на mine в машине вместе с другом Ричардом Энстисом. Страйк спас товарищу жизнь, но потерял половину правой ноги. Невзирая на инвалидность, ему предлагали остаться в армии, но Страйк демобилизовался и на «гражданке» выбрал заведомо более хлопотное по сравнению со службой в полиции, куда поступил Энстис, ремесло частного детектива. Для «стартапа» детективного агентства Страйку пришлось обратиться за займом к Джонни Рокби. Это была их вторая встреча за всю жизнь Корморана. Папаша ссудил сынулю деньгами на жестких условиях. Детективная сага начинается с того, что адвокаты Рокби преследуют нищего Страйка, требуя очередных выплат долга. Вот-вот ему придется продавать агентство, не имеющее клиентов и приносящее лишь убытки и разочарования. Однако блестящее расследование выходящей как самоубийство кончины супермодели Лулы Лэндри дает Страйку «стартовый капитал». От книги к книге агентство Страйка крепнет, зарабатывает репутацию, накапливает клиентуру, и призрак «долговой ямы» улетучивается. Чтобы закончить тему семейных и личных неурядиц частного детектива, стоит отметить, что по мере роста известности Страйка отношение к нему Джонни Рокби меняется. К пятой книге стареющий рок-идол уже не прочь погреться в лучах славы одного из своих отпрысков (их у Рокби едва ли не десяток, и большинство внебрачные). Отец предлагает сыну публичное воссоединение семьи, но Страйк ничего не забыл и не простил. В книге «Дурная кровь» он посылает горе-отца туда, где тому самое место. Конфликт Страйка и Рокби не завершен, но вряд ли может служить одним из двигателей сквозного сюжета.

Даже несимпатичные подробности взросления и частной жизни Страйка имеют художественный смысл. Они придают повествованию жизненные детали и эмоциональный фон, без которых истории про Страйка выглядели бы схематично. В части психологической окраски детективы Гэлбрейта более близки английским классическим романам, чем британским классическим детективам. Вспомним Эркюля Пуаро: лично о нем мы знаем только, что он уверен в работе своих «маленьких серых клеточек» и маниакально привержен чистоте, порядку и симметрии. Еще проскальзывало, что Пуаро начинал как полицейский. В остальном персонаж с его геометрически правильными усами и любовью к смородиновой настойке «висит в воздухе». Читатель не осведомлен о его детстве и юности, родителях, привычках, любовных драмах и источниках дохода. Ясно только то, что никакой здоровый образ жизни не поможет немолодому человеку прожить в силах и здравии 55 лет. Именно столько времени Пуаро существовал в издательском процессе, пока Агата Кристи писала свои новые книги. Комичный маленький бельгиец выглядит не человеком (к созданию таких фигур тяготеет «большая литература»), а функцией, машиной, вычисляющей преступника, что не помешало Пуаро стать одним из столпов мирового детектива.

Роберт Гэлбрейт идет по другому пути. Его Страйк окружен множеством деталей, придающих образу правдоподобие и жизненность. Он даже отмечает дни рождения, то есть «стареет». Жизненные перипетии создают ему «арку героя». Атрибутика детективов Гэлбрейта настолько завязана на особенностях юстиции и судопроизводства Великобритании, что напоминает книгу «Чисто английское убийство» Сирила Хейра. Такая детализация облекает «скелет» авторской идеи в плоть повседневной жизни различных слоев британского общества. При этом предпочтение отдается населению небогатому и незначительному. По мне, это замечательно. Многим современным российским детективам хочется проорать:

«Задолбал гламур!» Такой слоган я видела в «нулевые» на ржавом и грязном маршрутном такси производства ГАЗ... Но станет ли Страйк таким же персонажем-символом, как Шерлок Холмс, Пуаро или Ниро Вульф (намеренно перечисляю только книжных героев — частных детективов), судить пока рано...

Милейшая напарница Страйка

Те же самые продуманность, проработанность и заботу о достоверности можно отметить и в главном женском образе цикла — Робин Эллакотт. Она не просто простодушный спутник опытного детектива, через общение с которым тот приходит к определенным умозаключениям. Как это было с небезызвестными доктором Уотсоном или капитаном Гастингсом. Это полноценно прописанная фигура мечтавшей о карьере следователя уроженки Йоркшира, пережившей в юности нападение насильника, а в молодые годы — несчастливый брак с Мэтью Канлиффом. В связи с пережитыми стрессами Робин пользуется услугами психотерапевта. Слава богу, психотерапевтическая линия в данном цикле абсолютно пунктирна. Зачастую в современных «импортных» детективах пугает засилье психиатрии. Оно достигло апогея в романах Алекса Михаэлидеса и Майка Омера. Если это не апофеоз, а лишь подступы к нему, то какой ужас нас ожидает?.. Кроме того, Робин обладает опытом экстремального вождения и с каждой книгой становится все более прозорливой сыщицей. Как и Страйк, его напарница регулярно отсчитывает годы своей жизни. В «Дурной крови» ей исполняется 30 лет. Как и Страйк, Робин настрадалась от представителей противоположного пола и после развода с Мэтью стремится едва ли не к аскезе. Наконец, Робин как литературный образ или проекция «вероятной» личности приятнее Страйка. В ней больше гармонии, равновесия, не говоря о женственности и хозяйственности. Страйк от романа к роману все более проникается прелестью Робин и все отчетливее чувствует, что лишь она одна понимает и принимает детектива со всеми его «закидонами». Но то ли из-за личных комплексов, то ли из сочувствия к ее невезучей личной жизни он продолжает держать с совладелицей агентства мужскую дистанцию. Вектор отношений Робин и Страйка на протяжении книжной серии должен привести если не к законному браку, то к постели. Хотя многим рецензентам кажется, что недосказанность между главной «парой» есть авторский прием для увлечения читателя и потому он будет сохраняться все время. Пока же животрепещущая тема замерла на платонической симпатии, и возможности ее развития очевидны — сближение сугубо сексуальное, полноценный брак или бесконечное «пережевывание соплей». Не видится реальным только сценарий с расставанием и уходом кого-то из главных героев из агентства. Повествование стоит на них как на двух полюсах инь-ян, на единстве и борьбе противоположностей. Исчезновение любого из них отберет добрую половину материала для художественного конструирования.

Чем кровавее, тем интереснее

Вместе с тем нельзя сказать, будто привлекательность саги о Корморане Страйке зиждется только на сложном развитии любовного сюжета. Гэлбрейт выбрал заведомо выигрышную форму «кровавого» детектива. В основе всех расследований Страйка лежит убийство или внезапная смерть. По ходу большинства повествований трупы множатся. Сюжеты постараюсь не выдавать, но в общих чертах упомяну. Первый роман «Зов кукушки» — про таинственное

самоубийство модной модели, оказавшееся следствием внутрисемейных распрей (непонятная поначалу «кукушка» из названия указывает на приемных детей). «Шелкопряд» повествует про исчезновение популярного писателя Оуэна Куайна, превратившееся в расследование его садистского убийства. Попутно дается хлесткая сатира на литературные круги Британии. Ключом к разгадке убийства становится пакостная рукопись «Бомбикс Мори» («шелкопряд» на латыни), которую считают последним произведением покойника. Откровения Гэлбрейта насчет литературного цеха местами не уступают поляковскому «Козленку в молоке». Наверняка для читателей-британцев многие шаржи на писателей очевидны.

Третья книга «На службе зла» — самая кровавая во всем цикле. Она посвящена поискам маньяка-убийцы по прозвищу Шеклуэльский Потрошитель. На протяжении книги душегуб не только забирает жизни нескольких девушек, но и покушается на жизнь Робин. Ей приходится идти на собственную свадьбу со свежим уродливым шрамом во всю руку. Здесь же Страйк прогоняет Робин из агентства за промашку, но вскоре раскаивается и готов простить и принять назад. Хотя мог бы остаться без помощницы, волком-одиночкой... Поэтому я считаю, что оба сыщика имеют для автора не самостоятельную, а «парную» ценность. Они выступают тандемом, и, значит, сколько бы продолжений у цикла ни вышло, они будут с двумя опорными персонажами.

«Смертельная белизна» — самый великосветский и запутанный сюжет саги. Расследование детектива-калеки вторгается в правительственные сферы и густо приправлено погоней за предметами искусства. Невзрачная картинка из чулана оказывается забытым шедевром, стоящим такую сумму, за которую не жаль несколько жизней положить. При этом злодеями движет не только жажда наживы. В романе остается место для семейных драм, адюльтеров и политических игрищ... Так же как в «Шелкопряде», в портретах писателей, политиков и чиновников угадываются если не конкретные прототипы, то как минимум собирательные образы публичных людей.

Наконец, заключительная для российской аудитории книга цикла «Дурная кровь» — ретроспективное расследование таинственного происшествия тридцатилетней давности. Изучение исчезновения молодой женщины-врача усложняется тем, что половина участников преступления покинула мир живых. В их числе следователь, помешанный на знаках зодиака и их влиянии на судьбу и прочей мистике. Он оставил записи, но толку от них немного — слишком много места в тексте занимают магические символы и иной бред. Вычислив подлинного виновника, Страйк устанавливает целый ряд жертв, умерших якобы от естественных причин. В «Дурной крови» Гэлбрейт талантливо обыграл принцип пазла. Составление целостной картины преступления из обрывков информации захватывает читателя с головой и держит до самого конца.

Гэлбрейт свято блюдет золотое правило детектива: во всех романах убийца находится среди действующих лиц, а не проникает в сюжет со стороны, он точно не шофер и не садовник. При всем том на протяжении пяти первых книг серии детективная канва ни разу не повторилась.

Социальное начало

В описании социума Гэлбрейт стремится к полной достоверности. Его фирменное внимание к деталям простирается на акценты и диалекты территорий, где сыщики бывают в ходе расследований, особенности разговора разных

социальных страт и даже «речевые характеристики» второстепенных героев. Сложное даже для английского уха имя Страйка (взятое матерью из кельтской легенды, ибо они выходцы из Корнуолла) его собеседники то и дело коверкают. Произносят как Камерон и Кэмерон, сокращают до Корм или подменяют кличками. Например, Бунзен — слово из лексикона Штыря, друга детства и прибалтненного типа. Поэтому прямая речь в книгах о Страйке особенно сочна. Авторская речь менее склонна к изящному либо саркастичному английскому юмору, чем слог Роулинг в «Гарри Поттере», но тоже вполне художественна и зрима. Единственный недостаток — многословность. В уточнениях и описаниях Гэлбрейт превзошел даже старшую коллегу — Филлис Дороти Джеймс. С другой стороны, благодаря описательности автор практически ведет хронику лондонского быта. Не могу судить, есть ли на карте британской столицы Денмарк-стрит или любимые пабы Страйка, но это последнее, о чем хочется думать при чтении. Гэлбрейт создает плотную описательную ткань из таких мелочей, как расценки на товары и услуги, зарисовки лавчонок, сквериков или кладбищ, сценки в универмагах, метро, квартирах фигурантов дела или сыщиков, аксессуаров, модные бренды, предметы туалета, марки автомобилей или пива, породы собак, котов и лошадей и еще множество деталей того, что зовется жизнью. Особое место занимают тонкости слежки, нюансы грима и маскировки. Судя по всему, Роулинг замечательно проконсультировали о работе детективного агентства.

Наконец, Гэлбрейт «по-крупному» работает с общественными потрясениями. Детективные сюжеты развиваются на фоне правдоподобных социальных процессов. Причем к последним книгам цикла их конкретизация нарастает. Социальный посыл «Зова кукушки» — противопоставление мира честных тружеников вертепу большой моды и гнусности нравов высшего общества. В «Шелкопряде» таковым становится уродливый моральный облик писателей, «властителей дум». Роман «На службе зла» социален, поскольку радикальные и патологические формы социопатии неприемлемы для общества. В «Смертельной белизне» ширится рабочее движение, а членов правительства обвиняют в бесчинствах британской армии и спецслужб за рубежом. В «Дурной крови» обсуждается автономизация Корнуолла — частный пример европейских тенденций к обособлению территорий. Судя по анонсу, общественная значимость «Чернильно-черного сердца» — в освещении феномена сетевой травли и обвинений в трансфобии и шовинизме. Все это явления не просто узнаваемые, но «горячие» — от подобной травли пострадала сама писательница. Гэлбрейт не боится вводить «горячие» темы в свои на первый взгляд развлекательные книги. Может, она таким образом «ловит хайп»?

Частный детектив на русской почве

Перейдем к Елене Михалковой и ее частным сыщикам. Для полноты картины отметим, что на сегодня у автора вышло сорок книг. В некоторых из них тандем Илюшина и Бабкина не действует. Это ранние детективы «Жизнь под чужим солнцем» и «Дом одиноких сердец», два детектива об аферистах «узкопрофессиональных» сфер — «Иллюзия игры» (казино) и «Алмазный эндшпиль» (ювелирка).

А также два сборника рассказов о расследованиях гувернантки миссис Норидж — эксперименты с типично английской детективной канвой и набором персонажей. Зимой 2021 года рассказ из первого сборника был разобран неформальной группировкой критиков «Лаборатория критического субъективизма»,

«взвешен, измерен, подсчитан» и признан слишком легковесным в литературной части. Вероятно, потому, что это подражание, а не подлинник.

Казалось бы, с таким опытом Михалкова вправе претендовать на «роулингозамещение», но все ли так просто?..

Поэтому давайте остановимся на «оригинальных» детективах Михалковой. Среди них главенствующее место и количественно, и качественно занимают произведения частных сыщиков Макара Илюшина и Сергея Бабкина. Так как число романов об этой парочке близится к четырем десяткам, представить каждый хотя бы вкратце, как с книгами Гэлбрейта, в рамках одной статьи невозможно. Остановимся на презентации ведущих персонажей и разборе общих правил построения детективных сюжетов Михалковой.

Прежде всего стоит отдать должное фантазии российского автора детективов. На уровне сюжетных коллизий она еще ни разу не скомпилировала себя, всегда выдумывая что-то новое. Она не «клишировала» расхожие шаблоны и не использовала находки коллег. Разве что мне померещилась женская версия брутального и очень «мужского» хода, придуманного Ю Несбё для маскировки преступника в автомобиле, в романе «Тот, кто ловит мотыльков». Может, действительно померещилась...

Свое кредо Елена Ивановна выразила в одном из интервью: «Основное соображение — избегать самоповторов. Есть большое искушение почти для любого автора: повторять собственные удачные вещи, использовать одну и ту же схему в разных обрамлениях. Читатель часто любит автора именно за предсказуемость, но здесь мне пришлось выбирать между интересами условного читателя и моими собственными: я знаю, что мне очень быстро надоело бы ходить исхоженными тропами. А что может быть грустнее, чем детективщик, которому скучно писать детективы!» Наверное, поэтому, хоть автором написано около сорока книг, читать ее новинки неизменно интересно — не бывает впечатления дежавю. Сюжеты Михалковой причудливее и прихотливее, чем у подавляющего большинства отечественных детективщиков.

Единственным исключением из правила о постоянном разнообразии можно назвать мотив преступления, затерянный в далеком прошлом, что в книгах Михалковой присутствует регулярно. Да и не только у Михалковой. След из прошлого — богатая фактура для детектива. Не счесть мастеров жанра, воздавших ей должное. Михалкова избрала для своих сыщиков удачную специализацию — поиск пропавших людей. Это изначально направляет повествование в ретроспективу. Оригинальность исходных конфликтов нашего автора объясняется тем, что опасные «скелеты в шкафу» хранятся у обычных, не родовитых и не знаменитых людей. Они возникли не в связи с глобальными историческими переворотами и потрясениями, а в ходе заурядной жизни семьи, соседей, дружеской компании, одноклассников, сослуживцев... Изредка в цикле Михалковой возникают драгоценности, спрятанные после революции или в ходе «передела собственности» начала 1990-х годов. Эха Великой Отечественной войны не было ни разу. Актуальной политики — тоже. Но иногда ниточка тайны протягивается в современность из Средневековья реального («Манускрипт дьявола») или вымышленного («Дудочка Крысолова»). Что приятно, в основном движущие силы книг Михалковой не общественно обусловленные и не финансовые. Писательница отдает своеобразную дань человеческим чувствам — на первый план выходят ревность, включая подростковое соперничество, зависть, любовь, ее отсутствие или переход в различные свои противоположности, дефицит

эмпатии, вакуум вместо тепла и взаимопонимания между близкими людьми, желание мести. Более половины историй Михалковой про дуэт Илюшина и Бабкина — возмездие за старые обиды или грехи или неудачные попытки избежать одного. Особое внимание автором уделяется комплексу «сверхчеловека», превращающему двуногое разумное существо в монстра. Довольно много книг Михалкова посвятила тому, куда способно завести людей ощущение собственной исключительности, — и рассмотрела разные грани итогового безумия. Ее злодеями становились маньяки, домашние тираны, удачливые бизнесмены, неудачливые бизнесмены, маменькины сынки, школьные изгои, очаровательные домохозяйки, сироты, бывшие «классные королевы», беспринципные обыватели. Есть даже чокнутая писательница, пародия то ли на «Мизери» Стивена Кинга, то ли на саму себя, вроде Ариадны Оливер Агаты Кристи.

Это не единственный пародийный образ творческого человека в саге про Илюшина — Бабкина. Детективный дуэт по роду деятельности сталкивается с фотохудожниками, писателями, сценаристами, скульпторами, живописцами, артистами, режиссерами, изготовителями эксклюзивной бижутерии и даже эстрадными звездами. Представителей «творческих элит» писательница живописует с щедрой долей иронии. Именно благодаря этой иронии деятели искусства у нее получаются живыми и правдоподобными. Тогда как «корпоративная этика» и нравы творческих страт становятся одним из источников детективного конфликта. Одна из последних книг Михалковой «Тигровый, черный, золотой» препарирует взаимоотношения внутри вымышленного Имперского союза художников. Кровавая детективная интрига связана с... э-э-э... (не хочу раскрывать детективный замысел) использованием картин не по назначению. Выглядит это как неплохой шарж на дутые таланты, которые, согласно известной песне Окуджавы, «обожают собираться в стаи — впереди главный во всей красе», и на творческие объединения. Когда в массу бездарей или «пропивших» (продавших) свои таланты затесывается подлинное дарование, его скорее сожрут, чем признают таковым. Из, казалось бы, насмешки возникает серьезный вопрос о критериях противопоставления профессионализма — непрофессионализму в условиях вольной эластичной трактовки данных понятий. Мне в «Тигровом...» было приятнее видеть сатиру, чем детектив.

Не исключены возражения в духе «Михалкова как автор “легкого”, развлекательного или массового жанра не настолько профессионал, чтобы иметь моральное право иронизировать над настоящими мастерами пера и кисти». Моя позиция проста: тот, кто владеет правилами жанра, уже профессионал. Сочинять гораздо сложнее, чем писать о том, что хорошо знаешь или что тебя волнует. Тем более что самая модная на сегодня проза-автофикшен сводится к «излиянию души».

Примечательно, что провинции и ее жителей в романах Михалковой меньше, чем столиц и обитателей мегаполисов. Здесь она идет вразрез с традициями «гламурного» детектива, о которых я неодобрительно говорила выше. Ненавязчиво, но постоянно, из книги в книгу нашего автора, звучит мысль: в глубинке тоже живут люди, не менее заслуживающие внимания, чем «чистая публика». Их нельзя причислять под одну гребенку или огульно наклеивать ярлыки. «Простые, чистые душой люди» и «безграмотное быдло» — равно утрированные и далекие от истины утверждения. Лейтмотивом звучит то, что в периферийном тихом омуте тоже могут разыграться нешуточные страсти. Кстати, это «застолблено» и «боллитрой» (большой литературой. — *Ред.*)...

Башня из слоновой кости

При всей заботе Михалковой о правдоподобии типажей и прорисовке провинциальных пейзажей есть момент, в котором она серьезно уступает британской коллеге. Детективы Михалковой разыгрываются в химически чистой среде. В ее романы не проникают актуальные проблемы наших дней. Так, у писательницы нет политических детективов, в художественную ткань повествования не влетают линии со спецслужбами, партийными или парламентскими противостояниями, тем паче шпионскими страстями. Необязательно забираться так высоко. Возьмем для примера пандемию коронавируса — на самоизоляции оказались герои не только «серьезных» произведений, но и детективов. Например, Наталья Андреева споро сочинила книгу «Любовь и смерть на карантине», где действующие лица вынуждены постоянно отмечаться в электронной системе. Им приходится находиться дома и при этом разгадывать загадку жестоких убийств в соседнем парке. Писатели Литвиновы отреагировали на пандемию романом «#останься дома и стреляй!» о приключениях во время самоизоляции журналиста Димы Полуянова и библиотекаря Нади Митрофановой.

Между тем в романах Михалковой, вышедших в указанный период, даже слово «коронавирус» не звучит!.. Макар Илюшин с Сергеем Бабкиным не стеснены необходимостью не покидать квартиры и отчитываться о своем присутствии. Для остросюжетности это здорово, для достоверности не очень. Что из этих двух факторов важнее? На данный вопрос каждый автор отвечает сам. Михалкова сделала выбор в пользу «свободы» своих персонажей.

Казалось бы, вышедший под новый, 2023 год роман Елены Михалковой «Перо бумажной птицы» не мог обойтись без отсылок к известным политическим событиям 2022 года. Но Михалкова решила задачку так же легко и непринужденно, как Макар Илюшин вычисляет преступника, немного посидев в раздумьях и порисовав на листах бумаги каляки-маляки. После слов «Глава 1» следует уточнение: «Июль 2018 года». Действие развивается или линейно в указанном времени, или двадцатью годами ранее. Текст книги пропитан ядом мести, жадной воздаяния за дела давно минувших дней. Это не чистый детектив, а экшен о том, чего стоит в нашей стране создать и сохранить малый бизнес. Об этом говорится безо всякого ерничества, с уважением. В небольшом пространстве автор совмещает призыв к социуму и отречение от него. Фактически пространство детективов Михалковой становится «башней из слоновой кости». Это простительно — от «легкого жанра» читатель не ждет социального пафоса. Зачастую попытки авторов актуализировать и заострить социальную подоплеку условных приключений вызывают отторжение и попреки.

Я бы добавила, что позиция Михалковой гуманна — маленький человек и его бытие ей интереснее судьбы человечества. Известно, что любить абстрактное человечество проще, чем конкретного соседа по коммуналке. Поэтому ее детективы, являясь классными остросюжетными романами, всегда основаны на межличностных отношениях и психологии. Вопросы нравственности она ставит и решает, не выходя за рамки жанра. Так, в романе «След лисицы на камнях» встает вопрос, что ценнее: торжество правосудия или счастье нескольких человек. К чести писательницы, заинтересованные лица выбрали правосудие...

В безвоздушном пространстве авторского конструкта обретаются и Илюшин с Бабкиным. Как ласково охарактеризовала их «родительница» в книге «Кто остался под холмом», «светловолосый прохиндей с ручной гориллой». Илюшин и Бабкин притягательны для читателя как экзотичные архетипы наших

современников. При этом друзья-антагонисты выглядят не как живые люди, а как функции, символы антагонистичных подходов к расследованию: «силой» или «умом». Заданная Михалковой в начале цикла дихотомия не меняется десятилетиями, но и не изживает себя. Тандем Илюшин — Бабкин «косплеит» классические пары Шерлока Холмса — доктора Уотсона, Ниро Вульфа — Арчи Гудмена, Эраста Фандорина — Масы. Ведомый (Бабкин) загружен наблюдением, сбором улик, рутинной полицейской работой. Ведущий (Илюшин) берет интеллектом, интуицией, озарениями и неожиданными аналогиями. Аналогии у Михалковой знатные. Так, загадку романа «Золушка и Дракон» Макару Илюшину помогла разрешить самая знаменитая сказка Шарля Перро в аутентичном пересказе.

Кто такой Макар Илюшин?

Нюансов работы частного детектива у Михалковой тоже значительно меньше, чем у Гэлбрейта. В основном она прописывает общение детективов со свидетелями... В отличие от Корморана Страйка, о происхождении и формировании Илюшина как личности не известно ничего. Он «наш» Эркюль Пуаро: без семьи, родных, роду-племени и внятного бэкграунда. Волей автора цикл выстроен как «вертикальный сериал»: каждая серия — самостоятельное приключение, сквозного сюжета, трансформирующего личность главного героя, нет. Возможно, потому персонаж Макар Илюшина почти не меняется от книги к книге. Единственный текст, отталкиваясь от которого можно хоть как-то строить «арку героя», — малоизвестный по сравнению с вышеописанными романами рассказ «Мужская логика 8-го Марта» из межавторского сборника «Эксмо» 2008 года. Там Макар после юридического института проходит практику в аудиторской компании и только начинает проявлять детективные способности, расследуя пропажу шикарного украшения у одного из сотрудников. Здесь впервые прописаны многие «фирменные» черты натуры Илюшина: начитанность (взял в помощники Г. К. Честертона), умение нестандартно мыслить, внимание к деталям, знание человеческой души. Из рассказа не следует, где Макар родился и рос, кто его воспитывал и почему он стал именно таким. От малой литературной формы это не требуется. Но и в большой форме Михалкова не прописала ему биографию.

По этой же причине Илюшин часто выглядит как персонаж-трикстер. Ему присущ сардонический юмор, любовь к зеленому чаю и бесполезной еде типа пиццы и китайской кухни и вечное мальчишество облика. Излюбленный эпизод Михалковой: в ходе сбора информации, когда собеседник начинает грубо, надменно или панибратски вести себя с Макаром, введенный в заблуждение его несерьезным видом, тот преображается на глазах и показывает истинное лицо — взрослого хладнокровного человека, не признающего препятствий в погоне за истиной. В более поздних романах (призрачное напоминание о том, что годы идут и Макар не так юн, как смотрится) Сергей Бабкин периодически называет эти преображения демоническими. «Вечная молодость» Илюшина не случайна, но что она означает или для чего задумана автором?

Два года назад был сделан любопытный писательский ход. Татьяна Степанова в предисловии к роману «Последняя истина, последняя страсть» (Эксмо, 2020) ответила на многочисленные вопросы читателей о возрасте ее центральной героини — криминального обозревателя Кати Петровской: «Катя всегда будет молодой, прекрасной, желанной и любимой. Она НИКОГДА не состарится. Она навсегда останется тридцатипятилетней и будет существовать

в этом возрасте и в этом образе и в будущем. Это мое авторское право и желание. Так что вам, дорогие мои читатели, придется это принять как должное». Возможно, что-то подобное замыслила в отношении Макара Илюшина и писательница Елена Михалкова, но пока не высказалась об этом определенно.

Не исключаю, что она видела своего персонажа существом высшего плана (вроде альтиста Данилова, посланного на Землю творить справедливость), и рано или поздно это проявится буквально. Это не единственный отголосок мистики в ее творчестве. Не только в «илюшиниаде», во всех книгах Михалковой периодически происходят чудеса, помогающие главным героям. Особенно ей нравятся аблаки: энергетические сгустки, остающиеся от человека после смерти. Скажем, в романе «Нежные листья, ядовитые корни» аблак героини, заварившей кровавую кашу, помогает Илюшину, Бабкину и его жене Маше сражаться со своей погубительницей. Самый «простонародный» из детективов серии «Черный пудель, рыжий кот и свадьба с препятствиями» показывает убийство как гнев стихий, без участия злоумышленников, хотя таковых немало. Также у Михалковой являются ангелы, хорошим людям снятся вещие сны, а артефакты оказываются не только предметами искусства, но и волшебными атрибутами, помогающими положительным героям. Ирреальный элемент в приключенческой прозе в ходу со времен Александра Дюма и прибавляет тексту красок. В конце концов, то, что добро побеждает зло, тоже волшебство...

Мистика — это наше все. Например, на нечеловеческую природу Макара как будто указывают его откровения насчет подоплеки преступлений, берущиеся словно прямиком из ноосферы. И то, что, сколько бы раз Илюшина ни били и ни похищали, он остается жив и здоров. Даже такие заковыристо рассчитанные покушения, как в романе «Прежде чем иволга пропоет», не увенчиваются успехом. Равно неестественно выглядит его хроническое одиночество в личной жизни: ни жены, ни детей, даже «на стороне». Несколько раз Макар встречал женщин, в которых искренне влюблялся. Но связи обычно оставались в пределах одной книги и не продолжались в дальнейших. Расследование убийства в кругу бывших одноклассниц («Нежные листья, ядовитые корни») свело Макара с Сашей Стриженовой. Они хорошо подходили друг другу и были рядом на протяжении следующей книги («Черный пудель...»). Но уже в следующей книге «След лисицы на камнях» напарники обсуждают причины ухода Саши. Они объясняются не от лица автора, а метафорически устами Илюшина: он сравнивает себя с кастрюлей на плите — кипятик бурлит, а картошка сырая. Возможно, образ Макара требует такой же обособленности от людей, особенно от семейных отношений, какой отличались Шерлок Холмс или Огюст Дюпен. Эдакое добровольное изгнанничество выдающегося ума, положение, которое обязывает. Мистично ли оно по своей сути? Скорее утрированно рационально.

Предположение, что Илюшин может превратиться в мистическое существо или саморазоблачиться, тоже выглядит сомнительно. Ни одна из книг Михалковой этого цикла ни по дискурсу, ни по тематике, ни по интриге не напоминает полномерные мистические детективы таких авторов, как Елена Хаецкая или Евгения и Антон Грановские. Сочинения Михалковой — это скорее спектакли, разыгранные в авторских декорациях. Однако таково большинство лучших книг детективного жанра. Дистанция от условного пространства детектива до полностью магической истории слишком велика, чтобы ее можно было преодолеть без предварительной подготовки. Кроме всего прочего, если Илюшин окажется подлинным демоном, он утратит Сергея Бабкина. А по сюжету Сергей такой же вечный спутник Макара, как Робин — Страйка. Детективные циклы

обоих авторов строятся на единстве и борьбе противоположностей двух главных героев. В случаях чудесного спасения побеждает дружба и взаимовыручка сыщиков...

Кто такой Сергей Бабкин

Что касается Сергея Бабкина, у него бэкграунд есть. Этот персонаж стоит на земле прочнее, чем Илюшин, хотя в его невероятной физической силе можно усмотреть былинные мотивы. О Бабкине известно, что он бывший оперативник. Ушел из полиции, но сохранил тамошние методы работы (может по рукоприкладствовать, но не злоупотребляет, любит собирать и «просеивать» информацию) и полезные знакомства. Благодаря им он систематически получает сведения, недоступные посторонним. Почти все преступления у Михалковой расследуются параллельно с полицией либо по следам «висяка». Хотя это случается частенько, оставлять правоохранительные органы в дураках для автора не самоцель. Бабкин покинул структуру МВД, чтобы работать с Илюшиным. В текстах заметно «плавают» дата того момента — то пять лет назад, то девять... Видимо, поэтому у персонажей, даже у «приземленного» Бабкина, не указан возраст. Если отсчитывать от «Мужской логики 8-го марта», издательский проект похождения Макара Илюшина длится уже 15 лет, и большую часть времени его сопровождает Бабкин.

Бывший опер был дважды женат, вновь встретил свою первую супругу в качестве жены фигуранта в романе «Рыцарь нашего времени» и понял, что развелся не зря. С новой женой Машей Бабкин встретился в романе «Темная сторона души». Она была втянута в хаос зловещих происшествий на фоне тихой пасторали. На последних страницах этой книги Бабкин и Маша сошлись и с тех пор «живут душа в душу» — вырастили Костика, ее сына от первого брака. Жизнь кипит. В последних книгах Маша снова забеременела, и Бабкин окружает ее несколько панической заботой. Макар требует, чтобы Бабкин назвал сына в его честь, а папаша отнекивается...

Забавно, что с беременной Машей вышло три книги, а долгожданное чадо все никак не народится. Внутри детективной вселенной Михалковой время течет по собственным законам, и в этом они родственны с Татьяной Степановой. Главное, что образ тяжеловесного и грубоватого, но доброго и честного Бабкина сообщает детективному циклу земное начало. Пожалуй, это он, а не Макар Илюшин мог бы составить конкуренцию Корморану Страйку...

Очень короткий вывод

Возвращаясь к изначально поставленному вопросу насчет «детективного импортозамещения», резюмирую. Если выразить это словами Чанцева, произведения Гэлбрейта и Михалковой «не меньше чем просто литература». Как ни парадоксально, именно западный автор явил миру социальность, пестовавшуюся русской классикой. Российская создательница детективов, напротив, ушла в поле художественной реальности, если не условности, что считается принципом зарубежной остросюжетной прозы. Заменить Гэлбрейта одной Еленой Михалковой так, чтобы не осталось и щелки, вряд ли возможно. Может, если «объединить» усилия целого ряда лучших современных российских мастеров детективного жанра, читатели не заметят недостатка иностранных развлекательных книг? Так или иначе, к новой реальности приходится приспособляться... Такова жизнь.

Кристина АНДРИАНОВА-КНИГА

КИНОГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Нынешнее время не самое веселое, однако даже в критические моменты истории не только песня, но и шутка строить и жить помогает. Часто потому, что парадоксально вбирает в себя черты исконно русской драмы... В данном случае поговорим о более-менее успешных комедиях, отражающих искания, «беды и победы» российского поколения — современника очередного перелома эпох, происходившего в 1984—2004, по иной трактовке — в 1981—1996 годах. Поговорим о «видавших все» миллениалах.

Социологический пролог

Согласно современной теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува, можно выделить четыре типа поколений, полный цикл которых («подъем-пробуждение-спад-кризис») в совокупности длится 80—90 лет. Каждый из четырех периодов, соответственно, составляет двадцать с небольшим лет. Ныне популярное учение о «молчаливых», бумерах, поколениях X, Y и Z нередко обвиняют в обобщениях, игнорировании возрастных и гендерных факторов, отсутствии эмпирических исследований и детерминистском подходе со спекуляциями. Тем не менее с начала 1990-х годов заморскую затею с переменным успехом сеяли в отечественную научную почву. В результате появилось «последнее советское поколение» (1964—1973 гг.) и более узкое — «лишнее поколение» (1971—1973 гг.), а также еще формирующееся «цифровое поколение» (2004—2024 гг.). Историческую привязку получили поколения оттепели, застоя и советских реформ, завершившихся пресловутой перестройкой. Отчего вышеупомянутым миллениалам не нашлось своего якоря-события в море истории, есть тайна великая. Может, этих «якорей» слишком много?

В общем, единых категорий в данном вопросе российская наука до сих пор не выработала. Сказались разница с западной моделью лет в десять, «лихие девяностые» полураспада и тучные «нулевые». При этом отечественная модель достаточно точно описывает особенности каждого поколенческого типа.

Российских миллениалов, или «игреков» (Y), в западной теории характеризуют как не доверяющих государству и не желающих в него вкладываться, саморефлексирующих и желающих личной свободы. При этом они готовы непрерывно учиться, развиваться и путешествовать. Противоречий в данном описании заложено немало. К примеру, «игрек» привык надеяться на себя — и при этом очень привязан к родителям (некоторые так и живут с ними после 18—20). В отечественной характеристике тоже немало спорного, однако эти моменты в основном относятся к индивидуальному опыту: воспитанию, характеру,

отношению с родными. Насколько похожи «игреки» на их научное описание, зрителю предоставляют судить современные российские киноистории.

С одной стороны, здесь нас ожидает великое множество серых, пошлых, слабых и просто провальных сюжетов («Рашен юг», «Булки», «Марафон желаний»), неоднозначные сериалы «Мир, дружба, жвачка» и «Чика», полнометражки «Жизнь впереди» и «Тряпичный союз», а также новеллы бесконечного альманаха «Елки», где качественно сняты только две первые части и лента «1914».

На другом краю нашего рейтинга находится небольшое количество историй, претендующих на долгоиграющие хиты или даже смысловую глубину при внешней «тусовочной» картинке. Из относительно крепко сбитого обратим внимание на работы «Я худею» Алексея Нужного (2018), «Холоп» Клима Шипенко (2019), «Молодой человек» Александра Фомина, две части «Непослушника» Владимира Котта (все 2022 года) и на героя немного более позднего поколения — «Хорошего мальчика» Оксаны Карас (2016).

Мажор в лаптях и блогер в храме

«Холопа» видел, наверное, каждый второй российский зритель. Лидер отечественного проката 2019 года, замыкающий тройку самых кассовых фильмов (впереди «Аватар» и «Чебурашка»), повествует о перевоспитании плохого недозрелого экзотическими методами. Сюжетами о «попаданцах» нашу публику давно не удивишь, да и «Шоу Трумана» вполне нашумело в свое время, однако в данной картине на первый план выходит своеобразный катарсис, переоценка героем своей жизни. Залогом успеха картины стал сценарий с хорошим юмором, актерский состав, операторская работа на колоритной русской природе, костюмы и даже некоторый грим. Все это служило главной идее, которая — о чудо! — там была. На стыке эпох, в каждой из которых есть свои мажоры, заметнее проступают и больше ценятся человеческие качества. Помимо важности умений дружить и любить, которые обесценились в беспринципных 1990-х, в фильме обозначен самый важный момент — вера в другого человека. На общем депрессивном фоне это явное социальное развитие и свет в конце тоннеля, а не пресловутый фукуямовский «конец истории». Символично, что этот «свет» открывают миллениалы, когда-то его лишенные. Давние рецензии на эту киноисправительную историю в основном делали акцент на герое Милоша Биковича, Грише. Что вроде бы правильно. Но во многом причина его поведения кроется в отце (Павла играет Александр Самойленко). Это поколение, на глазах которых рушился «Союз нерушимых». Он не верит ни в бога, ни в черта, ни в сына, во всем разочарован и даже не понимает, что женщина, с которой он давно в отношениях, его действительно любит. Персонаж примерно тех же лет в исполнении Охлобыстина представляет иные модели поведения и убеждения. Просто эта «альтернативная формация» не была на гребне волны 1990-х, казалась маргинальной и устаревшей. Поэтому сегодня мы наблюдаем обратный виток цивилизационного маятника. Этим маятником качается представитель поколения «игрек», на котором проводит эксперимент эксцентричный психолог, знающий, что добро часто бывает с кулаками. При этом все максимально технократично: деньги отца погружают сына в популярное и всем понятное реалити-шоу. Однако на печальном контрасте безнравственного капитала и высокого смысла

вызывает достаточно хорошее кино, которому общество прощает даже пару скабрёзных эпизодов.

«Непослушник» в некотором смысле идет по проторенной дорожке «Холопа». Нам показан одиозный зарвавшийся барчонок лет 25—35, наглый, скандальный, эгоцентричный и легко нарушающий чужие личные границы. Он так же оказывается в чуждых для себя условиях выживания-исправления ради (сравните: деревня помещика Российской империи и почти забытый монастырь). Этот антигерой тоже рано потерял мать (сценаристы постоянно пытаются продать сиротство как смягчающее обстоятельство, хотя в ряде советских фильмов после таких трагедий вырастали совсем другие по поведению личности) и был заброшен отцом. В первом, «холопском» случае папа «делал бизнес», во втором — глушил горькую. И тут и там детская травма идет через Великую Потерю. Первый ее сублимирует «вписками», а второй — хайпом с возможностью получить новых подписчиков (потребность в признании) и легкого бабла (на более честный труд нет времени — таково кредо некоторой части нового поколения).

Отличает персонажей и разница в социальных слоях. Мажор не знает бедности и потому лишен качеств «дворянского бойца», тогда как блогер хорошо знает цену деньгам и, судя по умению организовывать процесс и заинтересовать аудиторию, обладает лидерскими качествами. Главный герой в исполнении Виктора Хориняка не особо симпатичен, и артист никак не может выйти из типажа такого же нахрапистого «последнего богатыря». Однако его герой обладает более сложной, чем у «холопа», судьбой, а значит, по жизни должен быть интереснее и глубже. Вместе с тем сценарные диалоги раскрывают эту глубину не очень хорошо. По этой причине диалогия о непослушнике Димонстре смотрится попсовым продуктом с легковесными рассуждениями о вере, церкви, душе и прощении. Во второй части еще и с попыткой примирения в памяти старших поколений религии с комсомолом.

Есть у «конфессиональной комедии» и сильные сценарные стороны. Церковная тематика вшита в ткань истории столь аккуратно, что ничьих религиозных чувств не задевает. Разве что доводит до абсурда сон насельников монастыря на соломе или копание водопровода под песню «Агаты Кристи» «Я на тебе, как на войне», звучащую в обеих частях. Не зря в титрах отдана дань благодарности представителям РПЦ, понимающим мастерство тонкой режиссуры. Из положительных качеств нового поколения, которое представляет персонаж Хориняка, стоит выделить и настойчивость. Она четко выражена в следующем диалоге: «Если мы тебе не поможем, ты все равно это сделаешь». — «Золотые слова!»

Отдельно отметим Таисию Вилкову в роли Насти. Сперва такой духовно чистый образ кажется нереальным. Такие девушки если встречаются, то только в российской провинции. Первоначально Настя выглядит как не совсем или совсем не типичный представитель молодежи на стыке поколений Y и Z. Только во второй части проступает в актрисе что-то из ее бывлых ролей вроде безвкусицы «О чем молчат девушки» (пусть она там и самая мягкая из типажей) или спорной «Дикой». Символично, что отец Таисии, тоже актер, родом из Ивановской области, где снимали большую часть эпизодов.

Проще говоря, первая «серия» православной диджитал-истории (считай, юмористической притчи) — еще один неровный рассказ об изменении человека, худо-бедной духовной работе над собой, приправленной забавными житейскими

ситуациями. Со съемками в древней Шуе, с батюшкой Анатолием — замечательным Юрием Кузнецовым, которому борода и прищур на исповеди в самый раз. И, конечно, с финалом, сыгранным не киноактерами, а украшенным «Аллилуйей любви» в исполнении простых церковных певчих.

Но если «пилотный выпуск» рассказывал о работе над собой конкретного «игрека», то продолжение со слоганом «вспомнить все!» сместило акцент на того самого батюшку. И не зря. Персонаж раскрывается строго по законам драматургии — кульминация и развязка соврать не дадут! Через призму опыта, исканий и ошибок героя Кузнецова изменяется и бывший Димонстр — молодой отец, избегающий родительской ответственности. В контексте этой проблемы символична фраза, вложенная сценаристами в уста матушки Ефросиньи: «Бога ты, может, обманешь. А ребенка — нет».

В «Непослушнике», как и в «Холопе», нравственное прозрение киногероев происходит благодаря правильному взаимодействию разных поколенческих парадигм. «Непослушная» двухчастная композиция поднимает сложные темы, которые подаются легко — аккуратно на языке молодежной аудитории. Есть в ней и типаж с неплохо прописанными историями. А также на первый взгляд парадоксальное, но логичное для нашего исторического периода сочетание религиозной, советской и «бригадной» тем. Поглядите, сколь иронично обыгран Гошей Куценко «антибезруков» Саша Черный.

При всем том с абсолютным принятием картины зрителем остаются вопросы. Нам пытаются показать относительно светлых либо «серых» персонажей. При этом они малосимпатичны. Не располагают к себе ни церковный функционер в исполнении Лагашкина, ни растяпа Аброскин, ни типичная хваткая хищница Тарасова. Из бросающегося в глаза не совсем приятного стоит упомянуть видеомонтажные ляпы (матушка во второй части за пару кадров-секунд успевает побывать сразу в двух местах), а также сценарные допущения и недосказанности. Последние неприменимы для комедий, в которых немало драмы. Особенно жаль былую молодость двух пожилых героинь, которым некогда сломали судьбы. В частности, было бы полезно раскрыть сложный образ Ефросиньи-Елены.

Зато вполне неплохо показаны с поколенческой точки зрения родители главных героев в «Я худею» и «Хорошем мальчике».

Провинциальная история

Актеры, играющие главных персонажей, не принадлежат чисто к поколениям Y или Z (Александра Бортич и Семен Трескунов родились в 1994 и 1999 годах), поэтому выпадают из образа стандартных «зетов». Семен признает, что любит играть «аутсайдеров». Ему ближе «поздние игреки», странные для нового, рожденного со смартфоном в руках, поколения. Наши герои по молодости ищут себя и заодно — ответы на вечные вопросы бытия. Причем в среде вполне себе приземленной. Аня борется с неистребимым желанием хорошо покушать, а Коля — с несправедливостью этого мира и за право на свое мнение. За внешне незатейливым бытом Нижнего Новгорода («Я худею») и условного Подмосковья (город в «Хорошем мальчике» не конкретизирован) спрятаны сложные темы самореализации, принятия мировоззренческих решений, умения прощать, любить и верить в светлое начало в человеке (лейтмотив «Холопа»), выбрать и таким образом *взрослеть*. В картине «Я худею» героиня борется с

собственной ленью и закомплексованностью с совсем не «зетовским» комплексом «что люди подумают», а также представлены целых два вдохновителя на работу — пухляк-активист и подруга возраста «игрек». Тогда как в «Хорошем мальчике» присутствует прием погружения в условно-иллюзорный и в то же время очень «глубинный» российский город. Благодаря этому личность развивается самостоятельно, изменяясь или оставаясь верной себе в процессе столкновения с далеко не пушистой действительностью. Несмотря на то, что у фильмов разные регистры и краски, основные вопросы пересекаются. Только герой-школьник Трескунова из-за родительского воспитания остается «игреком» в душе, в то время как героиня-студентка Бортич, также неосознанно перенимая сценарии родительской жизни, безуспешно пытается «косить под Z». На ее стремление *казаться* намекает присутствие персонажа Романа Курцына, на подсознательное желание *быть* — притяжение круга истинно близких людей.

Проблематику поиска своей дороги в современном городе в российском кино пытались раскрывать и раньше. Например, потерянные для других, но найденные для себя голоса звучат в «Питере FM» (2006) и «Еще одном году» (2014) Оксаны Бычковой. Почти каждый «урбанистический» фильм рождается с биением сердца в такт своей эпохе. Вспомним работы совсем другой формации — экранизации «Generation “Г”» (2011) о выросших детях 1970-х, «Духless» (2012, 2015). Присутствуют и современные сюжеты об особенных людях, показывающие милосердную сторону молодого и совсем юного поколения и вновь возвращающие к любви в мировом смысле («Нормальный только я» (2021), «Любовь с ограничениями» (2017)). Однако все эти картины не ставят философские вопросы поколения «игрек» во главу угла. Пионером на этом почетном и многотрудном пути стала кинокартина Александра Фомина «Молодой человек» (2022) — комедия «по гриму», драма по содержанию, с Табаковым-младшим, Олеринской и Козловским.

Как немолоды мы были

Фомин известен как режиссер «Восьмидесятых». Кому-то этот сериал пришелся по душе, а кого-то возмутил совершенно «развесистой» клюквой. Посему и «Молодого человека» критики восприняли как нечто симпатичное, но «нестабильное». В этом кинематографическом стыке поколений, ценностей и смыслов есть шероховатости вроде неуместных «лишних» кадров, но больше удачных шуток, реминисценций, аниме-параллелизмов, даже самоиронии Козловского (по тексту прекрасной, по форме нарочито крикливой). Некоторые фразы при более масштабных просмотрах могли бы даже уйти в народ (например, отлично стреляющий в контексте диалог: «Что ты здесь делаешь?» — «Ем завтрак». Или: «Как Платон сказал: “Эврика!”»)... Это драмеди с большим смыслом, первая серьезная попытка рассмотреть под лупой душу миллениала, если душу вообще можно рассмотреть. Но тридцатитрехлетний творец за режиссерским пультом, знающий «игреков» по себе, с задором это пробует делать.

Завязка построена на том, что у главного героя — бывшего золотого медалиста и выпускника МГУ — карьера и личная жизнь не складываются. С увольнением, уходом жены и ипотечной кабалой катятся в тартарары даже пресловутые «дом-работа». Но, как говорится, нет ничего случайного на свете. Образованность и правильность персонажа сталкиваются с невостребованностью в земном

грешном мире, что порождает перманентный внутренний протест. Последний, в свою очередь, вырывается наружу в виде амбициозного «плана от отчаяния». В итоге мы имеем ревность, зависть к ушлому миллиардеру-экс-однокласснику (и зритель этот порыв самооткровения не осуждает), экзистенциальный спор в виде диалогов с мамой и, конечно, преодоление и обретение себя. Пусть финал не самый волшебный, а вполне жизненный, это то, что нужно для первого в истории поколения, которое психологически отрицает старость.

Иллюзии развеиваются, но продолжается извечная борьба за свой путь (вспомним знаменитое, еще «иксовское» «I did it my way»). Главное, что остается, — любовь. Ей до лампочки теория поколений и «хлопушки» киношников. Она была, есть и будет. В том числе в новом, 2023 году. И в нем зрителя любого возраста порадует выходящий на экраны семейный фильм Ольги Акатъевой «Я читаю», где скромный учитель Саша Макаров внесет свою лепту в образ киногероя-«игрека» нашего времени.

ИЗДАНО В СИБИРИ

ИРКУТСК

Писатели Иркутской области начала XXI века. 2000—2021: справочник-хрестоматия: в 2 томах / [составитель С. В. Зубакова]. — Иркутск: Сибирская книга, 2022. — Т. 1: А—Л. — 544 с.: фот.; Т. 2: М—Я. — 572 с.: фот.

Справочник-хрестоматия «Писатели Иркутской области начала XXI века. 2000—2021» содержит сведения о членах писательских союзов и входящих в них организаций, действовавших в 2000—2021 годы в городе Иркутске и области. Издание ставит своей целью осветить творчество писателей на рубеже веков и в начале нового века, в том числе тех, кто совсем недавно пришел в литературу и вступил в профессиональный писательский союз. Справочник включает в себя краткие биографические сведения, которые сопровождаются фотопортретами и произведениями (или отрывками из них), дающими представление о творчестве того или иного автора. Биографии дополнены библиографией, отражающей наиболее значительные публикации писателей, а также материалами об их жизни и творчестве.

Издание носит справочно-информационный характер и адресовано преподавателям литературы, библиотекарям, школьникам, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством писателей Иркутской области.

Аксаментов Геннадий. Мастер время: избранные стихи и поэма. 1966—2020. — Иркутск: Сибирская книга, 2022. — 192 с.

Известный сибирский поэт Елена Жилкина писала в далеком уже 1989 году: «Стихи Геннадия Аксаментова — скромные, традиционные по форме, радуют читающего чистотой чувств, верностью тона, когда автору нужно сказать о чем-то добром и светлом в своей жизни, вспомнить друзей студенческой поры и зрелости, пришедшей с годами, и восхититься никогда не увядающей природой. Есть в стихах и еще одно очень важное свойство: строки никуда не уходят от родного города, от сыновней благодарности к нему».

Бывший руководитель иркутской писательской организации поэт Ростислав Филиппов утверждал среди прочего: «Геннадий Аксаментов обладает нечастым поэтическим даром, он — лирик. У него уже сложившийся мягкий и точный поэтический взгляд, творчество его развивается, он на своем пути».

Литературный критик, профессор ИГУ Надежда Тендитник писала в своей статье о стихах Геннадия Аксаментова: «Краски лирики суровы и светлы, социальный мир и образ времени словно выросли в природный мир и, растворившись в нем, дали силу жить и радоваться каждому дню, даже омраченному непогодой, они освещают его приятие и рождают цельность и свободу сознания, любовь и причастность ко всему сущему».

Балков Юрий. Проклятие Баальбека: избранные повести. — Иркутск: Сибирская книга, 2022. — 320 с.

Проза Юрия Балкова — это проза высокой пробы. Член Союза писателей России Юрий Балков (1961—2005) — автор нескольких художественных и

публицистических книг, вышедших с 1998 по 2005 год, многих журнальных публикаций. В данное издание вошли его избранные произведения, в том числе последнее — историческая повесть «Проклятие Баальбека», давшее название всей книге.

Перечитывая его произведения, словно возвращаешься на повернувшем вспять колесе сансары в то время, когда горячо обсуждались новые проекты и на фоне больших планов сделанное ранее казалось уже не очень существенным. Однако с уходом писателя из жизни его произведения постепенно перемещаются на уровень безусловного существования, а спустя годы их значение в литературе становится совершенно очевидно.

Комлев Иван. Рядовой Иван Яценко. — Иркутск: Сибирская книга, 2022. — 352 с.

Роман «Рядовой Иван Яценко» основан на реальных событиях, автор использовал воспоминания фронтовиков (которые, увы, ушли уже в лучший мир) и редкие документы, как наши, так и немецкие (например, фашистскую газету «Правда» за 28 августа 1941 года на русском языке, издававшуюся на оккупированной территории СССР). Имена главного героя и его близких — не вымышленные. Судьба Ивана, попавшего в плен и трижды бежавшего, пока не оказался в партизанском отряде, ставшего инвалидом после ранения, и в послевоенное время оказалась трагичной. Современному читателю откроется многое (которое, возможно, покажется ему невероятным) не только из борьбы в немецком тылу, но и из жизни народа в послевоенное время.

Два светлых рассказа («Лепешка» и «Листья») не оставят равнодушными ни взрослых, ни маленьких читателей.

АЛТАЙ

Расторгуев Андрей. На моей стороне Земли / Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. — Барнаул; Новосибирск: Экселент, 2021. — 240 с. — (Серия: Лауреаты губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского).

Книга Андрея Расторгуева «На моей стороне Земли» — сборник стихов разных лет. Пристально глядяваясь в прошлое, вместе с нами переживая настоящее и сохраняя надежду на будущее, автор старается сберечь историческую память, обнажить корни, ищет смысл жизни. Поэзия Расторгуева — о связи времен, о месте человека в своем времени. Немало в книге и любовной лирики, пронизанной нежностью к женщине, стихов, посвященных матери, жене, дочерям.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Шукин Михаил. Ямщина / Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. — Барнаул; Новосибирск: Экселент, 2021. — 416 с. — (Серия: Лауреаты Шукшинской литературной премии губернатора Алтайского края).

Роман Михаила Шукина «Ямщина», отмеченный литературной премией имени В. М. Шукшина, посвящен прошлому Сибири. Автор рисует широкую панораму жизни сибиряков конца XIX века. Ямщики, купцы, деревенские жители, каторжники, переселенцы — все они явлены на страницах романа ярко,

живо и образно. Захватывающий сюжет, замечательный авторский язык повествования, историческая точность в деталях вызывают неизменный читательский интерес к произведениям Михаила Щукина.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Копнинов Валерий. Двенадцать затмений луны / Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. — Барнаул: Алтайский дом печати, 2022. — 552 с.

У Сергея Платонова, уроженца маленького сибирского городка, сбывалась мечта — он поступил в ГИТИС. За плечами — жизненные университеты рабочей окраины, неудачный брак, несчастливые влюбленности, случайные связи. А впереди — Москва, которая даст силы исправить то, что можно исправить, а может быть, даже поможет начать все сначала. Но Москва на рубеже 80-х и 90-х — уже совершенно другой город и столица иного государства. Новое время создает новые законы. Прошлое — обесценено, нынешнее — незаконно, будущее — туманно. И вместо исправления прежних ошибок Сергей совершает новые — Москва полна соблазнов. Как найти свою дорогу среди тысячи разных дорог? Как найти свою любимую среди сотен манящих женщин? А главное — как найти самого себя, как понять, кто ты есть в этом мире?

Книга рекомендована широкой читательской аудитории старше 18 лет.

Малыгина Александра. Краеугольный камень / Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. — Барнаул: Алтайский дом печати, 2021. — 120 с.

«Краеугольный камень» — четвертая книга поэта Александры Малыгиной, автора сборников «Музыка чернил» (2012), «О тебе» (2015), «Дурёха» (2018). Настоящее издание представляет собой собрание стихотворений разных лет. Часть текстов была опубликована в предыдущих книгах и на страницах литературных журналов «Алтай», «Сибирские огни», «День и ночь» и т. д.

Поэзия Александры Малыгиной имеет редкое и ценное свойство — сопрягать в себе противоположные на первый взгляд явления: традицию и современность, ролевую игру и прямую искренность, версификационное мастерство и сознательную небрежность. Все это служит освобождению поэтической речи от штампов и косности. Каждый, даже самый смелый эксперимент, отход от общепринятого не нарушает общего равновесия.

Книга рекомендована широкой читательской аудитории старше 16 лет.

Нифонтова Юлия. Ермошка Добродей и куриный бог / Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. — Барнаул: Алтайский дом печати, 2021. — 160 с.

«Ермошка Добродей и куриный бог» — третья часть книжной серии о приключениях девочки Оли и ее лучшего друга — домовенка Ермошки. В этой книге героям вновь предстоит пережить массу захватывающих приключений в мире, полном духов крестьянского подворья: сараешников, скарбников и др. Действие развивается в Сытный день, что считается у дворовых духов общими именинами. Под горячую руку разгулявшегося дворового Чурая попадает заносчивый отчим героини, и ей приходится учиться состраданию к нелюбимому родственнику. Чтобы выручить его, Оля и Ермошка заключают с озорными духами двора опасное магическое пари.

Необыкновенные похождения героев сказки будут интересны как детям младшего школьного возраста, так и их родителям.

Михаил ЩУКИН

ОКОПНАЯ ПРАВДА ЛЕЙТЕНАНТА ЧЕБАНОВА

Его судьба неотделима от миллионов судеб его ровесников, русских мальчиков 1925 года рождения. На них, совсем юных, но уже успевших хлебнуть тыловое горе, выпало еще и главное испытание в жизни — война. Великая Отечественная. И, согласно суровым правилам этой войны, молоденький слесарь паровозного депо станции Инская Вениамин Чебанов становится после «скоропостижных курсов», как тогда горько шутили, лейтенантом и командиром взвода. В пехоте. В той самой матушке-пехоте, где «Ваньке-взводному» зачастую была отмерена очень короткая жизнь.

Но военная судьба оказалась благосклонной к юному лейтенанту, хотя и ранения были, и контузии, и землей в траншее засыпало после взрыва, едва успели откопать... Многое случилось на военных дорогах, которые пролегли до Европы. Но среди тягот и ужасов войны не оставляла его неистребимая тяга к рисованию, властно завладевшая им еще в детстве. На случайных клочках бумаги огрызком простого карандаша он продолжал рисовать, словно уже тогда твердо знал, что в будущей своей жизни непременно станет художником.

И он им стал.

Вениамин Карпович Чебанов — народный художник России, почетный житель Новосибирска, участник многих всероссийских, всесоюзных и международных выставок, был награжден многими правительственными наградами... Перечень этот можно продолжать еще долго, но, как говорил автору этих строк сам Вениамин Карпович, самая главная награда для него — звание фронтовика.

Война не отпускала его, она жила в нем, тревожа душу воспоминаниями через десятилетия. И в этих воспоминаниях его фронтовые товарищи, оставшиеся лежать в бесконечных полях от Москвы до Берлина, всегда были молодыми. Как писал фронтовой поэт: «Мы были высоки, русоволосы, вы в книгах прочитаете, как миф, о людях, что ушли, не долюбив, не докурив последней папиросы...»

Вениамин Карпович очень хотел, чтобы их лица не исчезли из людской памяти, из нашей с вами памяти. Он их возвращал оттуда, из военных лет, и они навсегда оставались на его полотнах, на которые невозможно смотреть без душевного волнения.

Давайте и мы в нынешнем мае еще раз взглядем в эти картины, написанные фронтовиком Вениамином Карповичем Чебановым. Взглядем и поклонимся светлой памяти Народного художника, который в этом году уже не встретит вместе с нами свой главный праздник — День Победы...

АВТОРЫ НОМЕРА

Акимова Евгения Амдиевна родилась в 1980 г. Окончила Новосибирский государственный театральный институт. Работала актрисой в театрах Самарканда, Томска и Новосибирска. В настоящее время — редактор отдела общественно-политической жизни журнала «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Андрианова-Книга Кристина Владимировна — член Союза писателей и Союза журналистов России, кандидат филологических наук. Область интересов — информационное воздействие на массовое сознание. Автор книг и публикаций в периодике, в том числе поэтических переводов. Номинант и победитель ряда престижных литературных конкурсов и премий. Тележурналист, старший преподаватель Уфимского университета науки и технологий. Живет в Уфе.

Басалаева Елена Михайловна родилась в 1987 г. Член СП России, автор повестей «Школа», «Сказки девяностых», сборника рассказов «Счастливая была». Публиковалась в журналах «День и ночь», «Образ», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса». Победитель всероссийского семинара «Мы выросли в России» (2022), обладатель диплома конкурса «Золотой витязь» (2019). Лауреат премии им. В. П. Астафьева в номинации «Проза» (2022). Работает учителем в красноярской гимназии № 13.

Денисенко Александр Иванович (1947—2023) родился в с. Мотково Мошковского района Новосибирской области. Учился в Новосибирском государственном педагогическом институте. Работал телеоператором, журналистом, редактором. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Волга», «Знамя» и др. Автор двух поэтических книг. Лауреат литературной премии им. Гарина-Михайловского, лауреат премии журнала «Сибирские огни». Член Союза писателей России. Жил в Новосибирске.

Денисова Наталья Сергеевна родилась в 1981 г. в п. Пинега Архангельской области. Окончила Поморский государственный педагогический университет им. М. В. Ломоносова (ныне САФУ). Работает учителем-дефектологом в школе. Финалист Архангельского межрегионального литературно-музыкального конкурса-фестиваля им. А. Грина (2022). Публиковалась в сборнике, изданном по итогам фестиваля. Живет в п. Пинега.

Ибраева Феруза родилась в Ташкентской области. Окончила Казанский государственный университет. Преподавала в Национальном университете Узбекистана. Публиковалась в журналах «Невский проспект», «Нева», «Нижний Новгород», «Новый континент» и др. Живет в Стерлитамаке.

Маркович Яков Семенович родился в Баку. Окончил Московский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию в ИМЛИ. Служил три года в армии, плавал по Каспию радистом на буксировщике-спасателе. Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Литературная учеба» и др. Живет в Москве.

Олексюк Александр Сергеевич родился в 1986 г. в Ноябрьске Тюменской области. Учился в Челябинском государственном университете на факультете журналистики. Работает главным редактором сетевого издания Novnews.com. Член Союза журналистов России. Публиковался в журналах «Урал», «Нева». Лауреат и финалист ряда литературных и журналистских конкурсов, в том числе конкурса «Журналист года Челябинской области» (2019). Автор сборника прозы. Живет в Челябинске.

Рютин Владимир Михайлович (1938—2008) — кинорежиссер, сценарист. Родился в Иркутске. Окончил Иркутский государственный университет по специальности «журналистика» и Высшие

курсы режиссеров и сценаристов в Москве. Ряд лет работал на телевидении и в студиях кинохроники различных регионов страны — от Северного Кавказа до Южных Курил. В 1990-е гг., когда вся отрасль документальной кинематографии пришла в упадок, Владимир Рютин не оставил профессию и продолжил работать. Его фильмография насчитывает 27 документальных фильмов, он лауреат многих всероссийских кинофестивалей.

Сафронова Елена Валентиновна родилась в 1973 г. в Ростове-на-Дону. Прозаик, литературный критик-публицист. Постоянный автор «толстых» литературных журналов: «Знамя», «Октябрь», «Урал», «Бельские просторы», «Вопросы литературы», портала открытой критики Rara Avis и др. Редактор рубрик «Проза» и «Критика, публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо “А”». Редактор информационного портала о культуре «Ревизор.ги». Лауреат ряда литературных премий в критических и прозаических номинациях. Автор ряда прозаических и литературно-критических книг, в том числе романа «Жители ноосферы» (М.: Время, 2014). Живет в Рязани.

Терушкин Леонид Абрамович родился в 1963 г. в Москве. Историк-архивист. Работает в Научно-просветительном центре «Холокост». Один из составителей серии из шести сборников «Сохрани мои письма. Письма и дневники евреев периода Великой Отечественной войны»; сборников документов «Собибор», «Собибор. Восстание в лагере смерти», «Собибор. Взгляд по обе стороны колючей проволоки», «Концентрационный лагерь Майданек. Исследо-

вания. Документы. Воспоминания», «Треб-линка. Исследования. Воспоминания. Документы». Научный консультант документальных фильмов «Арифметика свободы» и «Тетрадь из сожженного гетто». Живет в Московской области.

Тремасова Светлана Николаевна родилась в 1972 г. в Саранске. Окончила Литературный институт им. Горького, отделение прозы. Работает литературным редактором. Публиковалась в различных изданиях: «Литературная Россия», «Литерга Nova», «Берега», «Зарубежные задворки» и др. Член Союза писателей России, лауреат нескольких региональных премий по литературе. Живет в Москве.

Чолокян Владимир Тигранович родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Публиковался в «Сибирских огнях». Роман «Железный повод» вошел в длинный список премии «Нацбест» в 2021 г. Живет в Пензе.

Щукин Михаил Николаевич родился в 1953 г. в с. Мереть Сузунского района Новосибирской области. Окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Работал журналистом, в том числе собственным корреспондентом журнала «Огонек» и газеты «Литературная Россия» по Сибири. С 1995 г. — главный редактор журнала «Сибирская горница». С 2014 г. — главный редактор «Сибирских огней». Автор более 40 книг — романов, повестей, сборников рассказов. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Новосибирске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 13.04.2023. Дата выхода № 5 за 2023 г. в свет 15.05.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,96. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.